

Иосиф Ромуальдович Григулевич
ЭРНЕСТО ЧЕ ГЕВАРА
И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Он оставил нам свои революционные идеи, он оставил нам свои революционные достоинства, он оставил свой характер, свою волю, свою настойчивость, свое трудолюбие. Словом, он оставил нам свой пример!

ФИДЕЛЬ КАСТРО РУС

Предисловие

Революцию творят массы. Они порождают и революционных вождей — ярких по своим способностям и поведению личностей, как правило отличающихся искренностью, мужеством, беспредельной преданностью делу, которому служат. Жизнь вождей насыщена всякого рода коллизиями, столкновениями, часто заканчивается трагически. Но грядущие поколения не забывают их имен, чтят их память, стремятся впитать в себя все лучшее, что было в них и в их деятельности.

История Латинской Америки выдвинула немало выдающихся борцов за народное дело. В колониальную эпоху это индейцы Кауполикан, Куаутемок, Тупак Амару. В XIX в. — Симон Боливар, Бернардо О'Хиггинс, Хосе Марти и десятки других героев борьбы за независимость. XX век навсегда занес в почетную книгу истории имена Панчо Вильи, Эмилиано Сапаты, Аугусто Сесара Сандино, Фиделя Кастро Рус, Эрнесто Че Гевары, Камило Сьенфуэгоса, Сальвадора Альенде и многих других.

Наша книга — об Эрнесто Че* Геваре и его месте в Кубинской революции и в революционном процессе Латинской Америки. В. И. Ленин, которого оппортунисты обвиняли в том, что Советская Россия развивается не по привычным «марксистским» схемам, указывал, что революция — это не Невский проспект. Жизнь Эрнесто Че Гевары, развитие революционного процесса в Латинской Америке, история Кубинской революции еще раз подтверждают эту истину. Революции, хотя развиваются согласно одним и тем же закономерностям, идут обычно путями, которые трудно заранее предугадать как самим революционерам, так и их противникам. Если бы было иначе, то революция, вероятно, не могла бы победить, ведь враг, зная заранее пути ее развития, сумел бы легко задушить революционный процесс в зародыше.

(*Че — характерное для аргентинцев междометие, выражавшее и удивление, и восторг, и печаль, и нежность, и одобрение, и протест, стало сначала прозвищем Эрнесто Гевары, а потом боевым псевдонимом, сросшимся с его именем и фамилией. После победы Кубинской революции, будучи президентом Национального банка, Гевара подписался на новых банкнотах Кубы «Че», вызвав возмущение контрреволюционеров. В ответ Эрнесто сказал: «Для меня Че означает самое важное, самое дорогое в моей жизни. Иначе и быть не могло. Ведь мои имя и фамилия — нечто маленькое, частное, незначительное».)

14 июня 1983 г. Эрнесто Че Геваре исполнилось бы 55 лет. Он родился 14 июня 1928 г. в аргентинском городе Росарио. Для тех, кто знал Эрнесто, трудно вообразить его пожилым, а тем более старым человеком. Всем своим обликом он олицетворял молодость — мужественную, бесстрашную, жаждущую героических свершений, подвигов, побед. Вместе с тем он терпеть не мог трескучих фраз, псевдореволюционной позы, самолюбования, рисовки. Против этого он боролся оружием смеха, иногда даже издевки. «Революционерами из кафе» презрительно называл он болтунов, рассуждающих о революции с позиций постороннего зрителя и критикана.

Че Гевара считал настоящим революционером только того, кто принимал активное участие в революционной борьбе, в строительстве нового общества, однако в нем не было ничего от аскета, исключительной личности, героя, возвышающегося над толпой. Он не страдал комплексом отчужденности, ему были чужды и прочие комплексы, столь характерные для многих мелкобуржуазных интеллектуалов, вступающих на революционную стезю. А ведь Че тоже являлся одним из них. Врач, книжник, писатель, публицист, он был «сто процентным интеллигентом», но в первую очередь он был коммунистом, и это определяло в нем все остальное.

Жизнь Че Гевары была яркой и драматичной. Аргентинец, он связал свою судьбу с Кубинской революцией, вместе с Фиделем Кастро участвовал в партизанских боях, стал крупнейшим специалистом по вопросам герильи — партизанской войны, а после победы революции занимал высшие должности в партии и правительстве Республики Куба. В 1965 г. ушел со всех постов, а в 1966 г. оказался в Боливии, где во главе отряда добровольцев-партизан вел военные действия против реакционного режима и его союзников — империалистов США. 9 октября 1967 г. Че был убит американскими советниками, действовавшими в этой стране.

Гибель Эрнесто Че Гевары вызвала возмущение и негодование во всем мире. В то время популярность героя достигла апогея. Эти порою породило беспокойство в Вашингтоне, где приложили немало усилий, чтобы исказить подлинный образ Че. Его пытались выставить супергероем-одиночкой, революционером-самоубийцей, выдавали за анархиста, троцкиста, последователя Мао Цзэдуна, как это делает, например, выполняя поручение ЦРУ, Даниэль Джеймс² в биографии Че. Этот автор, пытающийся всячески исказить и принизить образ Че в угоду тем, по приказу кого он был убит, с наивным притворством вопрошает в своей книге:

«Почему столь широкий и глубокий ум, как Эрнесто Гевара, не обратился к опыту стран, где предпринимались или по крайней мере намечались попытки предпринять другие, мирные решения социального вопроса? Если его ненависть к Соединенным Штатам исключала возможность объективного изучения американского общества, то почему не обратился он к опыту таких стран, как Швеция, где осуществлялись социальные эксперименты, более близкие его настроениям? Почему он оказался неспособным смотреть на вещи шире, не сквозь призму парализующей латиноамериканские страны монокультуры? Почему его ум в столь раннем возрасте исключил иные решения и иные ответы на извечные вопросы человечества?»³. Автор воздерживается от ответа на эти патетические вопросы. Ведь ответ может быть только один: причину того, что Че избрал путь социальной революции, следует искать в политике парабощения и произвола, которую на протяжении десятилетий проводили в Западном полушарии империалисты США. Их монополии, банки, тресты захватили основные богатства стран Латинской Америки. Пентагон, госдепартамент, ЦРУ сделали нормой вмешательство в политическую жизнь этих государств. Правящие круги Соединенных Штатов боятся не только «коммунистической революции» в Латинской Америке, но и любой серьезной буржуазной реформы, если она задевает интересы их монополий, бьет по карману магнатов Уолл-стрита.

(² James D. Che Guevara: A biography. L., 1970.)

(³ Ibid., p. 123.)

На любую попытку реформ Вашингтон отвечает экономическими санкциями и вооруженными интервенциями. По приказу Вашингтона были убиты такие политические деятели, выступавшие с независимых позиций, как Франсиско Мадеро, Эмилиано Сапата и Панчо Вилья в Мексике, Аугусто Сесар Сандино в Никарагуа, Антонио Гитерас на Кубе и Эльсесер Гайтан в Колумбии. На протяжении десятилетий местные тираны в угоду Вашингтону и олигархии загоняли в подполье, гноили в казематах, пытали, уничтожали коммунистов и других борцов за подлинную демократию и счастье своих народов. Все это видел Эрнесто Че Гевара, и он сделал для себя единственно правильный вывод: чтобы добиться справедливости, нужно

изменить социальный порядок.

Немало ложных версий и клеветнических утверждений содержится о Че и в книге испанского автора Орасио Даниэля Родригеса ⁴, неоднократно переиздававшейся с 1968 г. Автор пытается доказать, что Че был своего рода Дон Кихотом, искателем приключений. Его «Боливийский дневник», утверждает Родригес, был передан кубинской стороне агентами ЦРУ, чтобы скомпрометировать и Че и Фиделя Кастро. По словам Родригеса, этот дневник якобы свидетельствует, с одной стороны, об ответственности Кубы за организацию «партизанского очага» в Боливии, а с другой — о полном провале этой затеи. Но ведь ни Фидель Кастро, ни Че никогда не скрывали своего участия в боливийских событиях, это было очевидным для всех. Кроме того, и Че и Фидель Кастро откровенно говорили, что к подобного рода действиям они прибегали исключительно в целях самообороны от непрекращающихся попыток правящих кругов США задушить Кубинскую революцию. Что касается поражения партизанского отряда в Боливии, то такую возможность его создатели и руководители не исключали: оно еще не означало поражения антиимпериалистической борьбы на континенте в целом. И последующие события в Чили, Никарагуа и других странах Латинской Америки подтвердили это.

(⁴ См., напр.: *Rodriguez H. D. Che Guevara: ¿ Aventura o Revolucion?* Barcelona, 1979, p. 244—246.)

В нашей работе мы попытались показать Че таким, каким он был в действительности: подлинным революционером, верным светлым идеалам коммунизма и пролетарской солидарности, скромным и храбрым бойцом против империализма, искренним другом Советского Союза.

Как каждый ищущий новых путей революционер, Че иногда ошибался, но всякий раз он был готов признать это, если жизнь подтверждала, что он на неверном пути. Даниэль Аларкон (Бенигно), сражавшийся вместе с Че в Боливии, так характеризовал его в одном из интервью в 1978 г.:

«Вопрос журналиста: Какими качествами, по мнению Че, должен был обладать революционер?

Аларкон: Он считал, что для борьбы человек должен обладать многими качествами. Во-первых, это должен быть до конца мужественный человек. Ему нравилась в людях не безудержная удаля, а именно мужество. Он говорил нам, что просто храбрый человек может в определенный момент потерять контроль над своими нервами, чего никогда не случится с истинно мужественным человеком. Мужественный человек выделяется среди других не тем, что быстрее всех стреляет, а тем, что способен в любой момент трезво оценить обстановку... Мужественный человек может полностью управлять своими нервами и благополучно избежать любой опасности. Ему нравились также серьезные люди. Люди, которые обладали тактом в отношениях с людьми. Человечные люди, которые оставались бы людьми и на командных постах. Люди, способные быть хорошими солдатами и одновременно с пониманием относящиеся к чувствам своих подчиненных. Физически крепкие, выносливые люди, умеющие проявить себя на поле боя. Люди, хорошо знающие природу и партизанскую борьбу. Мужественные, решительные, выдержанные люди. Одновременно с этим Че большое значение придавал верности и даже изучал ее психологические аспекты. Ему нравились люди, которые, отвечая всем перечисленным качествам, обладают четкой политической позицией, люди, верные своему долгу, не имеющие тех отрицательных свойств, которые могут свести па нет все их положительные стороны. Он с восхищением отзывался о людях, которые и в дни мира, и во время войны способны пойти на жертвы, всегда стремятся принести пользу. Он восхищался людьми, которые не избегают ответственности и смело взваливают на свои плечи всю тяжесть революционных задач. Потому что Революция — это самый тяжелый путь, какой может избрать для себя человек. Нужно иметь поистине железную волю, чтобы быть революционером.

Вопрос: Каким вам видится Че сейчас?

Аларкон: Че Для меня — прирожденный революционер. С раннего детства присутствует в нем это качество — стремление бороться за того, за кого необходимо бороться. Его отличал также совершенно особый подход к людям, он умел проникнуть в души людей. Он был человеком, который в определенный момент мог повести за собой людей на смерть. Но он никогда не переставал любить жизнь, он всегда ее любил. Это был человек, один из людей, который по-настоящему хотел жить, он любил жизнь такой, какой, по его мнению, она должна была быть. Это был человек, обладавший всеми необходимыми возможностями для того, чтобы прожить жизнь спокойно, ведь он стал одним из главных руководителей нашей Революции. Однако он мечтал о свободе не только для маленького острова, но и для всей Америки. Он был очень простым человеком и легко приспосабливался к любым условиям жизни, какими бы трудными они ни были. И для этого ему не нужно было делать больших усилий. Когда нужно, это был кремь. Но в других обстоятельствах он был сама доброта и благожелательность. Че был тем самым человеком, о котором он говорил, хотя сам он об этом не подозревал. Он был тем самым новым человеком, о котором он говорил, тем самым новым человеком, о котором он мечтал»⁵.

⁵ См.: Куба, 1978, № 10, с. 18—19

С победой Кубинской революции в рядах борцов за национальное освобождение, среди коммунистов разгорелась дискуссия: применим ли кубинский опыт к другим странам, какой путь является правильным: «мирный» или немирный? Эти вопросы обсуждались серьезно и всесторонне.

Революционный опыт масс за истекшие после победы Кубинской революции годы многое прояснил в ответах на данные вопросы, еще раз подтвердив, что выбор пути, т. е. правильной тактики и стратегии революции, зависит от марксистско-ленинского анализа конкретной обстановки в той или другой стране.

Поражения только закаляют настоящих революционеров, учат их избегать ошибок. Отряд Че потерпел поражение в Боливии, но его опыт, жертва не пропали даром. После гибели Че начинается новая страница в истории Латинской Америки, новый этап в развитии революционного процесса континента.

Несколько слов об источниках настоящей работы. Она написана на основе произведений самого Эрнесто Че Гевары, изданных на Кубе. Широко использованы и такие книги, как «Боливийский дневник» Че и биография Тамары Бунке («Таня — незабвенная партизанка») ⁶. Многие из них переведены на русский язык и опубликованы в Советском Союзе. Важное значение имеют высказывания Фиделя Кастро, без которых невозможно попятить и правильно оценить происходящие в Латинской Америке процессы; широко использованы кубинская печать, воспоминания, мемуары, другие документы⁷. Много ценного материала автор почерпнул, знакомясь в 1970 г. с уникальным архивом Комиссии по увековечению памяти Эрнесто Че Гевары при ЦК Коммунистической партии Кубы, а также во время бесед с отцом Че, Эрнесто Геварой Линчем⁸, и другом его юности Альберто Гранадосом. Особую признательность автор хотел бы выразить профессору Антонио Нуньесу Хименесу, ныне заместителю министра культуры Кубы, а в прошлом капитану повстанческой армии и одному из ближайших соратников Че во время боев в провинции Лас-Вильяс. Антонио Нуньес Хименес передал нам рукопись своих неопубликованных воспоминаний о боях за кубинский город Санта-Клара. Этот важный источник положен в основу рассказа о сражениях бойцов Че против диктатуры Батисты.

⁶ *El Diario del Che en Bolivia*. La Habana, 1968; *Rojas M., Rodrlgaet Calder6n M. Tania la Guerrillera inolvidable*. La Nahana, 1970.

⁷ Особенно хотелось бы отметить книги о Че: *Iglesias Leyva J. De la Sierra al Escambray*. La Habana, 1979; *Rodrlquez Herrera M. Ellos lucharon con el Che*. La Habana,

1980; *Mendez Capote R. Che comandante del alba. La Habana, 1981; Alarcón Ramírez D. De Yure a Manila. La Habana, 1981.*

⁸ Воспоминания отца Че Гевары неоднократно печатались в кубинской и зарубежной печати, а затем вышли отдельной книгой. См.: *Guevara Lynch E. Mio figlio il Che. Roma, 1981.*

Автор считает своим долгом поблагодарить всех товарищей, оказывавших ему доброжелательную помощь в процессе работы над настоящей книгой.

Че—аргентинец

Когда на Кубе победила Революция и Эрнесто Че Гевара стал знаменит, газеты начали писать о нем всякие небылицы. Некоторые журналисты даже высказывали сомнение, что он аргентинец. Нашлись и такие, которые утверждали, что он русский, выдающий себя за аргентинца. Но Че был коренным аргентинцем. По отцовской линии Че — аргентинец 12-го поколения, по линии матери—8-го. Среди его предков были ирландские мятежники, испанские завоеватели, аргентинские патриоты. По-видимому, Че передались по наследству некоторые черты его беспокойных предков. У него в характере было нечто такое, что влекло его к дальним странствиям, к опасным приключениям, к новым идеям.

Предки Че по отцовской линии, испанцы, поселились в Аргентине еще в колониальное время ¹. Они обосновались в пограничной с Чили провинции Мендоса и занялись земледелием. В начале прошлого века Мендоса служила базой освободительной армии генерала Хосе де Сан-Мартина, которая свергла испанское господство в Аргентине. Основателем аргентинской ветви Линчей был ирландец Патрик, участник освободительной борьбы своего народа против английского господства. От преследования англичан он бежал в Испанию, а оттуда в Аргентину, или, как ее тогда называли, вице-королевство Рио-де-ла-Платы, где женился на богато» креолке. Это было во второй половине XVIII в., еще в период владычества испанцев.

Отец Че, Эрнесто Гевара Линч, был шестым ребенком в семье Роберто Гевары ² и Анны Линч.

Эрнесто-старший учился на архитектурном факультете Национального университета в Буэнос-Айресе, но с перерывами — приходилось работать. От былых асьенд его предков остались к тому времени лишь одни воспоминания.

Мать Че, донья Селия де ла Серна-и-де ла Льюса тоже, как и ее муж, принадлежала к старинному аргентинскому роду. Ее отец, Хуан Мартин де ла Серпа, вошел в историю Аргентины как основатель города Авельянеды, соседствующего с Буэнос-Айресом.

В роду Селии имеется даже свой испанский гранд — генерал Хосе де ла Серна-э-Инохоса, последний испанский вице-король Перу. Это его войска были разгромлены колумбийским маршалом Сукре в памятном сражении при Аякучо. Имя этого генерала упоминается К. Марксом и Ф. Энгельсом в статье «Аякучо» ³, где описаны подробности исторического сражения, завершившего 15-летнюю войну за независимость Латинской Америки.

Селия была независимой натурой, не считалась с условностями аргентинской аристократической касты. Ее интересовала политика, по всем вопросам она высказывала свои собственные суждения. В юности она принимала участие в феминистском движении, боролась за предоставление женщинам избирательных прав.

Одной из первых среди женщин Аргентины она села за руль автомобиля; одной из первых в стране она отрезала косы, стала подписывать своим именем банковские чеки.

В конце 20-х годов Эрнесто-старший, получив от отца в наследство небольшую сумму денег, купил 200 га земли в районе порта Карагуатай (провинция Мисьонес), что на границе с Парагваем⁴. Он хотел превратить эти земли в образцовую плантацию по производству йерба-матэ (парагвайский чай)⁵. Цены тогда на йерба-матэ были высокими, не даром ее называли «зеленым золотом». Эрнесто Гевара купил самые современные машины, попытался облегчить труд рабочих-сезонников, занятых сбором этой культуры.

Поселившись в Мисьонес, Эрнесто-старший отменил талоны, начал выплачивать рабочим заработную плату деньгами и запретил продавать спиртное на своей плантации. Окрестные плантаторы поначалу сочли его за сумасшедшего, потом стали называть коммунистом⁶. По политическим симпатиям Гевара-старший тогда был сторонником партии Гражданский радикальный союз, глава которой Ипполито Иригойен, бывший в то время президентом, сделал много полезного для страны, выступал за независимую внешнюю политику. Но плантаторы в те времена жили по своим законам. В Мисьонес царил полный произвол. Местные власти, полиция были в руках плантаторов.

В 1930 г. семья Гевары переехала в Сан-Исидро, городок на реке Ла-Плате, неподалеку от столицы. Там Эрнесто-старший владел на паях со своим родственником небольшой верфью.

Вскоре в связи с болезнью Тэтэ⁷ (у ребенка обнаружилась астма) по совету врачей семья переехала в Кордову, самую «здоровую» аргентинскую провинцию, расположенную на западе страны в гористой местности. Ее чистый, прозрачный воздух, насыщенный ароматом хвойных лесов, считается целебным. Гевара приобрел дом — «Виллу Нидию» в местечке Альта-Грасия, расположенном близ города Кордова, на высоте 1000 м над уровнем моря. Эрнесто-старший стал работать подрядчиком по строительству домов, Селия смотрела за ребенком. У Че почти еженощно повторялись приступы астмы. Отец спал рядом с его кроватью и, когда малыш начинал задыхаться, брал его на руки, качал и успокаивал, пока не проходил приступ.

Вслед за Тэтэ у Гевары родилось еще четверо детей — Селия, Роберто, Анна Мария и Хуан Мартин. Все они, как и Тэтэ, получили высшее образование. Дочери стали архитекторами, Роберто — адвокатом, Хуан Мартин — проектировщиком. Росли они нормально, особых забот родителям не доставляли.

С Эрнесто было совсем иначе. Он даже не смог поступить в школу. Два года мать занималась с ним дома. Читать он начал с четырех лет и с того времени стал страстным любителем чтения.

В доме была большая библиотека, в которой наряду с классикой — от испанской до русской — имелись книги по истории, философии, психологии, искусству, работы Маркса, Энгельса, Ленина, Кропоткина, Бакунина. Аргентинские писатели были представлены Хосе Эрнандесом, Доминго Сармьенто и другими. Были книги на французском языке. Селия свободно владела французским, знала английский. Она учила языкам детей, в частности Тэтэ.

У Че были свои излюбленные авторы. В детстве он читал книги Сальгари, Жюль Верна, Дюма, Гюго, Джека Лондона. Затем он увлекся Сервантесом, Анатолем Франсом. Знал и любил Толстого, Достоевского, Горького. Он прочел и все модные тогда латиноамериканские социальные романы (перуанца Сиро Алегрии, эквадорца Хорхе Икасы, колумбийца Хосе Эустасио Риверы), повествующие о тяжелой жизни индейцев и рабском труде рабочих в поместьях, на плантациях.

Че любил и поэзию, зачитывался Бодлером, Верленом, Гарсия Лоркой, Антонио Мачадо, Пабло Нерудой, множество стихов он знал наизусть. Он и сам писал стихи. Он как-то назвал себя революционером, который так никогда и не стал поэтом. В письме к испанскому поэту-республиканцу Леону Фелипэ, книгу стихов которого

«Олень» обычно держал у изголовья, Эрнесто охарактеризовал себя как «неудавшегося поэта». Кубинец Роберто Фернандес Ретамар, сам известный поэт, рассказывает, что незадолго до того, как Эрнесто навсегда покинул Кубу, он одолжил у Роберто антологию испанской поэзии, откуда выписал стихотворение Пабло Неруды «Прощай!»

Че не расставался с поэзией до самой смерти. В Боливии в рюкзаке вместе со знаменитым «Боливийским дневником» была обнаружена тетрадь с его любимыми стихами. Об Эрнесто, таким образом, можно сказать словами Мартина Фьерро, свободолюбивого пастуха-гаучо, героя популярнейшей в Аргентине поэмы Хосе Эрнандеса (1834—1888):

С песней жил я, с ней умру,
С ней я странствовал повсюду,
С ней я похоронен буду...⁸
(пер. М. Донского)

Эрнесто увлекался также живописью, знал хорошо ее историю, сам неплохо рисовал акварелью. Больше всего ему нравились импрессионисты. Увлекался он и шахматами. Только в музыке он не разбирался. У него не было слуха. Он не мог отличить танго от вальса и не умел танцевать, что вовсе нетипично для аргентинца. Когда Че был министром промышленности и его попросили высказать мнение о качестве новых пластинок, он ответил: «Я не могу высказать о музыке никакого мнения, мое невежество в этой области стопроцентно».

Тэтэ увлекался не только поэзией и искусством. Он был силен и в математике и в других точных науках⁹. Родители думали даже, что со временем он станет инженером.

С раннего возраста Тэтэ занимался спортом. Он любил плавать, когда семья проводила лето на побережье, в Мар-дель-Плате. Море он называл своим старым другом. Он словно стремился доказать, что способен, несмотря на свою астму, делать не только все то, что делают другие его сверстники, но даже больше и лучше их: играл в футбол, регби, занимался конным спортом, альпинизмом, увлекался гольфом и даже планеризмом, а главной страстью его детских и юношеских лет был велосипед.

Будучи студентом, Че совершил на мопеде путешествие в 4 тыс. км по Аргентине. Фирма «Микрон» предоставила ему мопед своей марки в целях рекламы и частично покрыла расходы, связанные с путешествием. Потом он нанялся матросом на аргентинское грузовое судно и некоторое время плавал на нем, побывал на Тринидаде, в Британской Гвиане. Затем обошел добрую половину Южной Америки. В 1941 г., когда Че исполнилось 13 лет, он сдал экзамены в государственный колледж имени Деан-Фунеса¹⁰ в Кордове. В 1945 г. он поступил на медицинский факультет университета в Буэнос-Айресе, здесь трудился в лаборатории известного аргентинского специалиста в области аллергии доктора Сальвадора Писани. Вместе с тем он стремился подработать, чтобы самому платить за учебу: служил в муниципалитете, оборудовал дома производство инсектицидов, торговал обувью..."

В эти годы олигархические и военные правительства в Аргентине сменяли друг друга. В 1930 г. был свергнут президент Ипполито Иригойен и к власти пришел первый аргентинский «горилла» — генерал Хосе Феликс Урибуру, обещавший «избавить страну от коммунизма». Затем президентом стал генерал Хусто, после которого непродолжительное время страной правили два олигарха — Ортис, настроенный проанглийски, и Кастильо, поддерживавший пронемецкий курс. Последнего в 1943 г. сверг триумvirат «горилл» в генеральских мундирах — Роусон, Фаррель и Рамирес, на смену которым в 1946 г. пришел полковник Перон. В 1955 г. Перона убрала хунта генералов и адмиралов во главе с Лонарди и Арамбуру.

Экономика Аргентины была тесно связана с лондонским Сити и нью-йоркским Уолл-стритом. Значительная часть па-селения страны — эмигранты или дети эмигрантов (в основном из Италии и Испании). Кроме того, имеется большая немецкая колония, много евреев, поляков, англичан, выходцев из стран Ближнего Востока.

Естественно, что все эти национальные группы живо откликались на события, происходящие в странах, откуда были родом они или их родители. Интеллигенция же, в особенности творческая, всегда тянулась к Франции. Париж был Меккой аргентинских интеллектуалов, писателей, артистов, художников. Поэтому и судьба Франции была им небезразлична. События в Советском Союзе тоже всех интересовали. Коммунистическая партия Аргентины возникла сразу же после Октября. Она, как правило, подвергалась жестоким преследованиям, но тем не менее активно действовала. Вообще идеи социализма довольно широко распространены в Аргентине. Социалистическая рабочая партия появилась еще в конце прошлого столетия, и ее основатель Хуан Б. Хусто впервые перевел на испанский язык «Капитал» Карла Маркса. В Аргентине издавалось и издается много книг по социализму, марксизму. Многие из них имелись в семейной библиотеке отца Че. Кроме того, аргентинские газеты широко освещали зарубежные события — даже шире, чем события внутренней жизни. Все это позволяло семье Гевары быть в курсе важнейших перемен в мировой политике.

Широкий отклик в Аргентине имела испанская гражданская война. Отец и мать Че сотрудничали с Комитетом помощи республиканской Испании. Семья Че горой стояла за республиканцев; принимала участие в аргентинском движении против фашизма и антисемитизма. По соседству жил доктор Хуан Гонсалес Агиляр, бывший заместитель премьер-министра Негрина в правительстве республиканской Испании. После поражения Республики он эмигрировал в Аргентину и поселился в Альта-Грасии. Дети Гевары дружили с детьми Гонсалеса Агиляра, учились с ними в одной школе, а затем в одном и том же колледже в Кордове. Тэтэ дружил и со своим сверстником испанским юношей Фернандо Барралем, отец которого погиб, сражаясь с фашистами. Известный республиканский генерал Хурадо одно время гостил у Гонсалесов. Он часто бывал в доме Гевары и рассказывал о перипетиях гражданской войны, о зверствах франкистов и их союзников — итальянцев, немцев. Все это оказывало соответствующее влияние на формирование будущих политических взглядов Тэтэ.

Во время второй мировой войны вся семья Гевары и их друзья горячо сочувствовали союзникам, Советскому Союзу, желали поражения странам «оси» и радовались победам Красной Армии. Огромное впечатление произвела на них Сталинградская битва.

Аргентина тогда была наводнена агентами и шпионами «оси», располагавшими тайными радиостанциями. Власти не только не пресекали их подрывной деятельности, но ее покрывали и ей содействовали. Друзья же союзников, а в их числе семейство Гевары, помогали выявлять и разоблачать фашистских агентов.

Родители Че принадлежали к числу активных участников оппозиционного демократического движения. Селия даже была арестована во время одной демонстрации в Кордове.

Тогда в Аргентине существовало множество подпольных боевых организаций, выступавших против полицейского террора. В одной из таких организаций, действовавших на территории Кордовы, участвовал и отец Че. В доме, где жила семья Гевары, изготовлялись бомбы, которые использовались для защиты от полицейских во время Демонстрации. Все это делалось на глазах у Тэтэ, который однажды сказал отцу: «Папа! Или ты разрешишь помогать тебе, или я начну действовать самостоятельно, вступлю в другую боевую группу». Отцу пришлось разрешить, чтобы иметь возможность контролировать действия сына и таким образом обезопасить его от провала и полицейских репрессий.

¹ Че не придавал никакого значения своей родословной и если упоминал о ней, то только в шутку. В 1964 г. на письмо одной корреспондентки из Касабланки — Марии Росарио Гевары, спрашивавшей, откуда родом его предки, он ответил: «Товарищ!

Откровенно говоря, точно не знаю, из какой части Испании пришли мои предки. Они давным-давно покинули те места „в чем мать родила". И я не хожу сейчас в таком виде лишь потому, что это не особенно удобно. Не думаю, что мы с Вами близкие родственники, но, если Вы способны трепетать от негодования каждый раз, когда совершается несправедливость в этом мире, мы с Вами — товарищи, а это гораздо важнее» (*Che Guevara E. Obras, 1957—1967. La Habana, 1970, t. 2, p. 685*).

² Землемер по образованию, Роберто занимал довольно видный пост, возглавлял комиссии по уточнению границ с Чили, Боливией, Парагваем и Уругваем. Можно сказать, что нынешние границы Аргентины были установлены при его непосредственном участии (*Guevara Lynch E. Mio figlio il Che. Roma, 1981, p. 11—14*).

³ См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 14, с. 176—177*.

⁴ *Guevara Lynch E. Op. cit., p. 14—17*.

⁵ Аргентинцы большие охотники до матэ, они пьют его столь же много, как другие народы чай или кофе. Страстным любителем матэ был и Че. Аргентинский поэт Фернан Сильва Вальдес писал об этом приятном и целебном напитке:

Есть в тебе грубоватая резкость
И крепость ладони мужской,
Горький матэ.
Ты везде и повсюду со мной,
Когда весело мне и печально...
Я пригублю тебя, и отхлынет от сердца тоска,
Сгинут беды, и радость придет,
В моем доме невзгоды растают.

(*пер. Г. Шмакова*) Этот напиток доставляет людям радость. Но тем, кто выращивает эту культуру, он причинял неисчислимые страдания. Рабочие плантаций йерба-матэ находились на положении каторжников. Хозяин распоряжался их жизнью и смертью, мог безнаказанно избить и даже убить. Работали они за талоны — «вале», взамен которых получали в хозяйской лавке продукты второго сорта и всякую мелочь, сбываемые им хозяином втридорога. К тому же хозяин отравлял их спиртным, которое имелось в лавке в неограниченном количестве. Любое организованное сопротивление рабочих жестоко подавлялось плантаторами и полицией.

⁶ *Ibid., p. 24*.

⁷ Так домашние называли первенца четы Гевара, нареченного в честь отца Эрнесто.

⁸ См.: *Эрнандес Х. Мартин Фьерро. М., 1972, с. 26*,

⁹ *Guevara Lynch E. Op. cit., p. 102—105*.

¹⁰ Грегорио Фунес (1749—1825)—настоятель собора (dean) в Кордове, участник войны за независимость Аргентины.

¹¹ *Guevara. Lynch E. Op. cit., p. 110—129*.

Его университеты

В школьные и университетские годы у Эрнесто было немного близких друзей. Он отличался резким характером, едким, разящим юмором. В то же время ему были свойственны такие качества, как мужество, готовность всегда постоять за товарища, романтизм, фантазия. Несмотря на недуг, он был не только «как все», но и впереди других в играх, забавах, юношеских проделках. Все же существовал какой-то невидимый барьер, отделявший его от друзей, и отнюдь не каждому было дано перешагнуть его. Почему? Не потому ли, что за внешней резвостью скрывалась поэтическая, легко ранимая душа ребенка, страдающего неизлечимой болезнью.

Самыми близкими друзьями Че были Чинчина, его юношеская любовь, и Альберто

Гранадос¹. Судя по воспоминаниям сестры Чинчины и другим свидетельствам, Че собирался на ней жениться. Чинчина, дочь одного из богатейших помещиков Кордовы, принадлежала, как говорят в Аргентине, к «коровьей аристократии». Она обладала всем тем, чего был лишен юный Тэтэ: завидным здоровьем, ослепительной красотой, изяществом и... огромным состоянием. А Че являлся в дом Чинчины на званые вечера, как обычно, лохматый, в потрепанной куртке и рваных башмаках, эпатируя местных снобов не только своим внешним видом, но и едкими репликами в их адрес и в адрес их политических кумиров.

На что надеялся Че? На любовь Чинчины. Он предлагал ей покинуть отчий кров, забыть о своем богатстве и уехать с ним за границу (это было после его возвращения из пер вой поездки по Южной Америке), в Венесуэлу, где намеревался работать в лепрозории и вместе со своим другом Альберто Гранадосом лечить прокаженных, как это делал в далекой Африке Альберт Швейцер, перед подвигом которого Че преклонялся.

Но Чинчина соглашалась стать женой Эрнесто лишь при условии, что он останется с ней, вернее, при ней. Его донкихотский проект переселиться в венесуэльские дебри и посвятить себя лечению прокаженных казался ей трогательным, благородным, но совершенно нереальным. Вошли в непримиримый конфликт возвышенное и обыденное, поэзия и проза жизни. Это не могло закончиться компромиссом. Ни Эрнесто, ни Чинчина не сдавали своих позиций. И они расстались: она — чтобы благополучно выйти замуж, он — чтобы вступить на путь, с которого нет возврата к прошлому.

Альберто Гранадос, или Миаль², как его называли друзья, был старше Тэтэ на шесть лет. Что же их сблизило? Свойственные Альберто оригинальность суждений, стремление к познанию неизведанного были, вероятно, созвучны Тэтэ. Кроме того, Альберто работал в лепрозории. Выбрать такую работу мог только человек высоких моральных качеств и гражданского мужества. К тому же этому самаритянину одновременно была присуща неиссякаемая жизнерадостность, роднившая его с Кола Брюньоном, на которого он и внешне был похож. Не эти ли черты больше всего привлекали Че в Миале?

Альберто родился в местечке Эрнандо, что на юге провинции Кордова. Он закончил фармацевтический факультет университета. И все же карьера аптекаря его не прельщала. Миаль увлекся проблемой лечения проказы, проучился в университете еще три года, стал биохимиком. И в 1945 г. начал работать в лепрозории, расположенном в 180 км от Кордовы.

Миаль познакомился с Че в 1941 г. через своего брата Томаса, который учился с Эрнесто в одном классе в колледже Деан-Фунес. Миалья и Че сдружили страсть к чтению в любовь к природе. Миаль стал частым гостем в доме Гевары, где ему было разрешено пользоваться библиотекой. Че был завзятым спорщиком, и друзья очень много спорили о прочитанном, нередко засиживаясь до утра.

Миаль и его два брата, Томас и Грегорио, все свободные дни проводили в живописных окрестностях Кордовы, где жили как робинзоны. Че часто присоединялся к ним. Родители охотно отпускали его. Чистый горный воздух облегчал его постоянную борьбу с астмой, а длительные переходы пешком закаляли организм и приучали к выносливости. Эрнесто быстро постиг все премудрости жизни па лоне природы: научился сооружать из ветвей шалаш, быстро разжигать костер и т. д. Все это пригодилось ему впоследствии, когда он партизанил в горах Сьерра-Маэстры, а потом в Боливии, хотя в те далекие годы ему в голову не приходило, что придется когда-либо воспользоваться этим опытом.

И Миаль и Че знали, что в начале XIX в. аргентинцы вели партизанские действия против испанцев. Они знали о партизанской войне под предводительством крестьянских вожаков Панчо Вильи и Эмилиано Сапаты во время мексиканской революции и о борьбе никарагуанцев во главе с легендарным Аугусто Сесаром

Сандино против интервентов-янки. Доходили до них сведения о партизанских боях в Китае. Они восторгались подвигами советских партизан в тылу немецких войск в период второй мировой войны. Но никто, включая Че, тогда не предполагал, что и теперь в Латинской Америке подобное возможно. Молодые люди, однако, не стояли в стороне от политической борьбы. Наоборот, они принимали в ней самое активное участие. Студенты считали себя антиимпериалистами и антифашистами, устраивали забастовки, демонстрации, вступали в столкновения с полицией.

Кордова — крупный культурный центр Аргентины. В этом городе находится один из старейших в Америке университетов — он был основан в 1613 г., имеются Музей естественной истории, большой зоологический сад, Академия художеств. Местные жители гордятся своими свободолюбивыми традициями. Именно в Кордовском университете зародилось в 1918 г. революционное студенческое движение за университетскую реформу, проходившее под антиимпериалистическими лозунгами и охватившее затем все высшие учебные заведения Латинской Америки. Там же в 1930-х годах образовалась влиятельная группа во главе с публицистом и адвокатом Теодоро Рокой, смело выступавшая против полицейских репрессий и фашизма. С сыном Роки, Густаво, дружил Тэтэ. В Кордове активно действовал Комитет помощи Советскому Союзу.

Альберто Гранадос участвовал в антифашистском студенческом движении. В 1943 г. его и еще нескольких студентов арестовали. К нему на свидание в полицейский участок пришли Томас и Эрнесто. Миаль предложил им попробовать вывести на улицу учащихся колледжей с требованием не медленно освободить арестованных студентов. Его удивила реакция Че на это: «Что ты, Миаль, выйти на улицу, чтоб тебя просто огрели полицейской дубинкой по башке?! Нет, дружок, я это сделаю, только если мне дадут „буфосо" (пистолет. — *И. Г.*)!».

Миаль давно мечтал побывать в странах Южной Америки, о которых даже местные жители знали очень мало, — их больше интересовали события в Испании, Франции или Соединенных Штатах, чем то, что происходило в соседних республиках. К тому же у Миаля был и сугубо личный профессиональный интерес к этой поездке: он намеревался побывать в лепрозориях соседних стран, ознакомиться с их работой и, может быть, потом написать об этом книгу. Денег у Миаля на такую поездку не было, но зато был «транспорт» — старый мотоцикл, который непрерывно приходилось чинить. Что касается расходов на пропитание, то Миаль рассчитывал на случайные заработки, а также на солидарность коллег — врачей в лепрозориях.

В то время семья Гевары уже жила в Буэнос-Айресе, где Че учился на медицинском факультете университета и стажировался в институте по изучению аллергии. Семья испытывала тогда материальные трудности, и Эрнесто подрабатывал в муниципальной библиотеке. На каникулы он приезжал в Кордову, навещал Миаля в лепрозории. Он интересовался новыми методами лечения прокаженных и помогал другу в его опытах. В один из таких приездов, в сентябре 1951 г., Миаль предложил Че отправиться вдвоем в путешествие.

Эрнесто, который учился тогда на последнем курсе, с восторгом принял предложение Миаля, попросив, правда, подождать немного, пока он не сдаст очередные экзамены. Родители не возражали отпустить Эрнесто при условии, что он будет отсутствовать не больше года и возвратится к сдаче выпускных экзаменов.

29 декабря 1951 г., нагрузив мотоцикл поклажей и вооружившись автоматическим пистолетом и фотоаппаратом, путешественники тронулись в путь, направившись сначала к Мар-дель-Плате, где отдыхала Чинчина, а затем вдоль Атлантического побережья Аргентины еще дальше на юг, от порта Баия-Бланка до озера Барилоче, где свернули на запад, в сторону Вальдивии, чилийского города на побережье Тихого океана. В дороге им пришлось изрядно помучиться. Мотоцикл непрерывно выходил из строя, путешественники не столько ехали на нем, сколько волокли его на себе. На ночлег останавливались в поле или в лесу — смотря по тому, где оказывались в это

время. Хуже было с едой. Деньги, с которыми друзья отправились в путь, улетучились в первые же дни. Миаль и Че мыли посуду в ресторанах, лечили крестьян, выступали в роли ветеринаров, занимались грузчиками, носильщиками, матросами, чинили радиоприемники в селениях. Спасительными оазисами служили лепрозории, где они утоляли не только физический, но и духовный голод, так как, обмениваясь опытом с местными коллегами, узнавали много для себя интересного и полезного. Эрнесто все больше и больше увлекался проблемой исследования и лечения проказы. Как и Миаль, он не боялся прокаженных, не испытывал к ним отвращения. Наоборот, вид этих отверженных, забытых близкими и обществом, вызывал в нем живейшее участие, и он все больше склонялся к мысли о необходимости посвятить свою жизнь их лечению.

18 февраля 1952 г. друзья прибыли в чилийский город Темуко. На следующий день местная газета «Диарио Аустраль» опубликовала о них статью, в которой сообщалось, что Миаль и Че собираются отправиться на о-в Пасхи. Однако в Вальпараисо они узнали, что парохода на о-в Пасхи пришлось бы ждать полгода, что вынудило их отказаться от идеи посоперничать с Туром Хейердалом. Остров Пасхи, правда, занял определенное место в биографии Че. Но это уже имеет отношение к его боливийской эпопее.

Из Вальпараисо друзья продолжали свое путешествие уже без мотоцикла. Их двухколесный Росинант испустил дух недалеко от Сантьяго-де-Чили. Никакая починка уже не могла его оживить. Друзья соорудили ему «гробницу» в виде шалаша, попрощались с его бренными останками и двинулись дальше — пешком, попутным транспортом и «зайцами» на поездах или пароходах.

Добравшись до медного рудника Чукикаматы, принадлежащего американской «Браден коппер майнинг компани», путешественники провели ночь в казарме охранников рудника.

В Перу Че и Миаль наблюдали жизнь индейцев качуа и аймара, прозябавших в беспросветной нужде, забытых, эксплуатируемых помещиками и властями, отравленных кокой³, которую потребляют, чтобы заглушить голод. Аргентинцы заинтересовались и прошлым индейцев. В Куско Эрнесто часами просиживал в местной библиотеке, зачитываясь книгами о древней империи инков. Несколько дней друзья провели среди живописных развалин индейского города Мачу-Пикчу, грандиозные размеры которых так поразили Эрнесто, что он вознамерился посвятить себя изучению прошлого инков. Че с упоением декламировал вдохновенные строки Пабло Неруды, посвященные этому городу.

Мертвый город Мачу-Пикчу им казался полным жизни. Само его существование вселяло веру в светлое будущее народов континента. Потомки строителей Мачу-Пикчу рано или поздно сбросят с себя оковы векового рабства. Миаль и Че были в этом убеждены и фантазировали, как индейские армии под водительством нового Тупака Амару⁴, конечно при их самом деятельном участии, пробудят наконец Перу к счастливой и свободной жизни...

Из Мачу-Пикчу путешественники направились далеко в горы, в лепрозорий, основанный ученым-подвижником доктором Уго Песче, членом Коммунистической партии Пору. Он принял аргентинцев очень тепло, ознакомил со своим хозяйством и снабдил рекомендательным письмом в другой крупный центр по лечению проказы — близ перуанского города Сан-Пабло.

Дорога до Сан-Пабло оказалась совсем непростой. В селении Пукальпа, что на р. Укаяли, они устроились на судно, которое шло до Икитоса — порта на Амазонке. В Икитосе они были вынуждены задержаться на некоторое время, так как у Эрнесто начался очень сильный приступ: астма его буквально душила, и он был вынужден лечь в местный лазарет. Но железная воля позволила Че преодолеть не только этот приступ, но и многие другие препятствия, встретившиеся в пути. В госпитале Икитоса его быстро поставили на ноги, и вскоре друзья возобновили путешествие по Амазонке в направлении Сан-Пабло.

Несмотря на недуг, Че разделял с Миалем все тяготы путешествия и не разрешал себе каких-либо поблажек и скидок на болезнь. В трудностях проявлял завидное упорство и если брался за какое-нибудь дело, то обязательно доводил его до конца.

В лепрозории Сан-Пабло им оказали сердечный прием, предоставили в их распоряжение лабораторию, пригласили участвовать в лечении больных. Аргентинцы попытались применять психотерапию: организовали из больных футбольную команду, устраивали спортивные состязания, охотились в их компании на обезьян, беседовали с ними по самые разнообразные темы. Их внимание и товарищеское отношение к этим несчастным резко подняло тонус больных. В благодарность больные построили плот, с тем чтобы аргентинцы могли добраться до следующего пункта их путешествия — Летисию, колумбийского города, тоже расположенного на берегах Амазонки.

В канун отъезда Че и Миалья в Сан-Пабло попрощаться с ними прибыла делегация прокаженных — мужчины, женщины, дети. Они подплыли на судне к причалу, где стоял плот, названный в честь аргентинцев «Амбр-Танго»⁵. Это название должно было символизировать аргентино-перуанскую дружбу. Шел дождь, но энтузиазм провожающих от этого не уменьшился. Сперва они пели в честь отбывающих гостей песни, а потом выступили с прощальными речами. Говорили они не очень складно, но зато искренне. Ответную речь держал Миаль. Он очень волновался, ему, как и Эрнесто, было жаль покинуть этих людей, с которыми они крепко сдружились во время непродолжительного пребывания в Сан-Пабло.

Отсюда Че направил своим родителям письмо в свойственном для него стиле: «Если через год не получите от нас вестей, ищите наши засушенные головы в каком-нибудь американском музее, так как мы пересекаем зону индейцев хиваро»⁶.

21 июня 1952 г., уложив свои нехитрые пожитки на «Мамбо-Танго», друзья направились вниз по течению величественной Амазонки в направлении к Летисию. Эрнесто много фотографировал и вел, следуя примеру Миалья, дневник⁷. Увлечшись созерцанием буйной тропической природы, они не заметили Летисию и опомнились только тогда, когда «Мамбо-Танго» пристал к большому острову, который оказался бразильским. Плыть обратно по плоту (против течения) — затея безнадежная. Незадачливым Колумбам пришлось обменять плот на лодку и еще в придачу отдать вес свои скудные сбережения.

В Летисию наши путешественники прибыли до предела измотанные и без сентаво в кармане. Их непрезентабельный вид вызвал подозрение полиции, и вскоре они очутились за решеткой. На этот раз выручила слава аргентинского футбола. Когда начальник полиции, страстный «инча» (болельщик), узнал, что арестованные «бродяги» — аргентинцы, он предложил им свободу в обмен на согласие стать тренерами местной футбольной команды, которой предстояло участвовать в районном чемпионате. И когда команда выиграла, благодарные фанатики кожаного мяча купили билеты на самолет, который благополучно доставил Миалья и Че в столицу Колумбии Боготу.

В то время президентом Колумбии был Лауреано Гомес. Армия и полиция вели войну против непокорных крестьян. Ежедневно сообщалось об убийстве неугодных властям деятелей. Тюрьмы страны были переполнены политическими заключенными. За решеткой оказались и Миаль с Че. Чтобы обрести свободу, им пришлось пообещать немедленно покинуть Колумбию. Знакомые студенты собрали деньги на дорогу, и они на автобусе направились в пограничный с Венесуэлой город Кукута. Из Кукуты перешли по международному мосту границу и очутились в венесуэльском селении Сан-Кристоваль, откуда 14 июля 1952 г. благополучно добрались до Каракаса — конечной цели своего путешествия. За месяц до этого Че исполнилось 24 года.

Пришло время возвращаться на родину. Миаль, однако, решил остаться в Венесуэле. И причиной тому была не только интересная работа, которую ему предложили в лепрозории Каракаса, но и то, что здесь он познакомился с местной девушкой Хулией, на которой вскоре женился. Денег на дорогу для Че у друзей не

было. Но им продолжала сопутствовать удача. В Каракасе Че встретил своего дальнего родственника, торговца лошадьми, который вез скакунов самолетом из Буэнос-Айреса в Майами (США) с остановкой в Каракасе. В Майами он обычно закупал лошадей-ломовиков, которых переправлял затем самолетом в венесуэльский город Маракайбо, где продавал их, и откуда самолет порожняком следовал в Буэнос-Айрес. Он предложил Эрнесто сопровождать очередную партию лошадей из Каракаса в Майами, а оттуда вернуться через Маракайбо в Буэнос-Айрес. Че согласился и в конце июля расстался с Миалем.

В Майами Че задержался на целый месяц. Деньги, полученные на мелкие расходы, быстро иссякли. Живя впроголодь, Че тем не менее купил обещанное Чинчине кружевное платье. Свободное время он проводил в местной библиотеке.

По возвращении в Буэнос-Айрес в августе 1952 г. Че засел за учебники. Ему предстояло подготовить дипломную работу о проблемах аллергии и сдать добрую дюжину экзаменов. В марте 1953 г. Эрнесто получил наконец диплом доктора-хирурга, специалиста по дерматологии.

Миаль был уверен, что Че, как и обещал, после получения диплома врача вернется в Каракас, и они будут вместе работать в лепрозории. Но этим планам не суждено было сбыться. Друзья увиделись вновь лишь через 8 лет, уже после победы Кубинской революции, в Гаване, в кабинете президента Национального банка Кубы, пост которого тогда занимал Че.

19 августа 1960 г. Че говорил кубинским врачам в Гаване: «Когда я еще только приступил к изучению медицины, те взгляды, которые присущи мне сейчас как революционеру, в арсенале моих идеалов отсутствовали. Я, как и все, хотел одерживать победы, мечтал стать знаменитым исследователем, мечтал неустанно трудиться, чтобы добиться чего-то такого, что пошло бы в конечном итоге на пользу человечеству, но это была мечта о личной победе. Я был, как все мы, продуктом своей среды»⁸.

Перелом произошел во время первого путешествия по Америке. Что больше всего поразило Гевару в странах Тихоокеанского побережья Южной Америки, на медных рудниках, в индейских селениях и в лепрозориях? Нужда и забитость крестьян, индейцев, простых тружеников этого огромного континента, которым противостоят черствость, продажность, распущенность верхов, эксплуатирующих, грабящих, обманывающих народные массы. «... Я видел, — продолжал Че, выступая перед кубинскими врачами, — как не могут вылечить ребенка, потому что нет средств; как люди доходят до такого скотского состояния из-за постоянного голода и страданий, что смерть ребенка уже кажется отцу незначительным эпизодом... И я понял, что есть задача, не менее важная, чем стать знаменитым исследователем или сделать существенный вклад в медицинскую науку, — она состоит в том, чтобы прийти на помощь этим людям»⁹.

Но какими средствами можно помочь угнетенным, что нужно сделать для того, чтобы облегчить их участь, избавить от бесправия и нищеты, сделать полноправными гражданами и хозяевами своей судьбы и огромных природных богатств? Путем благотворительной деятельности, «малых дел», постепенных реформ? Все это уже пытались сделать до него разного рода буржуазные политики. Но реформаторская деятельность приводила только к еще большему закабалению стран иностранными монополиями. Нет! Чтобы изменить судьбу народов Латинской Америки, высвободить их из тисков нищеты и бесправия, чтобы освободить их от империализма, — для этого есть только одно средство, один выход — вырвать с корнем зло, совершить социальную революцию. Именно к такому выводу приходит Эрнесто Че Гевара после первого путешествия по странам Латинской Америки. Он еще не знает, где, кто и когда совершит такую революцию, у него еще много неясного, неопределенного на этот счет в голове, но одно он уже твердо решил для себя:

если когда-нибудь, кто-нибудь и где-нибудь начнет такую революцию, то он будет ее солдатом. И, покидая во второй раз Аргентину, он, прощаясь с родителями и

друзьями, говорит им; «С вами прощается солдат Америки»¹⁰.

В июле 1953 г. Че садится в поезд, идущий в столицу Боливии Ла-Пас¹¹. В кармане у него билет на «молочный конвой», как называют в Аргентине поезда, останавливающиеся на всех полустанках, где фермеры грузят бидоны с молоком. Выбор столь необычного маршрута в Венесуэлу он объяснял отсутствием денег на покупку авиали или пароходного билета. В действительности же причина, почему Эрнесто Гевара не отправляется напрямик в Каракас, иная. Он едет в Боливию потому, что еще там не был, а он задался целью познакомиться воочию со всеми латиноамериканскими странами. Но сейчас в Боливии его привлекают не только руины древних индейских храмов¹² — ему не терпится собственными глазами увидеть боливийскую революцию.

До начала 50-х годов Боливией за ее пределами мало кто интересовался, за исключением агентов оловянных и нефтяных монополий. Эту страну называли «нищим на золотом троне». В ее недрах кроются неисчислимые богатства — нефть, олово, золото, но все эти сокровища были захвачены иностранными монополиями, получавшими от их эксплуатации огромные прибыли. Народ же жил в беспросветно в нужде и невежестве, забитый, терзаемый болезнями, отравляемый кокой. Жизненный уровень миллионов местных жителей, в основном индейцев и метисов, оставался одним из самых низких в мире, а детская смертность — самой высокой.

Город Ла-Пас, расположенный на высоте около 4000 м над уровнем моря, почти недоступен европейцам, его называют «кладбищем иностранцев». Иностранцы посещали Боливию столь же редко, писал в начале 60-х годов боливийский писатель Луис Луксич, как дебри Центральной Африки или Тибет.

Вот что писал о боливийской столице шведский путешественник Артур Лундквист: «Крутые улицы ведут к площади Мурильо, вокруг нее — дворец президента, дом правительства и собор. Фонарные столбы словно специально приспособлены для того, чтобы вешать на них президентов и министров. Вы как бы чутьем угадываете тайные выходы, скрытые на окраинных улицах городов: через них в самый последний момент улепетывают всякие важные господа, прихватив с собой государственную казну или еще более солидную сумму денег. Горняки устраивают на этой площади демонстрации, набив предварительно свои карманы динамитом, предъявляют здесь ультиматум правительству. Нередко случается и так, что государственных деятелей разрывают па куски или просто пристреливают, а потом выбрасывают с балкона на каменную мостовую»¹³.

Такой город не мог не привлечь внимание молодого, жадного до новых впечатлений аргентинского доктора, к тому же его, как уже отмечалось, весьма заинтересовали события, происходящие в этой стране в последнее время.

9 апреля 1952 г. здесь совершилась очередная, 179-я по счету «революция». В отличие от 178 предшествующих эта революция и в самом деле продвинула Боливию по пути прогресса благодаря участию в ней шахтеров и крестьян. К власти пришла партия Националистическое революционное движение, и ее лидер Пас Эстенсоро стал президентом страны. Новое правительство национализовало оловянные рудники, правда выплатив иностранным компаниям щедрую компенсацию; приступило к осуществлению аграрной реформы, организовало милицию, состоящую из шахтеров и крестьян. В Боливию за опытом потянулись многие прогрессивно настроенные интеллектуалы, политические деятели.

В Боливии Че бывал в шахтерских поселках, горных индейских селениях, встречался с представителями правительства. Некоторое время он даже работал в управлении информации и культуры и в ведомстве по осуществлению аграрной реформы. Боливийская революция разочаровала Че. И прежде всего потому, что коренное население Боливии — индейцы продолжали влачить такое же жалкое существование, как и в те далекие времена, когда здесь хозяйничали испанские завоеватели.

Буржуазные деятели, руководившие этой революцией, стремились не углубить, а

затормозить революционный процесс, раболепствовали перед Вашингтоном, многие из них занимались разного рода финансовыми махинациями и спекуляцией. В то же время в профсоюзах заправляли ловкие политиканы. Коммунистическая партия, основанная в 1950 г., еще не успела приобрести заметного влияния на трудящиеся массы страны.

Конечно, Эрнесто Гевара не думал, что ему в будущем суждено вернуться в Боливию, чтобы сражаться за лучшую долю этих индейцев, потомков некогда могучих инкских племен, и что именно здесь закончится его короткая, но славная жизнь революционера. Нет. Но то, что в 1953 г. он посетил эту страну, объехал и изучил ее, «почувствовал» ее проблемы, сыграло определенную роль в его решении вернуться сюда в середине 60-х годов.

¹ См. воспоминания А. Гранадоса, перепечатанные в кн.: *Che: Una vida y un ejemplo. La Habana, 1968, p. 28—36.*

² Сокращенно от исп. *mi Alberto* — мой Альберто.

³ Кока — листья одноименного кустарника, содержащие кокаин.

⁴ Индейский вождь Тупак Амару II (Хосо Габриель. Копдорканк ок. 1740—1781) возглавил восстание против испанского владычества во второй половине XVIII в.

⁵ Танго — аргентинский национальный танец; мамбо — танец, популярный во многих странах Латинской Америки.

⁶ *Guevara Lynch E. Mio figlio il Che. Roma, 1981, p. 131.*

⁷ Че довольно часто писал в пути родным. Отец опубликовал пространные выдержки из его дневника путешествия и писем в своих воспоминаниях: *Guevara Lynch E. Op. cit., p. 130—186.*

⁸ *Che Guevara E. Obras, 1957—1967. La Habana, 1970, t. 2, p. 70.*

⁹ *Ibid., p. 72.*

¹⁰ *Bohemia, 1975, N 41, p. 5.*

¹¹ Официальной столицей страны является город Сукре, фактической же—Ла-Пас, местопребывание правительства и законодательных органов.

¹² Разумеется, он интересовался древностью и посетил развалины святилищ Тиауанаку (близ озера Титикака), сделав много снимков «Ворот Солнца» — храма, где некогда поклонялись божеству огненного светила.

¹³ *Лундквист А. Вулканический континент. М., 1961, с. 186.*

Выбор пути

В поезде, шедшем в Мексику, Эрнесто Че Гевара познакомился с Хулио Роберто Касересом Валье, или Патохо. Попутчик оказался начинающим журналистом, членом Гватемальской партии труда; он направлялся в Мексику, спасаясь от преследований. Патохо стал одним из самых близких друзей Че, вторым после Альберто Гранадоса. Патохо привлекал Че неиссякаемым оптимизмом, верой в конечное торжество коммунистических идей¹.

21 сентября 1954 г. Че и Патохо прибыли в Мехико, огромный, чужой для них город, где ни у того, ни у другого не было ни друзей, ни знакомых. В поисках пристанища друзья познакомились с пуэрториканцем Хуаном Хуарбэ, который и сдал им скромную комнатку. Хуан Хуарбэ оказался видным деятелем Националистической партии, выступавшей за независимость Пуэрто-Рико, острова, оккупированного янки в 1898 г. и фактически превращенного ими в свою колонию. Пытаясь привлечь внимание общественности к бедственному положению пуэрториканцев, деятели Националистической партии открыли стрельбу на одной из сессий конгресса в Вашингтоне. Их партия была объявлена вне закона, а ее лидер Альбису Камнос осужден на длительное заключение и томился в одной из каторжных

тюрем США.

Пуэрториканские революционеры привлекли внимание аргентинца тем, что не испугались бросить вызов самой могущественной империалистической державе мира, объявив ей войну, а также готовностью в любой момент Припеть смерть. Их горячая вера в правоту своего дела, их идеализм, мужество, искренность, фанатизм при полной безнадежности в то время добиться какого-либо успеха не могли не вызывать восхищения. Че проникся к ним симпатией и потому, что это были люди не звонких революционных фраз, а дела, готовые с оружием в руках сражаться за свободу.

На квартире у Хуана Хуарбэ проживал еще один политический изгнанник — молодой перуанец Лючо (Луис) до ла Пуэнте. Ярый противник господствовавшего тогда в его стране диктатора полковника Одриа, Лючо мечтал поднять на борьбу за социальное освобождение индейские массы. Со временем он станет сторонником Кубинской революции, возглавит партизанский отряд в одном из горных районов Перу и 23 октября 1965 г. погибнет в бою с «рейнджерами» — вымуштрованными американцами специальными частями по борьбе с партизанами.

Жизнь Че и Патохо в Мексике поначалу была нелегкой. «Мы оба сидели на мели...—вспоминает то время Че.— У Патохо не было ни гроша, у меня же всего несколько песо. Я купил фотоаппарат, и мы контрабандой делали снимки в парках. Печатать карточки нам помогал один мексиканец, владелец маленькой фотолаборатории. Мы познакомились с Мехико, исколесив его пешком вдоль и поперек, пытаясь всучить клиентам свои неважные фотографии. Сколько приходилось убеждать, уговаривать, что у сфотографированного нами ребенка очень симпатичный вид и что, право, за такую прелесть стоит заплатить песо. Этим ремеслом мы кормились несколько месяцев. Понемногу наши дела налаживались...»²

Из Гватемалы приехала Ильда. Они поженились. Необходимо было искать постоянный заработок. Че вновь стал торговать вразнос книгами известного в Латинской Америке издательства «Фондо де культура экономика», выпускавшего литературу по общественным наукам, в том числе и по социальным проблемам. Книги по-прежнему захватывают его и как читателя. Чтобы иметь возможность познакомиться с новинками, он нанялся ночным сторожем на книжную выставку, где по ночам «глотал» одну книгу за другой. Но он был не только увлеченным читателем.

Время от времени Че брался за перо и сочинял стихи. О чем? О древних индейских цивилизациях, о латиноамериканской идиосинкразии, о нежности, о тоске... Он оставался в душе поэтом, лириком, но его волновали все больше и вопросы будущего народов Латинской Америки: кто они, какими путями будут развиваться, сумеют ли освободиться от груза отсталости, предрассудков, невежества... некоторые его стихи той поры сохранились и были опубликованы Ильдой Гадеа в 1972 г.

Без колебания от счастья отстранясь,
я зов Европы для себя отринул.
Вином, музеями нисколько не прельстясь,
Я материк родимый не покинул.
Увидел я так много новых стран,
вплотную ощутил я то влиянье,
которое Маркс, Энгельс дали нам,
а Ленин обессмертил созиданьем!³

— писал он в одном из стихотворений. Как следует из этих строк, Че уже тогда считал себя последователем Маркса, Энгельса и Ленина. Это подтверждается и следующим фактом, который приводит Н. С. Леонов, хорошо знавший Че еще по Мексике: «Примечательно, что однажды летом 1956 г., находясь в эмиграции в Мексике, Че зашел в советское посольство и попросил дать ему „лучшие произведения советской литературы“, которые, как оказалось, нельзя было достать в книжных магазинах Мехико. На вопрос, какие произведения он считает лучшими, последовал четкий ответ:

„Чапаев" Д. Фурманова, „Как закалялась сталь" Н. Островского и „Повесть о настоящем человеке" Б. Полевого. Немного позже Гевара, мало кому известный тогда аргентинский врач, говорил, что герои этих произведений нравятся ему прежде всего своей целеустремленностью и он хотел бы походить на них»⁴.

Стихотворение «Паленке» отражает постоянный интерес Че к индейскому прошлому Америки. Паленке — древний город майя в граничащей с Гватемалой провинции Чьяпас. Там были открыты замечательные постройки древних майя — дворцы, храмы, погребения. Посетил эти места по дороге из Гватемалы в Мексику и Че⁵:

Что-то живое хранят твои камни.
Ты — как сестра изумрудным рассветам.
И вот молчание времен первозданных
вызов бросает могилам и склепам...
Есть ведь в тебе что-то очень живое!
Но я не знаю, что это такое.
Сельва могучим объятьем схватила,
Камни своими корнями обвила,
Храмы, украсив, в престол превратила,
И ты теперь никогда не умрешь!
Силы ль какие хранят на века?
Яркой, живой и трепещуще юной!
Где божество, что вдыхает пока
Жизнь в эти камни истории бурной?
Будет ли в тропиках солнце сиять?
Но почему его нет в Чичен-Итце?
Лес ли объятьями будет сжимать?
Иль чаровать будут пением птицы?
Но Киригуа уснул глубоко.
Будет ли звук родниковый услышан,
Бьющий средь скал в тех горах глубоко?
Майя исчезли — историей дышим!

Только год спустя после прибытия в Мехико Че удалось устроиться по специальности. Он получил по конкурсу место в аллергическом отделении городской больницы. Некоторое время он читал лекции на медицинском факультете Национального университета, затем перешел на научную работу в Институт кардиологии.

Че полюбил Мексику⁶, ее тружеников, ее художников и поэтов, ее древнюю индейскую культуру, ее живописную, буйную природу, горный чистый и прозрачный воздух -- лучшее лекарство от астмы. Но царившая тогда в Мексике политическая атмосфера не вселяла особых надежд. Мексиканская революция 1910-х годов, свергнувшая реакционный режим диктатора Порфирио Диаса, давно отгремела. К власти пришла так называемая новая буржуазия, широко открывшая двери страны американскому капиталу и маскировавшая свои интересы псевдореволюционной демагогией. Левые силы были расколоты, раздроблены. Коммунистическая партия, подвергавшаяся постоянным преследованиям, не обладала достаточной силой, чтобы объединить прогрессивные силы страны в мощное антиимпериалистическое революционное движение.

В Мексике Че познакомился с Раулем Роа, кубинским писателем и публицистом, ставшим после революции министром иностранных дел. Рауль Роа так вспоминал об этом:

«Он только что прибыл из Гватемалы, где впервые принимал участие в революционном и антиимпериалистическом движении. Он еще остро переживал поражение.

Че казался и был молодым. Его образ запечатлелся в моей памяти: ясный ум, аскетическая бледность, астматическое дыхание, выпуклый лоб, густая шевелюра, решительные суждения, энергичный подбородок, спокойные движения, чуткий, пронизательный взгляд, острая мысль, говорит спокойно, смеется звонко...

Мы говорили об Аргентине, Гватемале и Кубе, рассматривали их проблемы сквозь призму Латинской Америки. Уже тогда Че возвышался над узким горизонтом креольских национализмов и рассуждал с позиций континентального революционера⁷.

В конце июня 1955 г. Эрнесто Гевара неожиданно встретил кубинца Ньико Лопеса, своего друга гватемальского периода. Ньико рассказал, что его товарищи по нападению на казармы «Монкада» освобождены из тюрьмы по амнистии и теперь съезжаются в Мехико. Они намерены подготовить вооруженную экспедицию на Кубу. Это известие заинтересовало Че, и Ньико предложил познакомить его с Раулем Кастро.

Несколько дней спустя встреча Че с Раулем Кастро состоялась. Кубинец рассказал о штурме «Монкады», о бойне, учиненной батистовской солдатней, и речи Фиделя Кастро на суде, ставшей впоследствии известной под названием «История меня оправдает», о злключениях осужденных в тюрьме на острове Пинос и, наконец, о твердой решимости продолжать борьбу против тирана Батисты. Рауль сразу увидел в своем собеседнике человека, который может оказаться полезным в проектируемой экспедиции. Че обладал «гватемальским опытом» и был к тому же врачом. Договорились, что Рауль познакомит его с Фиделем, когда тот прибудет из Нью-Йорка. Фидель в Соединенных Штатах собирал деньги среди кубинских эмигрантов для будущей экспедиции.

Выступая в Нью-Йорке на одном из антибатистовских митингов, Фидель заявил: «Могу сообщить вам со всей ответственностью, что в 1956 г. мы обретем свободу или станем мучениками». На что же надеялся молодой кубинский патриот? Во-первых, па свой собственный парод, ненавидевший Батисту, на мужество и решимость кубинцев, примеры чего они неоднократно давали на протяжении своей истории. Фидель надеялся также на поддержку своих последователей, участников созданного им «Движения 26 июля» (день нападения на казармы «Монкада»), и на сочувствующих. В основном это были учащаяся молодежь, молодые рабочие, служащие, ремесленники. Они не обладали политическим опытом, у них не было ясной программы, но зато было другое очень ценное качество: они беззаветно любили свою родину и ненавидели Батисту. Для этих молодых людей Фидель был настоящим вождем. Он тоже был молод, владел ораторским искусством, обладал железной волей и был безрассудно смел. Фидель блестяще знал прошлое Кубы и безошибочно ориентировался в лабиринтах современной кубинской политики. Он точно знал, против каких зол следует бороться, о чем с такой убедительностью и говорил в речи на суде.

Фидель Кастро прибыл в Мехико 9 июля 1955 г. в день, когда Аргентина празднует провозглашение независимости. Рауль сообщил ему о знакомстве с молодым аргентинским врачом, участником гватемальских событий, и посоветовал с ним встретиться. Встреча произошла в доме у Марии-Антонии Гонсалес, кубинки, горячо сочувствовавшей молодым патриотам. Один из ее братьев, Исидоро, участник подпольной борьбы против Батисты, был подвергнут пыткам в застенках тирана. Эмигрировав в Мексику, он вскоре умер. Мария-Антония была замужем за мексиканцем. Она предоставила свою квартиру в распоряжение сторонников Фиделя, которые превратили ее в свой штаб. Для посещавших квартиру была выработана целая система условных знаков и паролей.

Во время первой встречи речь, по свидетельству Че, шла о международной политике. Фидель ознакомил Эрнесто со своими планами и политической программой. Он собирался начать боевые действия в провинции Орьенте — самой боевой, революционной и патриотически настроенной из всех кубинских провинций. Именно там началась в XIX в. борьба за независимость.

Фидель впоследствии отмечал, что во время их первой встречи Че имел более

зрелые по сравнению с ним революционные взгляды. «В идеологическом, теоретическом плане он был более развит. По сравнению со мной он был более передовым революционером»⁸.

О том, какое впечатление произвел Фидель на Че в эту их встречу, Че рассказывал так: «Я беседовал с Фиделем всю ночь. К утру я уже был зачислен врачом в отряд будущей экспедиции. Собственно говоря, после пережитого во время моих скитаний по Латинской Америке и гватемальского финала не требовалось много, чтобы толкнуть меня на участие в революции против любого тирана. К тому же Фидель произвел на меня впечатление исключительного человека. Он был способен решать самые сложные проблемы. Он был глубоко убежден, что, направившись на Кубу, достигнет ее. Что, попав туда, он начнет борьбу, что, начав борьбу, он добьется победы. Я заразился его оптимизмом. Нужно было делать дело, предпринимать конкретные меры, бороться. Настал час прекратить стенания и приступить к действиям ... Победа казалась мне сомнительной, когда я только познакомился с командиром повстанцев, с которым меня с самого начала связывала романтика приключений, Тогда я считал, что не так уж плохо умереть на прибрежном пляже чужой страны за столь возвышенные идеалы»⁹.

Вскоре после первой встречи с лидером «Движения 26 июля» Че написал «Песнь в честь Фиделя», которую впоследствии поэт Евг. Долматовский перевел так:

Пойдем
Встречать зарю на острове твоём,
Похожем на зеленого каймана...
Рванемся в бой неведомым путем.
Пойдем
И, все преграды прошибая лбом,
Увенчанным повстанческой звездой,
Победу вырвем или смерть найдем.
Когда раздуешь тлеющие угли
Костра
И вздрогнут, пробудившись, джунгли,
Когда ты берег огласишь пальбой,
И мы—с тобой!
Когда пообещаешь ты народу
Аграрную реформу и свободу
И гуахино * увлечешь борьбой,
И мы — с тобой!
Когда свершится — поздно или рано —
Сверженье ненавистного тирана,
Навяжешь ты врагу последний бой,
И мы —с тобой!
Опасен недобитый хищник будет,
Но за тобой пойдут простые люди,
Горды солдатской честною судьбой.
И мы — с тобой!
Мы победим во что бы то ни стало,
Гавана слышит клич твой боевой.
Дай мне винтовку
И укрыть в скалах,
И больше ничего.
А если нас постигнет неудача,
Мы встретим поражение не плача.
Платком кубинским бережно накроем

Останки воевавших как герои
За честь Америки — она светлей всего
И больше ничего..¹⁰
(* Гуахино — крестьянин Кубы.)

Вскоре после встречи Че с Фиделем в Аргентине произошел военный переворот. Перон бежал за границу. Новые власти предложили эмигрантам — противникам Перона вернуться на родину. Рохо и другие аргентинцы, жившие в Мехико, стали собираться домой. Они уговаривали Че сделать то же самое. Че отказался, так как не верил в возможность коренных изменений в Аргентине в тогдашних условиях. Теперь все его мысли были заняты только одним — предстоящей экспедицией на Кубу. Необходимо было проделать гигантскую работу: достать деньги, собрать в Мексике будущих участников экспедиции, проверить и законспирировать их; обеспечить питанием и организовать их в отряд; подготовить отряд к партизанским действиям; приобрести оружие и судно; обеспечить поддержку отряду на острове. Предстояло осуществить сотни других больших и малых дел. И все это приходилось делать в условиях строжайшей конспирации, скрываясь от батистовских ищеек и от агентов доминиканского тирана Трухильо, опасавшегося, как бы успешное восстание против Батисты не перекинулось и на его вотчину.

Подготовка Фиделем экспедиции в Мексике была вполне закономерным явлением, так сказать, в духе стародавних традиций, как и участие в ней иностранца Гевары. Еще в XIX столетии, в период борьбы за независимость, кубинские патриоты организовывали такого рода экспедиции, опираясь на Соединенные Штаты, Доминиканскую Республику, Гондурас, Мексику. В 40-х годах нашего века было предпринято несколько вооруженных экспедиций из Гватемалы против тирана Трухильо. Противники диктатора Никарагуа Сомосы вторгались в эту страну из Коста-Рики. Противники венесуэльского тирана Гомеса организовывали против него повстанческие экспедиции на острове Тринидад. И во всех подобных экспедициях участвовали latinoамериканцы из других республик.

Ожидалось, что одновременно с высадкой отряда неподалеку от Сантьяго-де-Куба патриоты, возглавляемые Франком Паисом, молодым конспиратором, соратником Фиделя, поднимут восстание и захватят власть в городе. Это могло вызвать падение режима Батисты. По-видимому, во время подготовки экспедиции в Мексике не планировалось, что основной базой повстанцев станут горы Сьерра-Маэстры. Но возможность затяжной партизанской борьбы не исключалась, и именно к этому следовало подготовить будущих повстанцев. Необходимо было найти специалиста, знатока партизанской войны (геррильи), который взялся бы обучить бойцов отряда и подготовить их физически к условиям партизанской жизни.

Фидель познакомился с мексиканцем Арсасио Ванегасом Арройо, хозяином небольшой типографии, где стали печатать денежные боны, манифесты и другие документы «Движения 26 июля». Арсасио к тому же оказался спортсменом-борцом. Фидель предложил ему заняться физической подготовкой будущих участников экспедиции «Гранма». Арсасио не возражал. Он стал совершать с кубинцами многодневные походы по окрестностям Мехико, обучать их дзюдо, снял зал для занятий легкой атлетикой. Кроме того, члены отряда слушали лекции, по географии, истории, о политическом положении и на другие темы, ходили в кино на фильмы о войне.

Арсасио, хоть и был полезным человеком, все же в главном помочь не мог. Нужного специалиста Фидель Кастро нашел в лице бывшего полковника испанской армии Альберто Байо, который родился в 1892 г. в испанской семье на Кубе, а в детство уехал вместе с родителями в Испанию. Закончив военное училище, он воевал в Марокко, служил в Иностранном легионе, потом стал авиатором. Одновременно с этим дон Альберто занимался литературной деятельностью: писал стихи и рассказы из

солдатской жизни. В годы гражданской войны в Испании Байо встал на сторону народа и храбро сражался с франкистами: участвовал в десанте на о-в Мальорку, захваченный мятежниками, руководил подготовкой партизанских групп и отрядов. После падения Республики Байо вначале эмигрировал на свою родину — Кубу. Вскоре, однако, переехал в Мексику, где, приняв мексиканское гражданство, занимался предпринимательством, стал владельцем мебельной фабрики. Служил инструктором в школе военной авиации, время от времени принимая участие в качестве «дипломированного специалиста» в попытках свергнуть того или иного диктатора в банановых республиках Центральной Америки. В 1955 г. Байо выпустил в Мехико своеобразное учебное пособие под названием «150 вопросов партизану». Это сочинение являлось своего рода энциклопедией партизанской науки. По нему можно было овладеть навыками не только устраивать засады, взрывать мосты, приготавливать ручные бомбы и адские машины, но и строить подкоп из мест заключения, запустить мотор самолета и взлететь на нем...

Подобного рода специалист был подлинной находкой для будущих повстанцев. Фиделю Кастро не стоило большого труда убедить Байо взять на себя задачу соответствующе подготовить будущих освободителей их общей родины от тирании Батисты. Правда, вначале для солидности Байо запросил за свои услуги 100 тыс. мексиканских песо (около 8 тыс. американских долл.), потом согласился на половину этой суммы. Кончилось тем, что полковник Байо не только не взял ни гроша, но даже продал мебельную фабрику и вырученные деньги передал своим ученикам.

Вскоре дон Альберто, выдав себя за сальвадорского политического эмигранта, купил за 26 тыс. американских долл. асьенду «Санта-Роса», расположенную в гористой, поросшей диким кустарником местности в 35 км от столицы. Туда перебазировались участники отряда Фиделя, в их числе и Эрнесто Че Гевара. Фидель назначил его «ответственным за кадры» в «университете» полковника Байо, а по существу — комендантом этого лагеря.

Началась усиленная подготовка будущих партизан. Байо, которого в целях конспирации стали именовать «профессором английского языка», был неумолим, настойчив, строг со своими подопечными, требуя от них строжайшей дисциплины, физической закалки, воздержания от алкоголя, чуть ли не монашеского образа жизни. С утра до вечера тренировал Байо своих учеников: обучал стрельбе, чтению карты, маскировке и тайным подходам, изготовлению взрывчатых смесей, метанию гранат, караульной службе, навьючивал их оружием, вещмешками, палатками, в любую погоду, в любое время суток заставлял предпринимать изнурительные переходы.

Че относился к партизанской науке со всей серьезностью и ответственностью. С первых же занятий у него исчезли, как он отмечал впоследствии, всякие сомнения в победе¹¹. Он являл собой пример дисциплины, лучше всех выполнял задания «профессора английского языка». Последний ставил отметки своим ученикам. Че всегда удостаивался высшего балла — 10 очков. «Мой самый способный ученик», — говорил о нем с уважением бывший полковник испанской Республиканской армии. Че не только сам учился, но и обучал своих товарищей лечить переломы, делать перевязки и инъекции. Он предлагал себя в качестве «подопытного кролика» и в ходе «практических занятий» ему было сделано свыше 100 уколов.

Че выполнял и функции политического комиссара. Кубинец Карлос Бермудес вспоминает о нем: «Занимаясь вместе с ним на ранчо „Санта-Роса“, я узнал, какой это был человек — всегда преисполненный самым высоким чувством ответственности, готовый помочь каждому из нас... В то время я еле-еле умел читать. А он мне говорит: „Я буду учить тебя читать и разбираться в прочитанном...“. Однажды мы шли по улице, он вдруг зашел в книжный магазин и на те небольшие деньги, которые у него были, купил мне две книги — „Репортаж с петлей на шее“ и „Молодую гвардию“». Другой товарищ по партизанской школе в «Санта-Росе», Дарио Лопес, отмечает в своих воспоминаниях, что «Че сам подбирал марксистскую литературу в библиотеку

для политзанятий».

Фидель Кастро в «Санта-Росе» появлялся редко. Он был по горло занят подготовкой экспедиции: добывал деньги, оружие, посылал и принимал курьеров с Кубы, вел политические переговоры с различными оппозиционными по отношению к Батисте группировками, писал статьи, воззвания, инструкции.

На Кубе Батиста продолжал зверствовать. Полиция подвергала противников тирана изощренным пыткам, а трупы замученных выбрасывала на улицы или в море. Диктатор стал марионеткой американских империалистов. Он порвал дипломатические отношения с Советским Союзом и другими социалистическими странами, закрыл Общество кубино-советской дружбы, загнал в глубокое подполье Народно-социалистическую партию — партию кубинских коммунистов. В стране орудовали американские капиталисты, в армии — американские офицеры, в полиции — агенты ЦРУ. Остров был наводнен антикоммунистической, антисоветской пропагандой. Куба действительно превратилась в колонию янки. Следует ли удивляться, что тогдашний вице-президент США провозгласил Батисту за столь «доблестные» деяния падежным «защитником свободы и демократии», а посол США А. Гарднер не постеснялся назвать диктатора, известного казнокрадом и взяточником, «самым честным человеком» из всех политических деятелей Кубы.

Кубинские трудящиеся, интеллигенция, студенты, школьники все активнее включались в борьбу против тирана и его американских покровителей. Подпольная печать разоблачала преступления Батисты. Все чаще проводились митинги, демонстрации, забастовки против режима. Диктатор был вынужден закрыть все высшие учебные заведения страны. Подкупом, шантажом, угрозами он пытался заручиться поддержкой оппозиционных буржуазных лидеров, заигрывал с церковью, затеяв строительство монументальной фигуры Христа у входа в Гаванский порт. В своих выступлениях говорил о прогрессе, о благоденствии нации, о патриотизме, кощунственно ссылаясь на пример Хосе Марти, великого патриота, отдавшего жизнь в борьбе за независимость. Но ни жестокий террор, ни социальная демагогия, ни политические интриги, ни благословения кубинского кардинала Артеаги и других католических иерархов не могли приостановить ширящегося движения против самозванного президента.

Фидель знал все это и стремился как можно скорее завершить приготовления к экспедиции.

Но агенты Батисты и ЦРУ тоже не дремали. Как потом выяснилось, в ряды конспираторов проник батистовский шпион Венерио. 22 июня 1956 г. мексиканская охранка арестовала Фиделя Кастро, а на квартире Марии-Антонии устроила засаду, задерживая всех входящих. Был совершен полицейский налет и па ранчо «Санта-Роса», где полиция захватила Че и некоторых его товарищей. Печать крикливыми заголовками сообщила об аресте кубинских заговорщиков. Разумеется, всплыло и имя полковника Байо¹² — «профессора» партизанских наук.

26 июня в мексиканской газете «Эксельсиор» был опубликован список арестованных — среди них фигурировало и имя Эрнесто Гевары Серпы. Газета характеризовала его как опасного «международного коммунистического агитатора», подвизавшегося ранее в Гватемале чуть ли не в роли «агента Москвы» при президенте Арбенсе.

Казалось, что Фидель Кастро еще раз потерпел поражение в своем стремлении свергнуть диктатуру. Его враги и недоброжелатели потирали руки от удовольствия. К тому же незадолго до ареста Фиделя и его друзей, 29 апреля, на Кубе группа юношей попыталась, следуя примеру героев «Монкады», захватить казарму «Гойкурия» в городе Матансас, и все участники этой операции погибли от рук палачей Батисты.

Но Фидель воспринимал неудачи как неизбежные издержки революционной борьбы. Поражения еще более укрепляли его веру в конечную победу дела, которому он решил посвятить свою жизнь. Его одержимость и оптимизм передавались его

последователям. «Никогда мы не теряли личного доверия к Фиделю Кастро»¹³, — писал Че, вспоминая свое заключение в мексиканской тюрьме.

Арест кубинских революционеров вызвал возмущение прогрессивной мексиканской общественности. За них стали ходатайствовать бывший президент Ласаро Карденас, морской министр его кабинета Эриберто Хара, рабочий лидер Ломбарде Толедано, знаменитые художники Давид Альфаро Сикейрос и Диего Ривера, известные писатели, ученые, университетские деятели. Батиста был к тому же слишком одиозной фигурой даже для мексиканских властей. Сочтя, что аресты и газетные разоблачения похоронили планы Фиделя Кастро, полицейские власти проявили свой «гуманизм» и после месячного заключения выпустили на свободу всех задержанных, за исключением двоих — Эрнесто Гевары и кубинца Каликсто Гарсии, которым инкриминировали нелегальный въезд в Мексику.

Фидель с прежней энергией стал готовить свой отряд к переброске на Кубу — он вновь собирал деньги, покупал оружие, организовывал конспиративные квартиры, устанавливал явки и пароли. Бойцы, разбитые на мелкие группы, проводили военные занятия в отдаленных и глухих местах страны. За 15 тыс. долл. была куплена яхта «Гранма», на которой предполагалось осуществить переброску отряда на Кубу. Хозяин продавал яхту при условии, что вместе с нею купят его виллу на Атлантическом побережье, в небольшом рыбацком городке Туспане. Пришлось согласиться, хотя это означало добавочный расход в размере нескольких тысяч долларов. Однако это совпадало с планами повстанцев:

ведь из Туспана можно было отплыть на Кубу...

Построенная в 1943 г. прогулочная яхта «Гранма» представляла собой небольшое деревянное судно 15,25 м длиной и 4,76 м шириной и была снабжена двумя 6-цилиндровыми дизельными двигателями. В нормальных условиях на ее борту могло разместиться не более дюжины пассажиров. В 1953 г. яхта попала в зону действия урагана, обрушившегося на Атлантическое побережье Мексики, и затонула. Через некоторое время она была поднята на поверхность с довольно значительными повреждениями. Необходимо было заменить оба двигателя, электромотор, баки для воды и горючего, а также целиком отремонтировать палубу¹⁴.

Итак, подготовка шла полным ходом в обстановке полной секретности. Шилась форменная одежда, приобретались обувь, патронташи, фляжки, вещевые мешки и другие необходимые вещи. Разрабатывался план переброски людей, оружия и боеприпасов к месту отплытия, при этом учитывались все необходимые расходы. Велся окончательный отбор бойцов в отряд: одни ехали как признанные руководители, другие — как дисциплинированные, хорошо тренированные бойцы, наконец, третьи — потому, что они ... были легче своих товарищей. Хорошо подготовленных бойцов оказалось гораздо больше, чем могло принять маленькое суденышко¹⁵

Фидель использовал все свои связи, чтобы добиться скорейшего освобождения Че и Каликсто Гарсии. Эрнесто уговаривал Фиделя не терять времени и не тратить на него средств, опасаясь, как бы это не задержало отплытия «Гранмы». Фидель решительно ему сказал: «Я тебя не брошу!». Мексиканская полиция арестовала и Ильду Гадеа. Но все кончилось относительно благополучно. Некоторое время спустя Ильда и Че обрели свободу. Че пробыл за решеткой 57 дней.

Полиция продолжала следить за кубинцами. Время от времени она устраивала налеты на конспиративные квартиры. Следовало спешить с приготовлениями, иначе все предприятие могло сорваться. Но еще имелось столько недоделок: не хватало оружия, боеприпасов, не было денег и т. д. На помощь пришло кубинское подполье. Франк Паис привез из Саптыяго-де-Куба 8 тыс. долл., он доложил, что его люди готовы поднять в городе восстание.

В начале ноября 1956 г. полиция вновь нагрянула на несколько конспиративных квартир. Фидель узнал, что человек, на имя которого куплена «Гранма» и па хранении у которого находится радиопередатчик, согласился за 15 тыс. долл. выдать всю группу

кубинскому посольству в Мехико. Фидель отдает приказ: провокатора изолировать, а всем бойцам со снаряжением и оружием немедленно сосредоточиться в Туспане. Следует последнее распоряжение Фиделя: направить в Сантьяго-де-Куба Франку Паису условленную телеграмму со словами: «Книга распродана». Теперь Паис должен в назначенный срок поднять восстание в столице Орьенте.

24 ноября 1956 г. в Туспане идет посадка отряда на «Гранму». На пристани шум, смех, беспорядок. Местная полиция, получившая «мордиду» — «кусок», или попросту взятку, отсутствует. Проходит некоторое время, и 82 человека с оружием и амуницией погружаются на яхту, которая явно напоминает консервную банку, плотно набитую сардинами.

Че, Каликсто Гарсия и еще трое будущих повстанцев прибыли к месту посадки на «Гранму» последними. В Туспан можно было добраться только на автомобиле. Сойдя на одной из железнодорожных станций, Че и его друзья стали ловить попутный транспорт. «Найти машину оказалось очень трудно, — вспоминает Каликсто. — Мы долго ждали на улице. Наконец остановил», одну свободную машину и попросили довести нас до порта. Тот запросил 180 песо. Мы согласились, но на полпути водитель, очевидно, трусил и отказался ехать дальше. Наше положение было тяжелым: и так уже было потеряно много времени, а тут еще непредвиденное осложнение...

Тогда Че сказал мне: „Наблюдай за дорогой, а шофера я беру на себя". С трудом уговорил он его довести нас до Поса-Рика, что составляло немногим более половины пути, а оттуда, пересев на другую машину, мы поехали дальше к месту назначения. Наконец впереди показался маленький городок Туспан. При въезде нас встретил Хуан Мануэль Маркес и повел к реке, где у берега стояла яхта „Гранма"»¹⁶.

В 00 час. 20 мин. 25 ноября 1956 г. перегруженная донельзя «Гранма» с потушенными огнями отходит от берега и ложится курсом на Кубу.

¹ Патохо погиб в Гватемале, куда он вернулся после победы Кубинской революции, чтобы сражаться за свободу своей Родины..

² *Che Guevara E. Obras*, 1957—1967. La Habana, 1970, t. 2, p. 431.

³ См.: *Gadea H. Che Guevara: Anos decisivos*. Mexico, 1972, p. 226 (стихи переведены А. Д. Полумордвиновой).

⁴ Лат. Америка, 1978, № 6, с. 82.

⁵ См.: *Gadea H. Op. cit.*, p. 235—236 (стихи переведены А. Д. Полумордвиновой).

⁶ «Когда родилась моя дочь в городе Мехико (15 февраля 1956 г. — *И. Г.*),—говорил Че в сентябре 1959 г. в интервью корреспонденту мексиканского журнала «Сьемпре», — мы могли зарегистрировать ее как перуанку—по матери, или как аргентинку—по отцу. И то и другое было бы логично, ведь мы находились как бы проездом в Мексике. Тем не менее мы с женой решили зарегистрировать ее как мексиканку в знак признательности и уважения к народу, который приютил нас в горький час поражения и изгнания». См.: *Siempre*, 1959, sept., p. 8.

⁷ *Casa de las Americas*, 1968, N 46, p. 36,

⁸ *Juventud Rebelde*. 1967, 19 oct

⁹ *Che Guevara E. Op. cit.* La Habana, 1970, t. 1, p. 192, 193,

¹⁰ Лит. газета, 1972, № 40, с. 15.

¹¹ Героическая эпопея: От Монкады до Плайя-Хирон. М., 1978, с. 149.

¹² После победы Кубинской революции Байо вернулся на Кубу, где умер в 1965 г.

¹³ Героическая эпопея..., с. 149.

¹⁴ *Granma*, 1981, 28 nov.; 1 dic.

¹⁵ Куба, 1981, № 12, с. 41.

¹⁶ От Сьерра-Маэстры до Гаваны: Воспоминания видных участников Кубинской

Сьерра-Маэстра

Фидель рассчитывал высадиться вблизи Сантьяго-де-Куба и 30 ноября направиться в город, где Франк Паис и его единомышленники именно в этот день готовились поднять восстание. Но 30 ноября «Гранма» находилась еще в двух днях хода от берегов Кубы. Дело в том, что в самом начале пути яхта попала в шторм.

«Судно, — писал Че в воспоминаниях, — стало представлять собой трагикомическое зрелище: люди сидели с мученическими лицами, обхватив руками животы, одни уткнулись головой в ведра, другие распластались в самых неестественных позах. За исключением двух или трех матросов да четырех или пяти пассажиров, все остальные из 82 человек страдали от морской болезни»¹.

Каликсто Гарсия так писал об этом плавании: «Нужно иметь очень богатое воображение, чтобы представить себе, как могли на маленьком суденышке разместиться восемьдесят два человека с оружием и снаряжением. Яхта была набита до отказа, люди сидели буквально друг на друге. Запасы продуктов были скудными. В первые дни каждому выдавалось полбанки сгущенного молока, но вскоре оно кончилось. На четвертый день каждый получил по кусочку сыра и колбасы, а на пятый день остались лишь одни гнилые апельсины»².

На «Гранме» Че страдал от острого приступа астмы, но крепился и находил в себе силы шутить и подбадривать других.

30 ноября 1956 г. в 5.40 утра в Сантьяго-де-Куба бойцы Франка Паиса вышли на улицы города и захватили правительственные учреждения. Но удержать власть не смогли. В тот же день самолеты Батисты «засекли» у берегов Кубы «Гранму».

«Ночью 1 декабря, — писал Че впоследствии, — мы развернули яхту и взяли курс прямо на Кубу, нетерпеливо высматривая огни маяка на мысе Крус: у нас не хватало воды, топлива и провизии. Находясь в два часа ночи в сплошной темноте при плохой погоде, мы испытывали беспокойство. Марсовые сменяли друг друга, тщетно пытаясь обнаружить луч света на горизонте... Некоторое время спустя после возобновления движения мы увидели огни, однако астматический ход нашей скорлупки сделал нескончаемыми последние часы похода»³.

Только 2 декабря днем «Гранма» подошла к берегу. Высадка началась неудачно. Яхта села на мель. На воду спустили было шлюпку, но она тут же затонула. Бойцы добирались до берега вброд, вода покрывала им плечи. С собой удалось взять только оружие и немного еды. «Это была не высадка, а кораблекрушение», — говорил впоследствии Рауль Кастро. Революционерам пришлось долго и медленно пробираться по заболоченному, илистому побережью. Ванда Василевская, посетившая это место в 1961 г., так описала его: «Болото и мангровые заросли. Рыжая вязкая топь, над которой поднимаются причудливые переплетения голых корней и мангровых веток, покрытых мясистыми глянцевыми листьями. Это не ольховые заросли, которые нетрудно раздвинуть, и не заросли ивняка, легко сгибающиеся под рукой, — это частая твердая решетка, а вернее, сотни решеток. Своим основанием они уходят далеко в ил. Местами грунт кажется более твердым, местами мангровые ветки переплетаются над водой, разливающейся маленькими озерцами, но и здесь на дне — рыжий ил»⁴.

Преодолеть эту преграду голодным, испытывавшим жажду, обессиленным бойцам стоило воистину нечеловеческих усилий.

Несколько суток бойцы Фиделя Кастро продвигались, вверяясь случайным проводникам и стараясь укрыться от искавших их вражеских самолетов.

«Всю ночь на 5 декабря, — рассказывал Че, — мы шли по плантации сахарного тростника. Голод и жажду утоляли тростником, бросая остатки себе под ноги. Это

было недопустимой оплошностью, так как батистовские солдаты легко могли выследить нас.

Но, как выяснилось значительно позже, нас выдали не огрызки тростника, а проводник. Как раз накануне описываемых событий мы отпустили его, и он навел батистовцев па след нашего отряда. Такую ошибку мы допускали не раз, пока не поняли, что нужно быть осторожными и крайне бдительными.

К утру мы совсем выбились из сил, решили сделать кратковременный привал на территории сентраля⁵, в местности, которая называется Алегррия-де-Пио (Святая радость). Едва успели расположиться, как многие тут же уснули.

Около полудня над нами появились самолеты. Измученные тяжелым переходом, мы не сразу обратили на них внимание.

Мне, как врачу отряда, пришлось перевязывать товарищей. Ноги у них были стерты и покрыты язвами. Очень хорошо помню, что последнюю перевязку в тот тяжелый день я делал Умберто Ламоте.

Прислонившись к стволу дерева, мы с товарищем Монтане говорили о наших детях и поглощали свой скудный рацион — кусочек колбасы с двумя галетами, как вдруг раздался выстрел. Прошла какая-то секунда, и свинцовый дождь обрушился на группу из 82 человек. У меня была не самая лучшая винтовка. Я умышленно попросил оружие похуже. На протяжении всего морского пути меня мучил жестокий приступ астмы, и я не хотел, чтобы хорошее оружие пропадало в моих руках.

Мы были почти безоружны перед яростно атакующим противником: от нашего военного снаряжения после высадки с „Гранмы" и перехода по болотам уцелели лишь винтовки и немного патронов, да и те в большинстве оказались подмоченными... Помню, ко мне подбежал Хуан Альмейда. „Что делать?"—спросил он. Мы решили как можно скорее пробираться к зарослям тростника, ибо понимали — там наше спасение!..

В этот момент я заметил, что один боец бросает на бегу патроны. Я схватил было его за руку, пытаюсь остановить, он вырвался, крикнув: „Конец нам!". Лицо его перекошилось от страха.

Возможно, впервые передо мной тогда возникла дилемма:

кто же я — врач или солдат? Передо мной лежали набитый лекарствами рюкзак и ящик с патронами. Взять и то и другое не хватало сил. Я схватил ящик с патронами и перебежал открытое место, отделявшее меня от тростникового поля...

Между тем стрельба усилилась. Прогремела очередь. Что-то сильно толкнуло меня в грудь, я упал. Один раз, повинаясь какому-то смутному инстинкту раненого, я выстрелил в сторону гор. И в этот момент, когда все казалось потерянным, я вдруг вспомнил старый рассказ Джека Лондона. Его героя, который, понимая, что все равно должен замерзнуть, готовился принять смерть с достоинством.

Рядом лежал Арбентоса. Он был весь в крови, но продолжал стрелять. Не в силах подняться, я окликнул Фаустино. Тот, не переставая стрелять, обернулся, дружески кивнул мне и крикнул: „Ничего, брат, держись!".

Превозмогая страшную боль, я поднял свою винтовку и начал стрелять в сторону врагов. Твердо решил, что уж если приходится погибать, то постараюсь отдать свою жизнь как можно дороже.

Кто-то из бойцов закричал, что надо сдаваться, по тут же раздался громкий голос Камило Сьенфуэгоса: „Трус! Бойцы Фиделя не сдаются!".

Вдруг появился Альмейда. Он обхватил меня и потащил в глубь тростника, где лежали другие раненые, которых перевязывал Фаустино.

В этот момент вражеские самолеты пронеслись прямо над нашей головой.

Ужасающий грохот, треск автоматных очередей, крики и стоны раненых — все слилось в сплошной гул.

Наконец самолеты улетели, и стрельба стала утихать. Мы снова собрались вместе, но теперь нас оставалось пятеро — Рамиро Вальдес, Чао, Бенитес, Альмейда и я. Нам

удалось благополучно пересечь плантацию и скрыться в лесу. И тут со стороны зарослей тростника послышался сильный треск. Я обернулся: то место, где мы только что вели бой, было объято густыми клубами дыма.

Мне никогда не забыть Алегрия-де-Пио: там 5 декабря 1956 г. наш отряд получил боевое крещение, дав бой превосходящим силам батистовцев»⁶.

В бою погибла почти половина бойцов, около 20 человек попало в плен. Многие из них были подвергнуты пыткам и расстреляны. Но, когда оставшиеся в живых, собрались в крестьянской хижине на подступах к Сьерра-Маэстре, Фидель сказал: «Враг нанес нам поражение, но не сумел нас уничтожить. Мы будем сражаться и выиграем эту войну».

Горечь поражения несколько смягчалась дружелюбием гуахирос. «Все мы почувствовали симпатию и сердечное расположение к нам крестьян, — писал Че. — Они радушно нас принимали и, помогая пройти вереницу испытаний, надежно укрывали в своих домах... Но чья пера в народ была поистине безгранична, так это вера Фиделя. Он продемонстрировал в то время необыкновенный талант организатора и вождя. Где-нибудь в лесу, долгими ночами (с заходом солнца начиналось наше бездействие) строили мы дерзкие планы. Мечтали о сражениях, крупных операциях, о победе. Это были счастливые часы. Вместе со всеми я наслаждался впервые в моей жизни сигарами, которые научился курить, чтобы отгонять назойливых комаров. С тех пор въелся в меня аромат кубинского табака. И кружилась голова, то ли от крепкой «гаваны», то ли от дерзости наших планов — один отчаяннее другого»⁷.

Не все уцелевшие повстанцы разделяли оптимизм Фиделя. Тяжелые потери угнетали, длительные переходы изматывали, бойцам недоставало дисциплины, в бою — решительности. Как оценивал Че создавшееся положение? В 1963 г. он писал о первых днях после высадки на остров:

«Действительность опровергла наши планы: не было необходимых субъективных условий для успешного осуществления предпринятой попытки, не были соблюдены все правила революционной войны, которые мы потом усвоили ценой собственной крови и крови наших братьев по борьбе в течение двух лет тяжелой борьбы. Мы потерпели поражение, и тогда началась самая важная часть истории нашего движения. Тогда стала явной его подлинная сила, его подлинная историческая заслуга. Мы поняли, что совершали тактические ошибки и что движению недоставало некоторых важных субъективных элементов; народ сознавал необходимость перемен, но ему не хватало веры в возможность их осуществления. Задача заключалась в том, чтобы убедить его в этом»⁸. А для этого следовало атаковать врага и выиграть хотя и небольшой, но все-таки серьезный бой. Ведь ничто так не бодрит людей, не внушает им веру в себя, как победа.

И повстанцы одержали победу 16 января, атаковав и захватив военный пост на р. Ла-Плата. В этой операции участвовал и Че. Результаты боя: у противника — двое убитых, пять раненых, трое взято в плен; у повстанцев — ни одной потери. Кроме того, победители захватили винтовки, пулемет «томпсон», патроны, амуницию и продукты. Фидель приказал оказать врачебную помощь раненым солдатам противника; их и других пленных оставили на свободе.

Положение повстанцев лишь в малой степени изменилось к лучшему. Че отмечал в дневнике, что крестьяне, хотя и относились благожелательно к людям Фиделя, «еще не созрели к участию в борьбе и связь с нашими единомышленниками в городе тоже отсутствовала»⁹. Батистовские войска, авиация, полиция продолжали упорно преследовать повстанцев. В этих условиях Фидель принял решение уйти в горы Сьерра-Маэстры, укрепиться там и начать партизанскую борьбу.

Известный кубинский писатель-коммунист Пабло де ла Торренте Брау¹⁰ писал, что, если кто-либо пожелает познать другую страну, не покидая Кубы, то пусть посетит Сьерра-Маэстру. Там он найдет не только другую природу и другие обычаи, но и человека, воспринимающего жизнь по-иному, человека свобододобивого,

мужественного и благородного. Именно там во время войны за независимость, еще в XIX в., находили поддержку кубинские патриоты. «Горе тому, кто поднимает меч на эти вершины, — предупреждал Пабло де ла Торрьенте Брау. — Повстанец с винтовкой, укрывшись за несокрушимым утесом, может сражаться здесь против десятых. Пулеметчик, засевший в ущелье, сдержит натиск тысячи солдат. Пусть не рассчитывают на самолеты те, кто пойдет войной на эти вершины! Пещеры укроют повстанцев. Горе тому, кто задумал уничтожить горцев! Как деревья, приросшие к скалам, они держатся за родную землю. Горе поднявшему меч на жителей гор! Они совершили то, что еще никому не удавалось. Воспитанные своей землей, всей историей своей нищей жизни, они покрыли себя неуязвимой славой, проявляя чудеса храбрости. Пусть знают все: как вековые сосны, непоколебимо стоят горцы»¹¹.

Фидель Кастро, хотя и родился в провинции Орьенте, никогда до этого в горах Сьерра-Маэстры не бывал и знал о них только понаслышке, впрочем, как и все остальные участники экспедиции на «Гранме». В эти незнакомые для них, но казавшиеся спасительными горы направились уцелевшие после разгрома у Алегрия-де-Пио повстанцы. И они не ошиблись. Сьерра-Маэстра стала непобедимой для батистовской армии крепостью, первой Свободной территорией Кубы и Америки.

22 января 1957 г. при Арройо-де-Инфьерно (Адском ручье) повстанцы уже нанесли поражение отряду правительственных войск, которым командовал один из самых кровожадных батистовских карателей — Санчес Москера.

О своем участии в этом бою Че пишет: «Вдруг я заметил, что в ближайшей ко мне хижине находится еще один вражеский солдат, который старается укрыться от нашего огня. Я выстрелил и промахнулся. Второй выстрел попал ему прямо в грудь, и он рухнул, выпустив винтовку, воткнувшуюся штыком в землю. Прикрываемый гуахирос Креспо, я добрался до убитого, взял его винтовку, патроны и кое-какое снаряжение»¹².

Под натиском повстанцев каратели Санчеса Москеры были вынуждены поспешно ретироваться, оставив на поле боя пять убитых, повстанцы же потерь не понесли.

28 января Че пишет письмо Ильде, которое доверенный человек опустил в почтовый ящик в Сантьяго-де-Куба. Это первое известное нам письменное свидетельство того, как оценивал Че события, происшедшие за два месяца после высадки с «Гранмы»;

«Дорогая старуха!

Пишу тебе эти пылающие мартианские¹³ строки из кубинской манигуа¹⁴. Я жив и жажду крови. Похоже на то, что я действительно солдат (по крайней мере, я грязен и оборван), ибо пишу на походной тарелке, с ружьем на плече и новым приобретением в губах — сигарой. Дело оказалось нелегким. Ты уже знаешь, что после семи дней плавания на „Гранме“, где нельзя было даже дыхнуть, мы по вине штурмана оказались в вонючих зарослях, и продолжались наши несчастья до тех пор, пока на нас не напали в знаменитой теперь Алегрия-де-Пио и не разметали в разные стороны, подобно голубям. Там меня ранило в шею, и остался я жив только благодаря моему кошачьему счастью, ибо пулеметная пуля попала в ящик с патронами, который я таскал на груди, и оттуда рикошетом — в шею. Я бродил несколько дней по горам, считая себя опасно раненным, кроме раны в шею, у меня еще сильно болела грудь. Из тебе знакомых ребят погиб только Джимми Хиртцель, он сдался в плен, и его убили. Я же вместе с известными тебе Альмейдой и Рамирито испытал семь дней страшной голодухи и жажды, пока мы не вышли из окружения и при помощи крестьян не присоединились к Фиделю (говорят, хотя это еще недостоверно, что погиб и бедный Ньико). Нам пришлось немало потрудиться, чтобы вновь организовать в отряд, вооружиться. После чего мы напали на армейский пост, нескольких солдат мы убили и ранили, других взяли в плен. Убитые остались на месте боя. Некоторое время спустя мы захватили еще трех солдат и разоружили их. Если к этому добавить, что у нас не было потерь и что в горах мы как у себя дома, то тебе будет ясно, насколько деморализованы солдаты, им никогда не удастся нас окружить. Естественно, борьба еще не выиграна,

еще предстоит немало сражений, но стрелка весов уже клонится в нашу сторону, и этот перевес будет с каждым днем расти.

Теперь, говоря о вас, хотел бы знать, находишься ли ты все в том же доме, куда я тебе пишу, и как вы там живете, в особенности „самый нежный лепесток любви“? Поцелуй ее и обними с такой силой, насколько позволяют ее косточки. Я так спешил, что оставил в доме у Панчо твои и дочкины фотографии. Пришли мне их. Пиши мне на адрес дяди и на имя Патохо. Письма могут немного задержаться, но, я думаю, дойдут»¹⁵.

Преследуемые вражеской авиацией и солдатами, повстанцы продолжали блуждать по Сьерра-Маэстре; они избегали населенных пунктов, опасаясь предательства. Но предатель был среди них. Им оказался Эутимио Герра. Ему батистовцы обещали большую награду, если он убьет Фиделя Кастро. Темный, забитый крестьянин, соблазненный посулами карателей, выжидал удобного момента и только случай помог разоблачить его.

Первые месяцы в горах физическое состояние Че было плачевным. В феврале его свалил с ног приступ малярии, а затем очередной приступ астмы, который нельзя было остановить из-за отсутствия лекарств. Во время одного из переходов повстанцы были настигнуты карателями и были вынуждены отступить, ища укрытия от огня. Че не мог двигаться. Ввалив себе на спину, его вынес из-под огня крестьянин Креспо. Повстанцы оставили Че в доме одного фермера -- противника Батисты, приставив бойца для охраны. Фермер раздобыл немного адреналина, это помогло Че встать на ноги и отправиться к товарищам. Он был настолько слаб, что расстояние, которое здоровый человек мог бы покрыть за несколько часов, он одолел только за десять дней. «Это были, — отмечает Че, — самые горькие для меня дни на Сьерра-Маэстре. Я с трудом передвигался, опираясь на стволы деревьев и на приклад ружья, сопровождаемый трусливым бойцом, который дрожал всякий раз, когда слышал стрельбу, и впадал в истерику, когда астма вызывала у меня кашель, который мог привлечь к нам внимание карателей»¹⁶.

В апреле 1957 г. во время очередного приступа астмы Че едва не попал в плен. Отстреливаясь, он с трудом добрался до укрытия. «Астма, — вспоминает он, — сперва сжалилась надо мной и позволила пробежать несколько метров, но потом отомстила: сердце мое стучало так, что, казалось, выскочит из груди. Вдруг я услышал хруст веток, но уже не смог побежать, хотя намеревался это сделать. На сей раз это оказался один из наших новых бойцов — он заблудился. Увидев меня, он сказал: „Не бойтесь, командир, я умру вместе с вами!“ Мне вовсе не хотелось умирать, а хотелось послать его к чертовой бабушке, что я, кажется, и сделал. В этот день мне казалось, что я трус»¹⁷.

Капитан Антонио Нуньес Хименес писал: «Я не понимаю, как он мог ходить, его то и дело душила болезнь. Однако он шел по горам с вещевым мешком за спиной, с оружием, с полным снаряжением, как самый выносливый боец. Воля у него, конечно, была железная, но еще большей была преданность идеалам — вот что придавало ему силы».

Если приступ астмы настигал его на марше, Че не разрешал себе отстать от отряда. Самое большее, что он допускал, это чтобы кто-то нес его рюкзак. Он считал, что отряд не должен задерживаться из-за того, что он болен. Это правило было общее для всех.

Когда астма окончательно одолевала Че, он, чтобы не стать обузой для товарищей, оставался отлеживаться в какой-нибудь крестьянской хижине. В таких случаях руки его стискивали уже не ружье, а книгу или блокнот, в котором он отмечал важнейшие события дня. На одной из сохранившихся фотографий того периода мы видим его лежащим с биографией Гете, принадлежащей перу Эмиля Людвиг, в руках. Его боевые товарищи вспоминали, что он много читал, часто жертвуя сном, чтобы почитать или сделать запись в дневнике. Если он вставал с зарей, он принимался за

чтение. Среди его любимых стихов были «Всеобщая песнь» Пабло Неруды и поэтический сборник Мигеля Эрнандеса¹⁸.

Этот повстанец — чужестранец, врач, страдающий от приступов астмы, привлекал к себе особое внимание гуахино, вызывая уважение и сострадание. Старая крестьянка Понсиана Перес, помогавшая повстанцам (ее Че в шутку называл «моя невеста»), вспоминает:

«Бедный Че! Я видела, как он страдает от астмы, и только вздыхала, когда начинался приступ. Он умолкал, дышал тихонечко, чтобы еще больше не растревожить болезнь. Некоторые во время приступа впадают в истерику, кашляют, раскрывают рот. Че старался сдержать приступ, успокоить астму. Он забивался в угол, садился на табурет или на камень и отдыхал. Иногда, разговаривая с ним, я замечала, что он начинает делать паузы между словами, сразу догадывалась, что у него приступ астмы, и спешила приготовить ему что-нибудь тепленькое, чтобы он выпил, согрел грудь. Ему становилось легче. Пресвятая дева! Было так тяжело смотреть как задыхается, страдает этот сильный

и красивый человек!

Но ему не нравилось, когда его жалели. Стоило кому-нибудь сказать: „Бедняга!“, — как он бросал в ответ быстрый взгляд, который вроде бы и ничего не означал, а в то же время говорил многое. Ему надо было подать какое-нибудь целебное варево без вздохов и взглядов, без жалостливых слов...»¹⁹.

Если Че говорил о своей болезни, то всегда с шуткой. «Я заметил, что порох — единственное лекарство, которое мне по-настоящему облегчает астму», — любил повторять он²⁰.

Несмотря на то что этот повстанец был так не похож на них самих и говорил на «чуждом» для них языке аргентинцев, гуахино относились к нему с доверием. Многих крестьян Че покорила присущими ему простотой, мужеством и справедливостью — человеческими качествами, ценимыми на всех широтах мира. Один из повстанцев, Рафаэль Чао, рассказывает: «Он всегда был в хорошем настроении, говорил не повышая голоса, никогда ни на кого не кричал. Хотя в разговоре он часто употреблял крепкие слова, но никогда не кричал на человека, не допускал издевок. И это несмотря на то, что он бывал резок, очень резок, когда это было необходимо... Я не знал менее эгоистичного человека. Если у него бывал всего один клубень батата, он готов был отдать его товарищам»²¹.

Партизан должен быть аскетом, говорил Че, и таким был он сам всегда. Партизанский командир, учил Че, должен быть образцом безупречного поведения и готовности к самопожертвованию; и таким он был сам всегда. Партизан, писал Че, должен обладать железным здоровьем, что позволит ему справляться со всеми невзгодами. В этих словах невольно слышится сожаление, что он сам был больным человеком.

Фидель Кастро говорит, что Че отличался тем, что, не раздумывая, брался за выполнение самого опасного поручения. Этот человек, посвятивший себя служению возвышенным идеалам, мечтавший об освобождении других стран Латинской Америки, поражал бойцов своим альтруизмом, готовностью осуществлять самые трудные дела и повседневно рисковать жизнью.

На протяжении всей войны Че вел дневник, который послужил основой для его знаменитых «Эпизодов революционной войны». Эта правдивая книга, насыщенная драматизмом и поэзией, повествует о суровой партизанской жизни, о горестях, мечтах и надеждах людей, пришедших сюда, чтобы победить или умереть в неравной борьбе. Эти — книга и о самом Че, мужественном, скромном и добром человеке, хотя автор говорит о себе скупое, чаще всего с улыбкой или иронией. Воспоминания Че по своему стилю — необычное явление в латиноамериканской мемуарной литературе. В них нет ни многословия, ни мелодраматизма, ни стремления автора представить себя идеальным героем. Мужество Че не нуждалось в рисовке, хвастовстве, преувеличениях

и саморекламе. Комментируя бой у селения Буэйсито, которым он руководил, Че писал: «Мое личное участие в бою было незначительным и отнюдь не героическим -- те немногие выстрелы, которые враг произвел по мне, я встретил не грудью, а совсем наоборот»²².

* * *

Постепенно партизанам Фиделя удалось наладить связь с подпольной организацией «Движение 26 июля», действовавшей в Сантьяго-де-Куба и Гаване. Руководители подполья я активисты — Франк Паис, Армандо Харт, Вильма Эспин, Айде Сантамария, Селия Санчес — прибыли в горы, где встретились с Фиделем. Подпольщики обязались обеспечивать повстанцев оружием, боеприпасами, одеждой, лекарствами, деньгами, направлять в горы добровольцев. Они также должны были мобилизовать массы на борьбу с Батистой.

С первого дня высадки повстанцев Батиста заявлял чуть, ли не ежедневно, что «разбойники» окружены, разбиты, уничтожены. Но бои в горах не прекращались, а значит, оставалась надежда на то, что еще не все потеряно и что из высеченной Фиделем Кастро искры может в конце концов возгореться пламя всенародной освободительной борьбы. Чтобы опровергнуть измышления Батисты о разгроме повстанцев, Фидель Кастро послал в Гавану Фаустино Переса с поручением установить связь с каким-нибудь авторитетным американским журналистом и доставить его в горы. Выбор пал на Герберта Метьюза, корреспондента газеты «Нью-Йорк таймс», который пробрался в горы и 17 февраля 1957 г. встретился с Фиделем Кастро.

Метьюз опубликовал сенсационный репортаж о вожде повстанцев через неделю. Он подтверждал, что Фидель Кастро жив и успешно сражается в горах Сьерра-Маэстры. «Судя по всему, — пророчески писал Метьюз, — у генерала Батисты нет оснований надеяться подавить восстание Кастро. Он может рассчитывать только па то, что одна из колонн солдат невзначай набредет на юного вождя и его., штаб и уничтожит их, но это вряд ли случится...»²³

Статья Метьюза, сопровождавшаяся фотографиями Фиделя и его бойцов в горах, еще больше подорвала и без того пошатнувшийся авторитет диктатора. Активизировали свою деятельность его противники за рубежом. Нарастала борьба против диктатора в столице Кубы и других городах острова. 4 января в Сантьяго состоялась массовая демонстрация

женщин против диктатора, которые несли плакаты с надписями: «Прекратите убивать наших сыновей!». В Гаване 13 марта 1957 г. члены организации «Революционный директорат» предприняли нападение на радиостанцию, университет и президентский дворец, где надеялись захватить батисту. Попытка окончилась неудачно — большинство восставших погибло в бою с полицией и армией.

И все же антибатистовские настроения продолжали расти. Террор, произвол, коррупция, казнокрадство и пресмыкательство перед американскими бизнесменами, перед Пентагоном и госдепартаментом, характерные для режима Батисты, вызывали возмущение и негодование среди широких слоев населения острова, за исключением преданных диктатору полицейских и армейских чинов, продажных чиновников, богатых сахарозаводчиков и части местной буржуазии.

В середине марта повстанцы получили подкрепление. Франк Паис снарядил им в подмогу отряд в 50 добровольцев. Новое пополнение не было подготовлено к сложным условиям партизанской войны в горах. Горожане с трудом передвигались по гористой местности, быстро уставали и, стремясь избавиться от груза, часто выбрасывали даже необходимое.

Все же прибытие отряда увеличило силы повстанцев чуть ли не вдвое. Фидель разделил теперь своих бойцов на три взвода, поставив во главе их капитанов — Рауля Кастро, Хуана Альмейду и Хорхе Сотуса, прибывшего во главе пополнения²⁴. Авангардом было поручено командовать Камило Сьенфуэгосу, арьергардом — Эфихенио Амейхейрасу, начальником охраны генштаба был назначен Универсо

Санчес, а Че был оставлен официально врачом при главном штабе, а фактически как бы советником или офицером-порученцем при Фиделе Кастро.

Когда повстанцы пополнили свои ряды, Че предложил Фиделю немедленно начать наступательные действия против батистовцев. Но Фидель Счел, что сперва необходимо закалить новобранцев, приучить их к трудностям горной жизни, к преодолению длительных расстояний, научить хорошо владеть оружием, и лишь после этого можно будет предпринять нападение на один из гарнизонов, расположенных;

у подножия Сьерра-Маэстры. Взятие такого гарнизона произвело бы большое впечатление на всю страну. Че согласился, что решение Фиделя обоснованно. Началась подготовка бойцов к предстоящим военным действиям.

Армия и полиция Батисты старались вовсю, чтобы покончить с повстанцами на Сьерра-Маэстре и подавить оппозиционное движение в стране. Террор, однако, не приносил тирану желаемых результатов. Горы оказались для его войска непреодолимым препятствием. О смелых налетах повстанцев на гарнизоны батистовцев сообщала печать, передавало радио. К бойцам Фиделя спешили присоединиться! добровольцы самых различных политических взглядов. За рубежом кубинские эмигранты собирали для них средства, закупали медикаменты и оружие, которые тайно переправлялись на Кубу.

В мае 1957 г. из Майами (США) должно было прибыть судно «Коринтия» с добровольцами во главе с Каликсто Санчесом. Фидель решил отвлечь внимание карателей, рыскавших по побережью в ожидании «Коринтии», и дал приказ взять штурмом казарму, расположенную в селении Уверо, в 15 км от Сантьяго-де-Куба. Гарнизон в Уверо преграждал повстанцам выход со Сьерра-Маэстры. Взятие укрепленного пункта в Уверо открыло бы им путь в долинские районы провинции Орьенте и доказало бы их способность не только обороняться, но и наступать.

Че, принимавший участие в бою за Уверо, подробно описал его в своих «Эпизодах революционной войны». После того как был намечен объект для нападения, повстанцам осталось уточнить детали предстоящего боя. Для этого необходимо было определить численность противника, количество постов, вид используемой связи, пути подхода к нему и т. д.

27 мая Фидель объявил, что отрядам надлежит быть готовыми к маршу. Поход начался вечером. За ночь предстояло пройти около 16 км. Путь был нелегким: горная дорога, извиваясь, круто спускалась вниз. На передвижение ушло около 8 часов.

Бойцам Фиделя было известно, что вокруг казармы расставлены посты, каждый в составе не менее четырех солдат. Но кустарник позволял подойти очень близко к противнику.

Казарма Уверо расположена на берегу моря, и, чтобы окружить ее, надо было наступать с трех сторон.

Атаковать пост, прикрывавший дорогу, идущую по берегу моря из Пеладеро, должна была группа под командованием Хорхе Сотуса и Гильермо Гарсии. Альмейде было поручено ликвидировать пост, находящийся напротив высоты.

Фидель расположился на высоте, а Рауль со своим взводом должен был атаковать казармы с фронта. Группа Че находилась между ними. Камило и Амейхейрас должны были действовать между группой Че и взводом Рауля, но в темноте они плохо сориентировались и оказались справа от Че вместо того, чтобы быть левее. Взвод Крессенсио Переса должен был овладеть дорогой Уверо— Чивирико и воспрепятствовать подходу вражеских подкреплений.

Предполагалось, что бой будет коротким, поскольку нападение должно было быть абсолютно внезапным. Однако повстанцы не смогли занять боевые позиции вовремя. Уже светало, а бой все не начинался. Наконец, атакующие группы стали продвигаться вперед в поисках более выгодных позиций.

Противник заметил движение и открыл огонь. Но повстанцы продолжали двигаться вперед.

Огонь противника все усиливался. Группа Че вышла на открытый участок местности, огонь батистовцев стал более прицельным, и партизаны стали нести потери. Остановившись, они залегли и стали вести огонь по замаскированному вражескому окопу. Взять окоп можно было только смелой атакой. Че принял решение атаковать окоп, и этот очаг сопротивления противника был ликвидирован. По словам Че, ему показалось, что бой продолжался несколько минут, на самом же деле от первого выстрела до захвата казармы прошло 2 часа 45 минут.

При подведении итогов боя оказалось, что повстанцы потеряли убитыми и ранеными 15 человек, а противник 19 человек ранеными и 14 убитыми²⁵. Для повстанцев бой на Уверо стал переломным моментом²⁶. Окреп боевой дух отряда, возросла вера в победу. Победа при Уверо определила судьбу мелких гарнизонов противника, расположенных у подножия Сьерра-Маэстры. За короткое время эти гарнизоны были уничтожены.

Бой при Уверо еще раз показал, что Че обладал природными качествами бойца: смелостью, хладнокровием, умением быстро оценить обстановку боя. Недаром «профессор партизанских наук» Байо считал его своим лучшим учеником. Но то было в теории, а теперь это подтвердила практика.

Однако бой для Че не был самоцелью. Каликсто Моралес так характеризует Че-бойца: «Для него бой был всего-навсего частью работы. После того как смолкнут выстрелы, даже в случае победного исхода боя, нужно продолжать работу. Нужно подсчитать потери, составить военную сводку и список трофеев. Только это. Никаких митингов. Лишь иногда, спустя несколько дней, мы собирались вечерами, чтобы поговорить о бое. Даже и эту беседу он использовал для того, чтобы указать на ошибки, отметить, что было сделано плохо, подвергнуть детальному анализу прошедшие события²⁷.

Как ни стремился Че стать только бойцом и забросить свои обязанности врача, это ему не удавалось: лечить бойцов все равно приходилось. Делал это он основательно, насколько, разумеется, позволяли обстоятельства и условия партизанской жизни. Че лечил не только партизан, но и крестьян. Гуахино обычно страдали авитаминозом, желудочными расстройствами, туберкулезом. Никто из них никогда в глаза не видел врача. Облегчить тяжелую участь этих обездоленных людей, живущих во власти предрассудков, могли не столько лекарства и врачебная помощь, сколько коренные социальные изменения. Че был убежден в этом и старался вселить свою уверенность в других повстанцев.

¹ *Че Гевара Э.* Эпизоды революционной войны. М., 1974, с

² От Сьерра-Маэстры до Гаваны: Воспоминания видных участников Кубинской революции. М., 1965, с. 10.

³ Героическая эпопея: От Монкады до Плайя-Хирон. М., 1978, с. 151.

⁴ *Василевская В.* Архипелаг свободы. М., 1962, с. 59.

⁵ Централь — сахарный завод вместе с плантацией.

⁶ *Che Guevara E.* Obras, 1957—1967. La Habana, 1970, t. 1, p. 197—300,

⁷ *Ibid.*, p. 201.

⁸ *Che Guevara E.* Escritos y discursos. La Habana, 1977, t. 7, p. 6.

⁹ *Ibid.*,

¹⁰ Пабло де ла Торрьенте Брау (1901—1936) сражался добровольцем в рядах интербригад в Испании, погиб в одном из сражений с франкистскими войсками.

¹¹ Цит. по кн.: *Нуньес Хименес А.* География Кубы. М., 1960, с. 183.

¹² *Che Guevara E.* Obras, t. 1, p. 215.

¹³ Мартианские — слово произведено от фамилии Хосе Марти (1853—1895), поэта и борца за независимость Кубы.

¹⁴ Манигуа — заросли дикого колючего кустарника,

¹⁵ *Gadea H.* Che Guevara: Anos decisivos. Mexico, 1972, p. 198—199

¹⁶ *Che Guevara E.* Obras, t. 1, p. 237.

¹⁷ *Ibid.*, p. 389.

¹⁸ Мигель Эрнандес (1910—1942) — испанский поэт-республикаец, умер во франкистской тюрьме.

¹⁹ См.: Куба, 1968, № 2, с. 24.

²⁰ *Ларин Е. А.* Повстанческая армия в Кубинской революции. М., 1977, с. 109.

²¹ Cuba, 1967, nov., p. 41.

²² *Че Гевара Э.* Эпизоды..., с. 109 23 New York Times, 1957, Febr. 24.

²⁴ Сотус, ярый антикоммунист, стал предателем, после победы революции был осужден, затем бежал в США, где подорвался на mine во время подготовки диверсионного акта против революционной Кубы.

²⁵ *Че Гевара Э.* Эпизоды..., с. 77—81.

²⁶ Среди отличившихся в бою при Уверо был повстанец Хуан-Виталио Акунья Нуньес (друзья звали его Вило), который впоследствии под именем Хоакина будет сражаться с Че в горах Боливии и погибнет там. Более подробно об этом бое см.: Bohemia, 1977, N 21, p. 44-75.

²⁷ Che: Una vida u un ejemplo. La Habana, 1968, p. 77.

Рассвет близок

Провинция Орьенте, Сьерра-Маэстра и ее самая высокая вершина — Туркино становились все популярнее не только среди кубинского народа, но и далеко за пределами острова. Они стали символом стойкости, мужества, несгибаемой воли, предвещавшим будущую победу над силами империализма и его местных слуг. Николае Гильен писал тогда в своем «Романсеро революции»:

Орьенте, сеньора наша,
земля голубых нагорий,
бездонных узких ущелий
и шумных рек непокорных,
плечи твои — из меди,
руки твои — из гранита,
здесь золото яркого солнца
на тысячи брызг разбито.
И словно поток бурлящий,
бегущий с вершины Туркино,
мимо лесов и плантаций
в дремлющую долину,—
отряды Фиделя Кастро
спускаются вниз по склонам,
идут волна за волною
сурово и непреклонно,
бесстрашный ветер свободы
их развеивает знамена.
Словно поток бурлящий —
батраки и юристы —
словно поток бурлящий —

студенты и журналисты —
словно поток бурлящий
с горной водою чистой —
отряды Фиделя Кастро
спускаются вниз по склонам,
и революции знамя—
над ними огнем раскаленным.
Их речи честны, как руки,
а руки сильны, как песни,
а песни ясны, как звезды,
зажженные в выси небесной...¹

В бою при Уверо повстанцы поняли, что регулярная армия вовсе не непобедима, как громогласно заверяли сторонники батистовского режима. Разъяренный диктатор приказал согнать крестьян со склонов Сьерра-Маэстры, надеясь таким образом лишить повстанцев поддержки местного населения. Но крестьяне сопротивлялись эвакуации, многие из них тянулись к повстанцам, вступали в их отряды или оказывали им разнообразную помощь — обеспечивали провиантом, вели наблюдения за действиями противника, служили проводниками.

Сближение крестьян с повстанцами носило сложный и противоречивый характер и было длительным процессом. Иногда было достаточно одного неосторожного слова, жеста, необдуманного поступка, чтобы потерять доверие гуахирос. Не все из них понимали политические цели и задачи Фиделя и его сторонников. В большинстве своем гуахирос были неграмотны и суеверны.

Многие крестьяне считали коммунизм чуть ли не сатанинским наваждением. Это им внушали в церковных проповедях и по радио. Красноречиво об этом рассказывает крестьянка Инирия Гутьеррес, первая женщина в партизанском отряде Че: «Однажды Че спросил меня о моих религиозных взглядах. Это заставило меня задать ему вопрос, верит ли он сам в бога. „Нет, — ответил он, — я не верю, потому что я коммунист“. Я онемела. Я была тогда еще очень молодой, не имела политической подготовки, а о коммунистах слыхала только ужасные вещи. Я вскочила с гамака и закричала: „Нет! Вы не можете быть коммунистом, ведь вы такой добрый человек!“. Че долго смеялся, а потом стал объяснять мне все то, чего я не понимала»².

Антикоммунизмом были заражены не только темные крестьяне, но и некоторые повстанцы. Беседуя с гуахирос и бойцами, Че настойчиво рассеивал отравлявший их сознание антикоммунистический дурман. Весьма показателен в этом отношении его фельетон за подписью «Снайпер», опубликованный в январе 1958 г. в первом номере органа повстанцев «Эль Кубано либре» («Свободный кубинец»). Это — первая статья Че, увидевшая свет на Кубе:

«На вершинах нашей Сьерра-Маэстры события из дальних стран становятся известны через радио и газеты, весьма откровенно сообщающие о том, что происходит там, ибо они не могут рассказать о преступлениях, совершаемых ежедневно здесь.

Итак, мы читаем и слышим о волнениях и убийствах на Кипре, в Алжире, Ифни и Малайзии. Все эти события имеют общие черты:

- а) власти «нанесли многочисленные потери повстанцам»;
- б) пленных нет;
- в) правительство не намерено менять свою политику;
- г) все революционеры, независимо от страны или региона, в котором они действуют, получают тайную „помощь“ от коммунистов.

Как весь мир похож на Кубу! Всюду происходит одно и то же. Группу патриотов, вооруженных или нет, восставших или нет, убивают, каратели еще раз одерживают „победу после длительной перестрелки“. Всех свидетелей убивают, поэтому нет пленных.

Правительственные силы никогда не терпят потерь, что иногда соответствует

действительности, ибо беззащитных людей убивать не очень опасно. Но часто это сплошная ложь. Сьерра-Маэстра — неопровержимое доказательство тому. И наконец, старое обычное обвинение в „коммунизме“.

Коммунистами являются все те, кто берется за оружие, ибо они устали от нищеты, в какой бы это стране ни происходило... Демократами называют себя все те, кто убивает простых людей: мужчин, женщин, детей. Как весь мир похож на Кубу!

Но всюду, как и на Кубе, народу принадлежит последнее слово против злой силы и несправедливости, и народ одержит победу».

В батистовских газетах, официальных сообщениях Че всегда именовался «аргентинским коммунистическим главарем бандитской шайки, оперирующей на Сьерра-Маэстре». Официальная пропаганда Батисты «разоблачала» повстанцев как коммунистов и «агентов Москвы» и утверждала, что, преследуя их, правительственные войска спасают Кубу и Латинскую Америку от коммунизма.

Степень доверия крестьян Сьерра-Маэстры к повстанцам зависела от поведения последних по отношению к жителям гор. А для того чтобы оно было образцовым, партизаны должны были навести порядок в своих собственных рядах, освободиться от анархизирующих, деклассированных элементов, которые всегда примыкают к такого рода движениям, особенно на начальной стадии.

Повстанцам особенно в первые месяцы войны приходилось бороться за дисциплину в своих собственных рядах, а также против банд мародеров, которые, прикрываясь именем революции, грабили крестьян. Ликвидировать одну из таких банд было поручено отряду Камило Сьенфуэгоса. О том, как этот приказ был осуществлен, Че рассказывает в эпизоде, озаглавленном «Борьба с бандитизмом».

Навести твердый революционный порядок в горах Сьерра-Маэстры было нелегко. Слишком низкий уровень политического сознания населения требовал длительной и кропотливой воспитательной работы. И, кроме того, повстанцы все время жили под угрозой вражеского вторжения в горы Сьерра-Маэстры.

В одном из горных районов — Каракасе, действовала банда, разорявшая и опустошавшая крестьянские хозяйства. Главарем ее был некий китаец Чанг³. Бандиты, спекулируя на революционной фразеологии, грабили, убивали, насильничали. Имя Чанга наводило ужас на всю округу. Повстанцам удалось обезвредить бандитов. Их судил революционный трибунал. Чанг был приговорен к расстрелу, другие — к разного рода наказаниям. Трое юношей, случайно попавшие в банду, впоследствии вступили в ряды повстанцев и стали хорошими и честными бойцами.

Другой проблемой было дезертирство в рядах повстанцев. Среди дезертиров оказывались не только городские жители, которые пасовали перед трудностями, лишениями и опасностями партизанской борьбы, но и местные крестьяне. Становление революционной сознательности бойцов было трудным и сложным делом. В «партизанской школе» на Сьерра-Маэстре учились все: и руководители, и рядовые, и крестьяне/

«Обстановка требовала от нас, — отмечает Че, — твердой рукой навести порядок, пресечь любое проявление недисциплинированности, покончить с анархическими элементами»⁴.

Мир, открытый Че на Сьерра-Маэстре, привлекал его. Он по-настоящему узнал и полюбил крестьян, но не идеализировал их. Без их поддержки повстанцы не только не могли победить, но даже и продержаться в горах какое-то время. Однако крестьяне также нуждались в повстанцах, от победы которых зависела их дальнейшая судьба. Чтобы заручиться доброй волей горцев, бойцы Фиделя должны были доказать, что они не на словах, а на деле настоящие друзья гуахирос. Они защищали гуахирос от карателей, лечили и учили их самих и членов их семей, закрепили права крестьян на землю, которую те обрабатывали.

Че говорил одному журналисту, посетившему Сьерра-Маэстру в апреле—мае 1958 г.: «О многом из того, что мы делаем, мы раньше даже не мечтали. Можно сказать, что

мы становились революционерами в процессе революции. Мы прибыли сюда, чтобы свергнуть тирана, но обнаружили здесь

обширную крестьянскую зону, ставшую опорой в нашей борьбе. Эта зона — самая нуждающаяся на Кубе в освобождении. И, не придерживаясь догм и застывших ортодоксальных взглядов, мы оказали ей нашу поддержку, не пустозвонную, как это делали разные псевдореволюционеры, а действительную помощь»⁵.

Американская буржуазная пресса пыталась представить Че слепым фанатиком, жаждавшим крови своих противников и безразлично относившимся к гибели друзей. На самом же деле он был бойцом гуманным и благородным — оказывал медицинскую помощь в первую очередь раненым пленным, строго следил, чтобы их не обижали. Пленных, как правило, бойцы отпускали на свободу. Че искренне и глубоко переживал гибель своих товарищей. «Когда Че сообщили, что убит Сиро Редондо, — вспоминает Хавьер Ми-лиан Фонсека, — произошло нечто ужасное. Я не думал, что Че способен плакать, но в тот день он не смог сдержаться, боль взяла верх. Я видел, как, прислонившись к скале и закрыв лицо руками, он горько рыдал»⁶.

В начале июня 1957 г. по решению Фиделя Кастро повстанческие отряды разделились на две колонны. Командование Первой колонной, им. Хосе Марти, Фидель оставил за собой, а командиром Второй (или Четвертой, как в целях конспирации она именовалась) был назначен Че, который, по общему признанию, уже проявил блестящие военные способности. Колонна Че, насчитывавшая 75 бойцов, была разбита на три взвода, которые возглавляли Лало Сардиньяс, Сиро Редондо⁷ и Рамиро Вальдес. Когда победила революция, Рамиро Вальдес стал министром внутренних дел, ныне он является членом Политбюро ЦК Коммунистической партии Кубы.

Некоторое время спустя Че был удостоен высшего в Повстанческой армии звания майора. «Доза тщеславия, которая присуща всем нам, — вспоминал об этом событии Че, — сделала меня в тот день самым счастливым человеком в мире»⁸.

Успехи повстанцев в боях с карателями заставили представителей антибатистовской буржуазной оппозиции установить прямой контакт с Фиделем Кастро. В июле Фелипе Пасос и Рауль Чибас, «примадонны» буржуазной политики, как их называл Че, прибыли на Сьерра-Маэстру. Пасос был при президенте Прио Сокаррасе директором Национального государственного банка, а Рауль Чибас — лидером партии «ортодоксов». Фидель подписал с ними манифест об образовании Революционного гражданского фронта. Манифест требовал ухода в отставку Батисты, назначения временного президента (Пасос претендовал на этот пост), проведения всеобщих выборов и осуществления аграрной реформы, которая предусматривала раздел пустующих земель.

Комментируя это соглашение, Че писал впоследствии:

«Для нас было понятно, что это программа-минимум, которая по существу ограничивает наши возможности. Но мы также понимали, что, находясь в горах, практически невозможно оказывать наше влияние в такой мере, в какой нам бы хотелось. Поэтому в течение какого-то периода времени мы должны были уживаться с целым сонмом так называемых «друзей народа», которые в действительности хотели использовать нашу военную силу, а также огромную веру народа в Фиделя Кастро для своих темных махинаций и прежде всего для того, чтобы сохранить господство империализма на Кубе»⁹.

Между тем полиция и войска Батисты, терпевшие поражение за поражением в горах Сьерра-Маэстры, усиливали террор в городах и селениях страны. 30 июля 1957 г. полиция убила на одной из улиц Сантьяго-де Куба Франка Паиса, погиб от полицейской пули и его брат Хосуэ. Вспыхнувшая в связи с этими преступлениями забастовка протеста, в которой участвовало почти все население города Сантьяго, была жестоко подавлена властями. Бурные волнения охватили и другие районы страны¹⁰.

5 сентября 1957 г. в городе Сьенфуэгосе восстали моряки военно-морской базы.

Ими руководили оппозиционно настроенные офицеры. Восстание было поддержано горожанами. Но и оно закончилось поражением. Преданные диктатору войска подавили восставших, а пленных расстреляли. Во время и после восстания в Сьенфуэгосе погибло свыше 600 человек — противников тирана¹¹.

Беспощадно расправлялись каратели Батисты с коммунистами — членами Народно-социалистической партии, неустанно боровшимися за единство действий трудящихся, всех прогрессивных сил в борьбе с тиранией и оказывавшими всемерную поддержку повстанческому движению Фиделя Кастро. «Работа, которую вели члены нашей партии в Союзе социалистической молодежи в нелегальных условиях, — говорил в 1959 г. генеральный секретарь Народно-социалистической партии Блас Рока, — требовала принципиальности, мужества и стойкости, так как все, кто был арестован, подвергались пыткам, издевательствам, а многие были зверски убиты»¹². Террористические акты, по словам мексиканского публициста Марио Хиля, автора книги о Кубе тех лет, невиданные по своей жестокости пытки, убийства невинных — все это превратило остров в сплошное поле сражения. Диктатуре, вооруженной оружием, поставляемым Соединенными Штатами, противостоял народ, недостаточно организованный, но единый в своей ненависти к тирану.

Не сумев сломить повстанцев, Батиста назначил награду за голову Фиделя Кастро, Вся провинция Орьенте была наводнена объявлениями такого содержания: .

«Настоящим объявляется, что каждый человек, сообщивший сведения, которые могут способствовать успеху операции против мятежных групп под командованием Фиделя Кастро, Рауля Кастро, Крессенсио Переса, Гильермо Гонсалеса или других вожаков, будет вознагражден в зависимости от важности сообщенных им сведений; при этом вознаграждение в любом случае составит не менее 5 тыс. песо.

Размер вознаграждения может колебаться от 5 тыс. до 100 тыс. песо; наивысшая сумма в 100 тыс. песо будет заплачена за голову самого Фиделя Кастро.

Примечание: имя сообщившего сведения навсегда останется в тайне».

Многие противники Батисты уходили в горы, пополняя ряды повстанцев на Сьерра-Маэстре. Возникли также очаги восстания в горах Эскамбрия, Сьерра-дель-Кристалль и в районе Баракоа. Этими группами руководили деятели из Революционного директората, «Движения 26 июля» и коммунисты.

«Сравнивая итоги революционной борьбы в городах и действий партизан, — резюмирует Че результаты боев на Кубе, — становится ясно, что последняя форма народной борьбы с деспотическим режимом является наиболее действенной, характеризуется меньшими жертвами для народа. В то время как потери партизан были незначительны, в городах гибли не только профессиональные революционеры, но и рядовые борцы и гражданское население, что объяснялось большой уязвимостью городских организаций во время репрессий, чинимых диктатурой»¹³.

В городах хорошо организованные акты саботажа, отмечал Че, чередовались с отчаянными, но ненужными террористическими действиями, в результате которых гибли лучшие сыны народа, не принося ощутимой пользы общему делу.

Кубинские буржуазные деятели, все еще надеявшиеся нажить политический капитал на подвигах повстанцев Сьерра-Маэстры, собравшись в октябре 1957 г. в Майами, учредили Совет освобождения, провозгласили Фелипе Пасоса временным президентом, сочинили манифест к народу. В этих маневрах принимал участие агент ЦРУ Жюль Дюбуа, постоянно поддерживавший контакт с майамскими заговорщиками.

Фидель Кастро решительно осудил интриги буржуазных лидеров, пресмыкавшихся перед американцами. Цель буржуазных политиканов была очевидна: вырвать из рук повстанцев победу, реставрировать после падения Батисты «демократический порядок», усмирить трудящихся и снова начать крутить шарманку антикоммунизма в угоду американским боссам.

Но Фидель отверг «майамский пакт»¹⁴. Че горячо одобрил позицию Фиделя. «Еще раз поздравляю тебя с твоим заявлением, — писал он Фиделю. — Я тебе говорил, что

твоей заслугой всегда будет то, что ты доказал возможность вооруженной борьбы, пользующейся поддержкой народа. Теперь ты вступаешь на еще более замечательный путь, который приведет к власти в результате вооруженной борьбы масс»¹⁵

К концу 1957 г. повстанцы уже господствовали на Сьерра-Маэстре. Наступило непродолжительное затишье:

войска Батисты не поднимались в горы, а повстанцы копили силы и не спускались в долины.

«Мирная» жизнь повстанцев, рассказывает Че в «Эпизодах революционной борьбы», была очень тяжелой. Бойцам по хватало продуктов, одежды, медикаментов. Туго у них было с оружием и боеприпасами, для развертывания политической работы ощущалась нужда в собственной газете, радиостанция. Вначале небольшие партизанские отряды добывали продукты, кто где мог, но по мере роста их сил возникла необходимость наладить регулярное централизованное снабжение продовольствием. Местные крестьяне продавали повстанцам фасоль, кукурузу, рис. Через них же партизаны покупали в селениях другие продукты. Что касается медикаментов, то их доставляли в горы главным образом городские подпольщики, но далеко не в том количестве и не всегда те, что требовались.

Че энергично укреплял партизанский «тыл», организуя санитарные пункты, полевые госпитали, оружейные мастерские и мастерские по изготовлению обуви, вещевых мешков, патронташей, обмундирования. Приложил руку Че и к созданию миниатюрной табачной фабрики, производившей сигареты. Мясо партизаны отбирали у предателей и крупных скотопромышленников, часть конфискованного безвозмездно передавалась местным жителям.

По инициативе Че и под его редакцией стала выходить в горах газета «Эль Кубано либре», первые номера которой были написаны от руки, а потом печатались на гектографе. Газету под таким названием в конце XIX в. издавали кубинские патриоты, сражавшиеся за независимость. Сообщая Фиделю Кастро о выходе в свет первого номера, Че писал:

«Посылаю тебе газету и напечатанные программы. Надеюсь, их низкое техническое качество вызовет у тебя шок, и тогда ты что-нибудь напишешь за своей подписью. Передовая статья второго номера будет посвящена пожарам на плантациях сахарного тростника. В этом номере выступают Нода с материалом об аграрной реформе, Киала со статьей „Реакция перед лицом преступления“, врач с материалом „Какова жизнь кубинского крестьянина“. Рамиро с сообщением о последних новостях и я с разъяснением названия газеты, с передовицей и статьей „Ни одной пули — мимо!“»¹⁶.

Повстанцы сумели обзавестись и маленьким радиопередатчиком. Качество передач постепенно улучшалось, а к концу 1958 г., когда установка была переведена в Первую колонну, эта радиостанция стала одной из самых популярных на Кубе.

К концу первого года борьбы была налажена тесная связь с жителями окрестных городов и селений. По тайным тропам жители пробирались в горы и приносили новости. Крестьяне немедленно сообщали повстанцам не только о появлении солдат, но и о всяком новом человеке в горах, благодаря чему было обезврежено немало вражеских лазутчиков.

Политическая обстановка того времени была очень сложной и противоречивой. Батистовская диктатура в своих действиях опиралась на продажный конгресс. В ее руках были мощные средства пропаганды, денно и нощно призывавшие народ к национальному единству и согласию.

В стране появилось множество оппозиционных правительству групп и группировок, между которыми шла ожесточенная борьба. Подавляющее большинство этих группировок тайно мечтало о захвате власти. Они кишмя кишели агентами Батисты, которые доносили об их деятельности. Народно-социалистическая партия Кубы поддерживала повстанцев Фиделя в некоторых конкретных мероприятиях. Но взаимное недоверие препятствовало объединению.

В самом повстанческом движении имелись две точки зрения на методы борьбы. Одна из них, защищаемая партизанами Сьерра-Маэстры, сводилась к необходимости дальнейшего развертывания партизанского движения, к распространению его на другие районы и ликвидации аппарата тирании путем упорной вооруженной борьбы. Революционеры из равнинных районов страны придерживались иной позиции, предлагая начать во всех городах организованные выступления трудящихся, которые со временем выльются во всеобщую забастовку, в результате чего будет свергнут ненавистный режим Батисты. По мнению Че Гевары, эта позиция далеко не соответствовала требованиям момента. Политическое сознание защитников этой концепции было недостаточно высоким¹⁷

Здесь уместно привести следующее высказывание Фиделя Кастро из его выступления в Сагуа-ла-Гранде 9 апреля 1968 г.: «Элементарная справедливость требует отметить:

характер нашей борьбы и то обстоятельство, что она началась на Сьерра-Маэстре и что в конечном счете решающие бои вели партизанские силы, способствовали тому, что в течение длительного периода почти все внимание, все признание, почти все восхищение оказались сосредоточенными на партизанском движении в горах. Следует подчеркнуть, ибо разумно и полезно быть справедливым, что это обстоятельство в известной степени привело к затушевыванию роли участников подпольного движения в революции, роли и героизма тысяч молодых людей, отдавших жизнь и боровшихся в исключительно тяжелых условиях. Необходимо указать также и тот факт, что в истории нашего революционного движения, как и во всех подобных процессах, главным же образом в новых исторических условиях, не было вначале большой ясности в вопросе о роли партизанского движения и роли подпольной борьбы. Несомненно, что даже многие революционеры считали партизанское движение символом, способным поддержать пламя революции и надежды народа и ослабить тиранию, хотя в конечном счете не оно, а всеобщее восстание должно привести к свержению диктатуры. Хотелось бы, однако, подчеркнуть, что при наличии в революционном движении разных критериев и точек зрения (явление, по нашему мнению, естественное и логичное) никто не мог претендовать на обладание истиной. Лично мы ориентировались на победу партизанского движения, но если бы случилось так, что до того, как партизанское движение получило значительное развитие, чтобы нанести поражение армии, в стране возникло бы сильное массовое движение и народное восстание победило бы в одном из городов, в этом случае мы были бы готовы немедленно оказать такому движению поддержку и принять в нем участие. Я хочу сказать, что в революционном процессе могли иметь место разные альтернативы и поэтому просто следовало быть готовыми использовать любую из них»¹⁸.

Рядовые партизаны в горах и на равнине, героически сражавшиеся с диктатурой Батисты, придерживались в общем правильных взглядов на цели и задачи борьбы и все больше проникались боевым революционным духом. После победы они активно выступили за создание единой партии под непосредственным руководством Фиделя. Группа «Движение 26 июля» объединила свои усилия со студенческими организациями и Народно-социалистической партией Кубы. Ток был создан единый фронт борьбы.

Падение режима Батисты затягивалось главным образом из-за того, что Соединенные Штаты продолжали оказывать ему финансовую, политическую и военную помощь. Хотя в марте 1958 г. правительство США заявило об эмбарго на доставку оружия Батисте, оно продолжало его вооружать, снабжая напалмовыми бомбами, ракетами и другим военным снаряжением. Батистовские самолеты, бомбившие повстанцев, заправлялись и вооружались на военной базе американцев в Гуантанамо вплоть до конца 1958 г. Шпионские службы Вашингтона контролировали репрессивный аппарат диктатора. Американцы надеялись если и не сохранить «своего человека» в Гаване у власти, то во всяком случае заменить его не менее услужливой

марионеткой. Новые президентские выборы должны были состояться в конце 1958 г. На этот пост Батиста прочил своего премьера Риву Агуэро.

Фидель Кастро и его единомышленники должны были проявить особую политическую гибкость, чтобы не дать повода для прямого вооруженного вмешательства Соединенных Штатов в дела Кубы под предлогом предотвращения победы коммунизма и не допустить замены Батисты другой марионеткой. Фиделю Кастро это удалось, ибо он, как отмечал Че, показал себя блестящим политиком, который раскрывал свои подлинные планы только в определенных пределах, вводя своей кажущейся умеренностью в заблуждение стратегов Вашингтона. Ведь о социализме, а тем более о коммунизме па Сьерра-Маэстре никто не упоминал. В то же время радикальные реформы, предлагавшиеся повстанцами, такие, как ликвидация латифундий и национализация транспорта, электрокомпаний и других предприятий общественного значения, особого страха у американцев не вызывали. Это столько раз обещали и не выполняли буржуазные политики, в том числе и сам Батиста.

Американцы были уверены, что если случится неизбежное и победит Фидель Кастро, то и с ним не составит труда «договориться», как договаривались прежде с реформистами буржуазного толка. Вашингтонские стратеги подсчитали, что только в XX в. в Латинской Америке произошло не менее 80 «революций», но влияние капитала США не только не уменьшилось в этом регионе, а, наоборот, увеличилось. Им казалось, что только самоубийца мог всерьез надеяться изгнать капитал янки из какой-либо латиноамериканской республики, тем более с Кубы, находившейся под боком, вернее, под пятой своего северного «покровителя».

* *

В начале марта 1958 г. по приказу Фиделя колонна, возглавляемая Раулем Кастро, спустилась со Сьерра-Маэстры и, захватив грузовики, удачно проскочила через район, кишевший солдатами Батисты, к отрогам Сьерра-дель-Кри-сталь на северо-западе провинции Орьенте, где открыла Второй фронт им. Франка Паиса. Одновременно колонна под командованием Альмейды перебазировалась в восточную часть провинции Орьенте, где также начала успешные военные действия.

12 марта 1958 г. увидел свет манифест «Движения 26 июля» к народу, подписанный Фиделем Кастро. Манифест призывал к всеобщей войне против диктатуры, запрещал с 1 апреля платить налоги правительству Батисты и призывал войска противника восстать и примкнуть к партизанам. Манифест обращался к населению с призывом принять участие в общенациональной забастовке протеста против диктатуры.

Забастовка, назначенная на 9 апреля, однако, не удалась. Об этом и о последующих событиях Че подробно пишет в «Эпизодах».

Подавив забастовку, правительство смогло высвободить часть войск, постепенно направляя их в провинцию Орьенте для ликвидации повстанцев в горах Сьерра-Маэстры. Им приходилось строить оборону, уходя все дальше в горы, а правительство продолжало наращивать свои силы, сконцентрировав их у позиций партизан. Наконец, число батистовских солдат достигло 10 тыс., и тогда 25 мая правительство начало наступление в районе поселка Лас-Марседес, где располагались передовые позиции повстанцев. Бойцы Фиделя мужественно сражались в течение двух дней, причем соотношение сил было 1: 10 или 1:15. Кроме того, армия использовала минометы, танки, авиацию. Партизаны вынуждены были оставить поселок.

Между тем батистовцы развивали наступление. За два с половиной месяца упорных боев они потеряли убитыми, ранеными и дезертировавшими более тысячи человек. Батистовская армия сломала себе хребет в этом заключительном наступлении на Сьерра-Маэстру, хотя и не была окончательно побеждена¹⁹.

Войска Батисты не смогли расправиться и с действовавшим в долине Вторым фронтом, которым командовал Рауль Кастро. Во второй половине 1958 г. повстанцы этого фронта контролировали территорию в 12 тыс. кв. км на северо-востоке провинции Орьенте. На освобожденной территории создавался новый революционный

порядок, действовали 400 школ, взимались налоги, имелись своя радиостанция и телефонная сеть, взлетно-посадочные площадки, 20 больниц, революционные суды, выходила газета, осуществлялась аграрная реформа²⁰.

Приближался крах диктатуры. Некоторые из подручных тирана стали подумывать, как бы избавиться от Батисты, сохранив свои посты и положение. Генерал Кантильо, командовавший войсками в провинции Орьенте, советовал Фиделю Кастро отстранить Батисту от власти, заменив его новым диктатором, на роль которого предложил себя. Фидель Кастро в присутствии Че принял посланца Кантильо, которому заявил, что может согласиться только на полную передачу власти повстанцам. Он потребовал от Кантильо арестовать Батисту и его окружение для предания суду.

В августе заметно укрепилось политическое положение повстанцев. Народно-социалистическая партия установила связь с их командованием. На Сьерра-Маэстру прибыли член Политбюро Народно-социалистической партии Карлос Рафаэль Родригес и другие коммунисты, за плечами которых были годы борьбы с диктатурой и империализмом. Фидель и Че приветствовали сотрудничество с коммунистами, считая, что это укрепит фронт антибатистовских сил и придаст ему еще большую антиимпериалистическую направленность. Среди сторонников «Движения 26 июля», однако, имелись и такие люди, которые все еще с недоверием относились к коммунистам. Немало для этого сделали враги Кубинской революции, распространявшие небылицы и провокационные измышления. Батиста, например, утверждал, что Фидель Кастро — «тайный коммунист»; другие, спекулируя на том, что при зарождении партизанского движения коммунисты отдавали предпочтение борьбе широких масс против диктатуры Батисты, говорили о якобы враждебном отношении коммунистов к повстанцам. В действительности же обе эти силы уже в тот период боролись за одни идеалы, но разными средствами, дополнявшими друг друга. В ходе революционной борьбы против Батисты различия точек зрения между этими двумя силами были преодолены и налажено тесное сотрудничество, которое привело позже к образованию единой партии.

¹ Комсомольская правда, 1982, 10 июля. Пер. В. Андреева

² Viva Che! Contributions in Tribute to Ernesto Che Guevara. L., 1968 p. 26.

³ На Кубе проживает несколько десятков тысяч человек китайского происхождения. Это потомки китайских кули, завезенных на остров во второй половине XIX в. для работы на сахарных плантациях.

⁴ Че Гевара, Э. Эпизоды революционной войны. М., 1974, с. 135.

⁵ Архив Комиссии по увековечению памяти Эрнесто Гевары (далее—Архив КУПЭГ).

⁶ Архив КУПЭГ.

⁷ После гибели Редондо его имя было присвоено колонне под командованием Че.

⁸ Che Guevara E. Obras, 1957—1967. La Habana, 1970, t. 1, p. 291.

⁹ Че Гевара Э. Эпизоды..., с. 100.

¹⁰ Очерки истории Кубы. М., 1978, с. 403.

¹¹ Там же, с. 404.

¹² Куба — свободная территория Америки. М 1961, с. 21

¹³ От Сьерра-Маэстры до Гаваны: Воспоминания видных участников Кубинской революции. М., 1965, с. 74.

¹⁴ См.: Che. La Habana, 1969, p. 109—120.

¹⁵ Che Guevara E. Obras, 1957—1967. La Habana, 1970, t. 2, p. 662.

¹⁶ Архив КУПЭГ.

¹⁷ Че Гевара Э. Эпизоды..., с. 164—165.

¹⁸ Granma, 1968, 10 abr.

¹⁹ Че Гевара Э. Эпизоды..., с. 210—211.

Последний решительный...

В середине августа 1958 г. Фидель Кастро разрабатывает генеральный план наступления, которое должно было привести к падению батистовской тирании. План смелый, дерзкий, но стратегически верный и политически обоснованный. Предстояло сокрушить 20-тысячную армию, на вооружении которой были танки и самолеты. Кроме того, у тирана — с полдюжины разведок и контрразведок, тысячи полицейских и осведомителей, специальные карательные отряды, за спинами которых стоят советники из ЦРУ и ФБР. А у повстанцев всего лишь несколько сот плохо вооруженных бойцов.

Итак, у Батисты, несомненно, перевес в силе. Но его солдаты уже не те, что были два года тому назад. Они проявляют все меньше желания сражаться и умирать. В офицерских кругах тоже нарастает недовольство диктатором. Ответственность за свои неудачи в борьбе с повстанцами офицеры пытаются свалить на Батисту, обвиняя его в трусости (ведь он ни разу не побывал во фронтовой зоне, даже не решился посетить Сантьяго). Кубинское общество устало от террора и беззакония, от казнокрадства и произвола властей. Уже никто не верит в способность тирана удержать власть. Против него ополчились даже церковники, плантаторы и сахарозаводчики, которые платят налоги Фиделю Кастро. Бывшие союзники диктатора не испытывают желания идти вместе с ним на дно. Даже в правящих кругах Соединенных Штатов раздаются все больше голосов, требующих отказаться от услуг «нашего человека в Гаване». И действительно, кому нужен этот бывший сержант, если он не в состоянии обеспечить «мир и спокойствие» на Острове сокровищ, каким была Куба в те времена для американских монополистов.

Силы же повстанцев растут. Теперь крестьяне повсеместно оказывают им поддержку и составляют большинство бойцов в их рядах. Крестьяне убеждены, что в лице повстанцев они впервые в истории Кубы обрели своих подлинных защитников. Оказывают поддержку борцам и рабочие, студенчество, интеллигенция, буржуазные круги. Правда, последние делают это не без задней мысли. На поклон к Фиделю Кастро в его неприступную ставку в горах Сьерра-Маэстры устремляются церковники. Его осаждают журналисты, местные и зарубежные. Среди них были и замаскированные под журналистов агенты ЦРУ, перед которыми ставилась задача выяснить степень радикализма Фиделя, прощупать его настроения, разузнать, сможет ли Вашингтон с ним поладить, если он все-таки придет к власти. Присутствие в горах даже агентов ЦРУ свидетельствовало о растущей популярности и авторитете этого партизанского вождя.

Новый стратегический план Фиделя Кастро в некотором роде напоминал действия кубинских патриотов — мамби, боровшихся против Испанских колонизаторов. Согласно плану колонна под командованием самого Фиделя и колонна Рауля должны были окружить Сантьяго-де-Куба и взять город. Колонна же под командованием Камило Сьенфуэгоса должна была перебазироваться в западную часть острова — провинцию Пинар-дель-Рио и открыть там военные действия. Наконец, колонне Че (8-я колонна имени капитана Сиро Редондо) поручалось прорваться в провинцию Лас-Вильяс, расположенную в центре острова, захватить ее, овладеть столицей провинции — городом Санта-Кларой, а оттуда двинуться на Гавану. Одновременно к столице должен был подойти с запада Камило Сьенфуэгос. Наиболее сложной была задача, поставленная перед бойцами Че. Не только потому, что в провинции Лас-Вильяс сосредоточивались крупные силы противника, но и потому, что в этом районе действовали вооруженные группировки других антибатистовских организаций,

соперничавшие между собой и считавшие этот район зоной своего влияния. Че должен был сплотить эти разрозненные группировки, добиться координации их действий, а также, преодолев их антикоммунистические предрассудки, обеспечить сотрудничество с Народно-социалистической партией, которая располагала в этом районе вооруженным отрядом.

Че назначался «командующим всеми повстанческими частями, действовавшими в провинции Лас-Вильяс, как в сельской местности, так и в городах». На него возлагалась обязанность производить сбор налогов, устанавливаемых повстанческими властями, и расходовать их на военные нужды; осуществлять правосудие в соответствии с положениями уголовного кодекса и проводить в жизнь аграрные законы Повстанческой армии на занятой территории; координировать боевые действия, планы, административные и военные распоряжения с другими революционными силами, имеющимися в этой провинции, которые следует привлечь к созданию единой армии с тем, чтобы объединить и укрепить военные усилия революции; организовывать боевые части на местах и назначать офицеров Повстанческой армии на различные посты, вплоть до командира колонны¹.

Че пополнил свою колонну выпускниками партизанской школы в горном селении Минас-дель-Фрио, созданной и руководимой им. 27 августа он созвал в селении Эль-Хибаро своих командиров и сообщил им, что колонна спускается с гор и будет сражаться в долине. Подробностей поставленной перед ними задачи он не раскрыл, а лишь сказал командирам: Возможно, что половина бойцов погибнет в боях. Но даже если только один из нас уцелеет, то это обеспечит выполнение поставленной перед нами главнокомандующим Фиделем Кастро задачи. Тот, кто не желает рисковать, может покинуть колонну. Он не будет считаться трусом». Несколько человек не захотели оставлять горы. Подавляющее же большинство выразило готовность следовать за Че².

Бойцы получили самое лучшее вооружение, которым располагали тогда партизаны. Предполагалось, что колонна Че, используя грузовики, как это сделали в свое время бойцы Рауля, сумеет по проселочным дорогам проскочить в провинцию Лас-Вильяс.

30 августа 8-я колонна спустилась со Сьерра-Маэстры в район Мансанильо. Здесь ее ожидали грузовики, а на импровизированный аэродром из-за границы должен был прибыть самолет с оружием и боеприпасами. Самолет прибыл, но противник, обнаружив повстанцев, взял под артиллерийский обстрел аэродром и окрестную зону. Ураганный обстрел продолжался всю ночь. К утру батистовцы подошли к аэродрому. Че приказал поджечь самолет, так как возникла опасность, что он попадет в руки врага. То же самое пришлось сделать и с грузовиками — батистовцам удалось захватить бензовоз, что лишило партизан горючего. Несмотря на неудачу, Че повел свой отряд на запад, надеясь раздобыть грузовики на Центральном шоссе, на участке между Мансанильо и Баямо.

Действительно, партизанам удалось там получить автомашины, но воспользоваться ими они не успели: разразился жестокий циклон, ливни вывели из строя все проселочные дороги. Двигаться же по Центральному шоссе было слишком рискованно — оно охранялось крупными силами противника. Пришлось отказаться от грузовиков. Бойцы пробирались на лошадях либо пешком. Дни шли за днями, становилось все труднее, хотя колонна еще находилась на дружественной территории провинции Орьенте.

9 сентября авангард отряда Че попал в засаду в местности, известной под названием Ла-Федераль. Правда, повстанцам удалось уничтожить засаду, убив двух солдат и пятерых взяв в плен, но и они понесли потери — два бойца были убиты и пятеро ранено. Кроме того, партизаны попали в поле зрения противника, который стал преследовать их по пятам.

Вскоре с Че соединился отряд Сьенфуэгоса, двигавшийся параллельным курсом, и обе колонны некоторое время шли вместе, отражая непрерывные атаки батистовцев и

их авиации.

Однажды вечером повстанцы услышали по радио сообщение начальника генерального штаба генерала Табернильи о том, что правительственные войска разгромили «орды Че Гевары». Это хвастливое сообщение батистовского сатрапа вызвало веселое оживление среди бойцов Че³.

Немало страниц своих «Эпизодов революционной войны» Че посвятил описанию трудностей и испытаний, которые пришлось преодолеть бойцам его колонны на пути к горам Эскамбрая: «Это были дни утомительных переходов по необжитым и безрадостным местам, где в нашем распоряжении были лишь вода да грязь; мы голодали, изнывали от жажды и еле-еле продвигались вперед; ноги у всех были будто налиты свинцом, а оружие казалось невероятно тяжелым. Мы смогли продолжить путь на лучших лошадях, которых оставил нам Камило после того, как он ушел получать грузовики. Но нам пришлось бросить этих лошадей вблизи сентраля Макаренко, поскольку проводники, которые должны были вести нас, не явились, и нам не оставалось ничего другого, как самим отправиться в этот опасный и рискованный путь. Наш головной дозор наткнулся на пост противника около населенного пункта Куатро-Компаньерос, и начался изматывающий бой.

Наступил рассвет. С огромным трудом нам удалось собрать большую часть наших людей в густой роще, но противник обошел нас с флангов, и бойцам пришлось вести долгий бой, чтобы помочь отставшим товарищам пересечь железнодорожную линию и направиться в сторону леса. Именно в этот момент вражеская авиация засекла нас. Самолеты В-26, С-47 и большие разведывательные самолеты С-3, а также легкие самолеты начали поливать огнем и бомбить участок, периметр которого не превышал 200 метров. Нанеся массированный удар, они улетели. Мы потеряли одного человека убитым и несколько ранеными, среди которых был капитан Сильва. Весь остальной путь он прошел со сломанным плечом.

На следующий день окружающая местность уже не производила такого удручающего впечатления, поскольку нам удалось собрать всех бойцов, за исключением десяти человек, которые позднее присоединятся к колонне Камило и вместе с ней дойдут до Ягуахая, что находится в северной части провинции Лас-Вильяс...

Голод и жажда, чувство бессилия перед врагом, который все теснее сжимал кольцо окружения, и к тому же страшная болезнь ног, известная среди крестьян под названием «масаморра», превращавшая каждый шаг бойца в мучительную пытку, — все это привело к тому, что наш отряд стал походить на армию теней. Нам было трудно, очень трудно продвигаться вперед. День ото дня ухудшалось физическое состояние наших бойцов. Скудное питание еще больше усугубляло их плачевное положение. Но самые тяжелые дни наступили тогда, когда нас окружили недалеко от сентраля Барагуа. Мы оказались в зловонном болоте, без капли питьевой воды, с воздуха нас непрерывно атаквала вражеская авиация. У нас не было ни одной лошади, чтобы перевозить наиболее ослабевших товарищей по неприветливым горам; наша обувь совсем стала непригодной от грязной морской воды; колючие травы причиняли босым ногам нестерпимую боль. Наше положение было поистине отчаянным до тех пор, пока мы с огромным трудом не прорвали кольцо окружения и не вышли к знаменитой тропе, ведущей из Хукаро в Морон — историческое место, где во время войны за независимость произошли кровопролитные бои между кубинскими патриотами и испанцами. Едва только мы пришли в себя, как пошел сильный ливень — это несчастье нашего климата. Кроме того, противник продолжал преследовать нас и вынуждал двигаться дальше. Усталость буквально валила бойцов с ног, их лица становились все более поникшими. Однако когда обстановка стала совсем критической, когда измученных людей можно было заставить двигаться лишь только бранью, оскорблениями, мольбой и всякого рода ухищрениями, вдали на западе засверкало голубое пятно горного массива Лас-Вильяс. При виде этого массива люди

оживились, у них откуда-то появились новые силы»⁴.

Как обычно, Че умалчивает о том, что пришлось испытать лично ему в эти суровые дни. Однажды, когда колонна была на марше, он неожиданно упал как подкошенный, бойцы подбежали к нему. Че казался мертвым, в действительности же он спал как убитый. Его свалила с ног усталость.

Поход от Сьерра-Маэстры до Эскамбрая продолжался около 2 месяцев. Почти на всем пути повстанцев преследовала вражеская авиация, они сражались чуть ли не ежедневно, питались редко и чем попало, часто ночевали в болотах. Им пришлось пережить два грозных циклона. Поход вымотал их до предела, но повстанцы ощущали себя победителями — ведь вооруженная американцами армия Батисты не только не смогла разгромить, но даже задержать их марш.

8-я колонна под командованием Че, войдя в провинцию Лас-Вильяс, выполнила приказ командующего Повстанческой армией Фиделя Кастро!⁵

Разделяя лишения, выпавшие на долю бойцов, страдая от приступов астмы, Че, как командир, должен был подбадривать их, укрепляя волю к сопротивлению, внушать им уверенность в неизбежность победы. Его личный пример вызывал к нему чувство уважения и спланивал вокруг него бойцов.

Батиста приказал во что бы то ни стало перехватить и уничтожить 8-ю колонну в районе Камагуэя. Командующий правительственными войсками в этой провинции в секретной инструкции от 6 октября 1958 г. писал, что он готов «трудиться 24 часа в сутки, отказаться от завтрака, обеда и сна», чтобы преградить путь бойцам Че. «Они не пройдут! — хвастливо заявлял этот вояка. — Повстанцы — всего лишь темные крестьяне, вооруженные допотопными ружьями, с ними расправиться плевое дело». Между тем он же жаловался: «Мы, точно пораженные атомными лучами, боимся этих невежественных грабителей»⁶. Однако преодолеть этот страх и вдохновить на смелые подвиги своих подопечных батистовскому стратегу не удалось.

16 октября 8-я колонна Повстанческой армии, пройдя свыше 600 км от Сьерра-Маэстры, достигла гор Эскамбрая. Это была большая победа повстанцев, чувствительный удар по авторитету Батисты и его многотысячной армии, которая, несмотря на имевшуюся в ее распоряжении авиацию и другие технические средства, оказалась не в силах преградить путь бойцам Че. Пошатнулась и репутация американских военных советников, под фактическим руководством которых действовали кубинские каратели.

Может показаться странным или непонятным тот факт, что колонны Че и Сьенфуэгоса, насчитывавшие всего не многим более 200 бойцов, одетых в рванье, голодных, беспредельно уставших, сумели прорваться сквозь мощные заслоны армии Батисты. Че объясняет случившееся тем обстоятельством, что повстанцы считали тяготы партизанской жизни предпосылкой победы, рисковать жизнью стало для них чем-то обыденным, естественным. А правительственные солдаты свою жизнь ценили и любили больше, чем бывшего сержанта Фульхенсио Батисту, и вовсе не хотели за него умирать.

Но главная причина успеха похода повстанческих колонн заключалась, отмечает Че, в том, что они были глашатаями аграрной реформы, обещали землю крестьянам, и не только обещали, а и делили среди крестьян собственность латифундистов. «Первой нашей акцией в провинции Лас-Вильяс, — пишет Че, — еще даже до того, как мы открыли первую народную школу, было обнародование революционного закона об аграрной реформе, который, в частности, освобождал мелких арендаторов от уплаты аренды помещику. ... Этот закон не был нашим изобретением, сами крестьяне обязали нас издать его»⁷.

Рассказывая о полном лишениях и тяжелых испытаниях походе в провинцию Лас-Вильяс, Че подчеркивает, что крестьяне повсеместно оказывали партизанам помощь, делились с ними куском хлеба, поставляли проводников. Хотя и имелись случаи предательства, однако оно не носило сознательного характера. Просто некоторые

крестьяне, опасаясь репрессий, сообщали о присутствии партизан помещикам, а те спешили передать эти сведения военным властям. С такого рода доносчиками сталкиваются все партизанские движения, кубинское не было в этом отношении исключением.

В горах Эскамбрая, когда туда подошла колонна Че, действовало несколько партизанских групп. Одна из них громко именовала себя Вторым национальным фронтом Эскамбрая, ее возглавлял Гутьеррес Менойо⁸, принадлежавший ранее к «Революционному директорату», но отколовшийся от него и выступавший с крайне правых, антикоммунистических позиций. Он больше мародерствовал, чем боролся с батистовцами. Там же действовала группа «Революционного директората» во главе с его лидером Фауре Чомоном, участником нападения на президентский дворец 13 марта 1957 г. Народно-социалистическая партия также располагала своим партизанским отрядом, которым командовал коммунист Феликс Торрес.

Отряд Торреса, носивший имя Максимо Гомеса, героя освободительной войны против испанцев, имел очень хорошо организованный лагерь. В нем была принята колонна Камило Сьенфуэгоса. Местные партизаны оказали помощь вновь прибывшим. Фауре Чомон и его бойцы «Революционного директората» столь же доброжелательно встретили колонну Че.

Иначе повел себя Гутьеррес Менойо. Он даже попытался преградить бойцам Че доступ в горы, заявив, что это «его территория». Гутьерресу Менойо претила идея аграрной реформы, за которую ратовал Че. Из всех постулатов повстанцев аграрная реформа, провозглашенная Фиделем на Сьерра-Маэстре 20 октября (закон № 3 повстанческого командования), больше всего раздражала реакционеров. Даже среди руководителей «Движения 26 июля» в провинции Лас-Вильяс не все высказывались в пользу радикальной аграрной реформы, особенно же раздела помещичьей земли среди крестьян, что отстаивал Че. Некоторые противились аграрной реформе якобы из тактических соображений, утверждая, что она оттолкнет от повстанцев состоятельных людей. Другие выступали против аграрной реформы потому, что сами были земельными собственниками или капиталистами и боялись, что она откроет путь к другим, еще более радикальным социальным преобразованиям.

В этих условиях Че с большим трудом удалось добиться объединения всех революционных сил, действовавших в Эскамбрае. Во второй половине декабря во главе повстанческих отрядов он начал наступление на опорные пункты противника в провинции Лас-Вильяс, которые прикрывали столичный город Санта-Клару.

16 декабря повстанцы окружили город Фоменто с населением 10 тыс. человек. После двух дней кровопролитного сражения правительственный гарнизон сдался, и город был освобожден. Повстанцы захватили 141 солдата в плен и большое количество оружия, боеприпасов и транспортных средств. 21 декабря повстанцы атаковали город Кабайгуан с населением 18 тыс. жителей. Здесь бой шел буквально за каждый дом. Во время сражения при неудачном прыжке с крыши дома Че сломал левую руку и сильно повредил лоб. В местной лечебнице ему наложили гипс на сломанную руку, и он снова бросился в бой, который закончился сдачей в плен вражеского гарнизона. Как всегда в подобных случаях, повстанцы обезоружили солдат и офицеров противника и отпустили их. Безоружные и опозоренные сдачей в плен, они уже не представляли опасности. К тому же гуманное отношение к пленному противнику побуждало и других солдат Батисты к сдаче. Взятые у противника оружие немедленно поступало добровольцам, которые в каждом освобожденном населенном пункте десятками примыкали к повстанцам⁹. После освобождения города Пласетаса части Че окружили город Санти-Спиритус — второй по величине в тогдашней провинции Лас-Вильяс, с населением 115 тыс. человек. Бой продолжался два дня и также закончился победой повстанцев.

Не теряя времени, Че погрузил своих бойцов на грузовики и направился к городу Ремедиосу, расположенному по дороге, ведущей на Санта-Клару. Противник

укрепился в массивных зданиях колониальной эпохи — муниципалитете, тюрьме, полицейском управлении, казармах. Повстанцы, окружив эти здания, открыли по ним огонь. Первыми сдались полицейские в подожженном муниципалитете. Затем повстанцы во главе с Че, штурмом овладев казармами, взяли в плен около 100 солдат. Так еще один город стал Освобожденной территорией Кубы.

В этот же день, 25 декабря, повстанцы ворвались в порт Кайбарием, расположенный в 8 км от Ремедиоса. После короткого боя солдаты и моряки, охранявшие его, сдались. Их обезоружили и распустили по домам.

На следующий день повстанцы освободили населенный пункт Камахуани, гарнизон которого в панике бежал по направлению к Санта-Кларе. Противник оставил и другие небольшие селения, сконцентрировав свои силы у Санто-Доминго, в 70 км к западу от Санта-Клары, и у Эсперапсы, в 16 км к востоку от того же центра провинции Лас-Вильяс, в надежде задержать повстанцев у этих населенных пунктов.

27 декабря 1958 г. в 8 часов вечера Че собрал своих командиров и отдал распоряжение о наступлении на Санта-Клару. Нуньес Хименес получил приказ провести 8-ю колонну незамеченной по проселочным дорогам в район университетского городка, расположенного в нескольких километрах от Санта-Клары.

В 2 часа утра 28 декабря бойцы 8-й колонны — всего около 300 человек — погрузились на автомашины и через два часа уже были в университетском городке. В 6.30 утра в университетский городок прибыл Че. В 8 часов он отдал приказ наступать на Санта-Клару по Центральному шоссе. Повстанцы двумя цепочками двигались по обочинам шоссе.

В 12 часов дня бойцы колонны подходят к доминирующей над Санта-Кларой горе Капиро, на вершине которой укрепились батистовцы, у подножия — два вражеских танка. Поблизости стоит бронепоезд, вооруженный мортирами, зенитными пушками, пулеметами. В нем свыше 400 солдат, их возглавляет полковник Россель Лейва, командующий инженерными войсками Батисты.

Казалось, эту укрепленную позицию не одолеть повстанцам. Но батистовцы, несмотря на превосходящие силы, деморализованны, растерянны, одно имя Че повергает их в панику. Батистовцы чувствуют себя обреченными. Постреляв для виду, их танки уходят в город, туда же, не выдержав натиска повстанцев, бегут и солдаты с вершины горы Капиро. Полковник Россель Лейва тоже бежит с поля боя. По его приказу бронепоезд возвращается на станцию Санта-Клары. Но полковник не знает, что несколько часов назад Че, раздобыв два бульдозера, разворотил железнодорожную колею между Капиро и Санта-Кларой и ждет его там.

В 15 часов 29 декабря батистовский бронепоезд на полном ходу сошел с рельсов на разрушенном участке пути. Передний паровоз и несколько вагонов перевернулись. Повстанцы выкуривали солдат из бронепоезда, швыряя бутылки с горючей смесью. Осажденный с близкого расстояния, забрасываемый бутылками с бензином, бронепоезд стал настоящим пеклом для солдат. Через несколько часов вся команда сдалась, и в руках партизан оказались орудия, пулеметы и большое количество боеприпасов¹⁰.

В этой операции участвовал всего лишь один взвод повстанцев в составе 18 бойцов, который не только обезвредил бронепоезд, единственный, к слову сказать, имевшийся у Батисты, но и взял в плен свыше 400 вражеских солдат и офицеров. Че разрешил офицерам сохранить личное оружие и приказал Нуньесу Хименесу препроводить всех пленных в порт Кайбарием, откуда переслать их в расположение войск Батисты.

В городе противник укрепился в крупных зданиях, охраняемых танками. Батистовцы надеялись, что им удастся продержаться до прибытия обещанного Батистой подкрепления. Предвидя, что оно может поступить из городов Тринидад и Сьенфуэгос, отряды повстанцев по приказу Че окружили эти населенные пункты, изолировав их от Санта-Клары.

В результате помощь осажденным батистовцам в Санта-Кларе так и не поступила.

28 декабря ожесточенные бои разгорелись у Дворца правосудия, гостиницы, тюрьмы, казарм «Леонсио Видаль». Гражданское население помогало повстанцам. Жители с радостью пускали их в дома, кормили, поили, выводили по крышам на более удобные позиции, указывали места, где укрылись сторонники диктатуры, сообщали о передвижениях противника. Че осаждали десятки людей, предлагая свои услуги. С левой рукой в гипсе, с неизменной сигарой в зубах, с автоматом в правой руке, в кожаной куртке, растоптанных башмаках, в черном берете, Че принимал сообщения связных, отдавал приказы и время от времени сам бросался в гущу боя, ободряя бойцов. 29 и 30 декабря повстанцы заняли здание суда, «Гранд-отель», две укрепленные церкви, «Буэн виахе» и «Кармен», захватив в плен находившихся там солдат и полицейских.

Танки, на которые батистовцы возлагали большие надежды, оказались бесполезными. В городе, охваченном восстанием, они застревали среди баррикад, перевернутых грузовиков и легковых автомашин. Повстанцы забрасывали их бутылками с горючей смесью и вынуждали экипажи сдаться. Самолеты Батисты беспорядочно обстреливали и бомбили районы Санта-Клары, а также города и селения, контролируемые повстанцами.

Кровопролитный бой разыгрался у полицейского управления. В этом бою погиб отважный «Пастушок», командовавший взводом. Только когда повстанцы подожгли здание, осажденные согласились сдаться при условии, что им будет разрешено безоружным укрыться в казармах «Леонсио Видаль». Че не возражал. Из здания вышло около 300 батистовцев, но только с десятков укрылось в казармах, остальные разошлись по домам или поспешили скрыться.

К 1 января 1959 г. только тюрьма, казармы и примыкавший к ним аэродром оставались в руках противника. Все попытки батистовцев послать из Гаваны подкрепления своим сторонникам в Санта-Кларе провалились. Однако в казармах, представлявших, как и все подобного рода сооружения на Кубе, хорошо укрепленную крепость, подходы к которой со всех сторон простреливались, все еще оставалось около тысячи хорошо вооруженных солдат и полицейских. Будь у них желание, они могли бы оказать повстанцам ожесточенное сопротивление, заставить их большой кровью заплатить за победу. Разумно было добиваться победы малой кровью и быстро. Ведь взятие Санта-Клары предreshало исход боев за Камагуэй и Сантьяго, а это означало освобождение всей восточной части острова, что, в свою очередь, привело бы к падению Батисты. С победой следовало спешить еще и потому, что кровопролитные бои в стране могли бы послужить поводом для вооруженной интервенции Соединенных Штатов под традиционным предлогом защиты жизни и собственности американских граждан. Опасность американской интервенции была весьма реальной. К тому же реакционная печать США распространяла лживые слухи, будто бы советские подводные лодки снабжают оружием повстанцев Фиделя Кастро.

Учитывая все эти обстоятельства, утром 1 января Че поручил капитанам Нуньесу Хименесу и Родригесу де ла Вега направиться в казармы «Леонсио Видаль» и уговорить гарнизон сложить оружие, обещая, что солдатам и офицерам будет разрешено разойтись по домам или направиться в любое место Кубы по их выбору. Парламентеры сели в автомобиль с белым флагом и, прихватив громкоговоритель, по которому призывали прекратить огонь на время переговоров, направились в расположение обороны противника. В казармах Нуньеса Хименеса и Родригеса де ла Вега ожидали полковник Эрнандес и весь командный состав противника — девять майоров и восемь капитанов, а также полковник Корнелио Рохас, начальник полиции.

Эрнандес предложил заключить перемирие, не ограничивая его временем. Парламентеры потребовали от имени Чо безоговорочной капитуляции. В этот момент по радио поступило сообщение из генерального штаба в Гаване, что Батиста бежал из страны в Доминиканскую Республику и что в столичном военном лагере «Колумбия» образована правительственная хунта во главе с членом верховного суда Пьедрой,

начальником генерального штаба стал генерал Эулохио Кантильо.

Вслед за тем к радиоаппарату подошел Эрнандес, который доложил Кантильо о положении в Санта-Кларе и о присутствии в казарме парламентариев. Обращаясь к Нуньесу Хименесу, Кантильо заявил, что взял власть с согласия Фиделя Кастро, а раз гарнизон Санта-Клары теперь в его подчинении, то повстанцы якобы не вправе требовать его капитуляции. Но этот маневр не удался. Полковник Эрнандос сдался, а вслед за казармой «Леонсио Видаль» пали и остальные пункты сопротивления батистовцев. К 2 часам дня 1 января 1959 г. Санта-Клара полностью перешла в руки повстанцев¹¹.

Че сообщил об одержанной победе по радиотелефону Фиделю, готовившемуся к решительному наступлению на Сантьяго. Фидель приказал Че, а также Сьенфуэгосу, не теряя времени, форсированным маршем двинуться в Гавану, сместить Кантильо и занять основные стратегические пункты города.

Напуганный волной протестов, Кантильо передал власть полковнику Рамону Баркину, руководившему заговором против Батисты в апреле 1956 г. и с тех пор сидевшему в тюрьме на о-ве Пинос. Освобожденный из заключения по требованию американского посла, этот бывший военный атташе в Вашингтоне теперь оказался весьма приемлемой фигурой для янки. Но не прошло и суток, как Баркина постигла участь Кантильо.

Че была необходима радиосвязь как со штаб-квартирой повстанцев во главе с Фиделем Кастро на Сьерра-Маэстре, так и с отдельными подразделениями 8-й колонны. Радиосвязью при Че в дни решающих боев руководил инженер Ирам Пратс Лабраде, прибывший в начале ноября 1958 г. в Кабальете-де-Каса, где располагался тогда штаб 8-й колонны.

«Че обратился ко мне, — вспоминает Ирам, — с просьбой помочь ему услышать передачи „Радио ребельде“. Он их не слышал очень давно, с начала похода его колонны в Лас-Вильяс... Это было мое первое задание... Я понял, что сигнал повстанческой радиостанции не доходил до нас потому, что мы были по другую сторону Сьерра-Маэстры;

Я поднялся на вершину холма, высота которого была примерно 800 м, и тут же настроился на волну „Радио ребельде“. ..

Радио Сьерра-Маэстры мы услышали, теперь требовалось установить двустороннюю связь. Но для этого надо было дожидаться прибытия радиостанции»¹². Пока же сообщения Фиделю переправлялись в письменном виде Камило Сьенфуэгосу, который через одного из радиолюбителей передавал их по назначению.

Спустя несколько дней на мулах доставили радиостанцию. Установили аппаратуру, связисты приступили к работе на ней, но большая влажность, обилие насекомых приводили к тому, что антенна то и дело отключалась.

В эти дни в ставку Че прибыл Рохер Венегас с небольшим радиопередатчиком и помог наладить станцию. Теперь партизаны каждый день могли слушать радиостанции повстанцев, расположенные за рубежом, — «Индио асуль», «Индио апаче» и «Индио верде», а также «Радио ребельде». Но сами передавать пока не имели возможности. Наконец дня через два-три удалось, с помощью передатчика Венегаса, установить связь со Сьерра-Маэстрой, правда очень ненадолго. Связь поддерживалась с большим трудом.

К счастью, вскоре связисты получили недостававшие конденсаторы. Установив связь, Че и Фидель проговорили 8 или 10 часов подряд.

Теперь Че получил возможность выходить на связь со Сьерра-Маэстрой регулярно два раза в день — утром по оперативным вопросам и днем, чтобы получить бюллетень «Радио ребельде», который записывался на магнитофон или от руки и затем повторялся через свою радиостанцию. Колонна Че установила связь со всеми. Каждый день переговаривались с Камило, со Вторым фронтом и с другими колоннами. Связывались также с Венесуэлой, Мексикой и Майами.

В радиопе́чь «Свобода» входили 70—80 радиостанций. Каждый отряд, каждая колонна имели свои радиостанции, некоторые по две или три.

Кроме того, была налажена самодельная телефонная связь, и из Кабальете-де-Каса можно было звонить в Гавиланес, Педреро, госпиталь, лагерь, штаб и на радиостанцию, где и был расположен коммутатор.

На аппаратуре работали Фаусто Родригес, Рамон Кальво Бельо, Рохер Венегас и Ирам Пратс Лабраде.

По мере продвижения 8-й колонны радиостанция неоднократно перебазировалась, последний раз — в Санта-Клару. «Установили ее в здании университета и оттуда сообщали о том, как идут бои, — рассказывал Ирам. — Мы уже ожидали падения Батисты... 1 января часов в пять утра я услышал как кто-то из радиолюбителей сообщает своему напарнику: „Слушай, все уже решилось“: Что же случилось? Тут я слышу голос старика Медероса. Настраиваюсь на его волну и, как всегда, сообщаю условные позывные, чтобы он мне ответил. Но он меня прерывает и говорит открытым текстом: „Слушай, Ирам, кончено дело. Батиста бежал“. Затем было передано сообщение о сдаче гарнизона Санта-Клары и заявление Фиделя о том, что мы не пойдем на компромисс с тиранией и требуем немедленной капитуляции всех казарм. Это была последняя передача нашей радиостанции¹³»

2 января 1959 г. жители Санта-Клары читали расклеенное на стенах домов обращение Че «К гражданам провинции Лас-Вильяс»:

«Покидая город и провинцию для исполнения новых обязанностей, возлагаемых на меня Верховным командованием Повстанческой армии, я выражаю глубокую благодарность населению города и всей провинции, которое внесло большой вклад в дело революции и на чьей земле произошли многие из важнейших заключительных боев против тирании. Я выражаю пожелание, чтобы вы оказали самую широкую поддержку товарищу капитану Каликсто Моралесу — представителю Повстанческой армии в Лас-Вильясе, в его действиях по быстрой нормализации жизни этой многострадальной провинции.

Пусть население провинции Лас-Вильяс знает, что наша повстанческая колонна, значительно выросшая за счет вступления в ее ряды сынов этой земли, уходит отсюда с чувством глубокой любви и признательности. Я призываю вас сохранить в своих сердцах этот революционный дух, чтобы и в осуществлении грандиозных задач восстановления население провинции Лас-Вильяс было авангардом и опорой революции»¹⁴.

В 5.30 утра того дня бойцы 8-й колонны имени Сиро Редондо на грузовиках, легковых машинах и вездеходах направились в Гавану. По дороге население встречало повстанцев восторженными возгласами, забрасывало цветами. С таким же энтузиазмом встретили своих освободителей жители столицы, куда прибыла в полдень 8-я колонна.

В Гаване Че должен был по приказу Фиделя Кастро занять «Кабанью» — крепость и тюрьму, выстроенную еще испанцами у входа в Гаванскую гавань, где находились солдаты. Крепость сдалась Че без единого выстрела. Тогда же, 2 января 1959 г., колонна Сьенфуэгоса также без единого выстрела заняла военный лагерь «Колумбию», где повстанцам сдались отборные части армии Батисты.

Вскоре Эрнесто Че Гевара смог увидеться с родителями. Он писал им из Мексики, что вступил в отряд Фиделя Кастро и направляется на Кубу сражаться с Батистой. Потом газеты сообщили, что отряд Фиделя при высадке разгромлен, его участники, в том числе Че, убиты... Вскоре выяснилось, что это было неправдой. От Че с Кубы семья получала лишь короткие весточки¹⁵, если не считать рассказов аргентинского журналиста Хорхе Рикардо Масетти, который побывал в апреле-мае 1958 г. на Сьерра-Маэстре, откуда привез записанные на магнитофон беседы с Че и Фиделем. Масетти опубликовал книгу об этих встречах: «Те, кто борется, и те, кто плачет»¹⁶.

31 декабря 1958 г., накануне падения режима Батисты, семья Гевары собралась,

чтобы встретить Новый год. Настроение было неважное, так как радио сообщало о кубинских событиях самые противоречивые сведения, а о Че только знали, что в боях за город Санта-Клару он был ранен.

Около 11 часов вечера кто-то подбросил к дверям квартиры Гевары конверт с запиской от Че: «Дорогие старики! Самочувствие отличное. Израсходовал две, осталось — пять. Продолжаю работать. Вести — редкие, так и будет впредь. Однако уповайте, чтобы бог был аргентинцем. Крепко обнимаю вас всех. Тэтэ». Он всегда говорил, что у него, как у кошки, семь жизней. Слова «израсходовал две, осталось — пять» означали, что он был дважды ранен и что у него остались еще пять жизней в запасе.

Но это не был единственный сюрприз в ту памятную ночь. Не прошло и десяти минут, как кто-то подбросил новый конверт, а в нем открытка с нарисованной красной розой, на открытке написано: «Счастливого рождества и Нового года! Самочувствие Тэтэ отличное!». На следующий день, 1 января 1959 г., к родителям Че зашли Масетти и Альберто Гранадос, которые сообщили о бегстве Батисты с Кубы.

Через неделю, 7 января, когда Гавана уже была освобождена Повстанческой армией, Камило Сьенфуэгос сумел сделать для Че приятный сюрприз, прислав за его родителями в Буэнос-Айрес самолет. 9 января чета Гевара была в Гаване. Когда донья Селия обняла на аэродроме сына, то не выдержала и расплакалась. Это случилось с ней впервые. Отец спросил Че, не думает ли он теперь посвятить себя медицине. Он ответил:

— Титул врача могу подарить тебе на память. Что же касается моих дальнейших планов, то, возможно, останусь здесь или буду продолжать борьбу в других местах...

В 1960 г. Че, наконец, встретился со своим другом Миалем. До этого он иногда писал ему письма. В одном из них он приглашал Миалья переехать на постоянное жительство на Кубу. Че спрашивал: «Мог ли ты когда-нибудь вообразить себе, что известный тебе любитель поболтать и попить матэ превратится в человека, без устали трудящегося па пользу дела?».

В том, что революция изменила Тэта, сделала из него железного бойца и неутомимого труженика, Миаль убедился, когда приехал, наконец, на остров Свободы и встретился с Эрнесто. Теперь Че знал ответы на многие вопросы, мучившие его в годы юности. Не изменился он только в одном — продолжал оставаться скромным и равнодушным к жизненным благам. Выпавшую на его долю славу и популярность он воспринимал с юмором. Будучи одним из вождей революции, министром, он продолжал вести спартанский образ жизни, зачастую сознательно лишая себя минимальных удобств. Неоднократно он говорил, что революционный государственный деятель должен вести монашеский образ жизни.

На Кубе Миаль по совету Че обосновался в Сантьяго, где стал преподавать на медицинском факультете университета.

Когда вышла книга «Партизанская война», Че подарил ее Миалью со следующей надписью: «Желаю, чтобы дни Твои не закончились без того, чтобы не почувствовать запаха пороха и не услышать призыва народов к борьбе, — высшая форма испытать сильные эмоции, не менее яркие и более полезные, чем пережитые на Амазонке». Перед отъездом с Кубы он подарил Миалью еще одну книгу с такой дарственной надписью: «Не знаю, что оставить Тебе на память. Мой походный дом снова будет держаться на двух лапах, и мои мечты останутся безграничны до тех пор, пока пуля не поставит на них точку. Жду Тебя, осевший цыган, когда пороховой дым рассеется. Обнимаю вас всех, включая Томаса. Че»¹⁷.

— У Че слово никогда не расходилось с делом, — вспоминал в разговоре с автором Альберто Гранадос. — Он никому не поручал ничего такого, чего бы сам не мог или не был бы готов в любой момент выполнить. Он считал, что личный пример имеет не меньшее значение, чем теоретические рассуждения. В наших странах личный пример

приобретает особое значение. У нас всегда ощущался избыток теоретиков, в особенности «кофейных стратегов», иначе говоря — болтунов, и было мало настоящих людей действия. Че принадлежал к числу последних. На Сьерра-Маэстре он не только сражался, но и лечил раненых, рыл окопы, строил и организовывал мастерские, таскал на себе грузы. Так же он вел себя и на посту министра промышленности: участвовал в стройках, в разгрузке кораблей, садился за руль трактора, рубил тростник. Внешне он мог иногда казаться резким и даже грубым, но его друзья знали, какой он чуткий и отзывчивый. Он глубоко переживал гибель близких товарищей и последователей, которые по его примеру после победы Кубинской революции подняли в разных местах Латинской Америки знамя партизанской войны. Как-то он мне с горечью пожаловался: «Миаль! Пока я сижу за письменным столом, мои друзья гибнут, неумело применяя мою партизанскую тактику». Покидая Кубу, он мне сказал: «Я никогда не вернусь побежденным. Предпочту смерть поражению». И это не были красивые слова.

В 1960 г. Че опубликовал книгу «Партизанская война», посвященную другому герою Кубинской революции — Камило Сьенфуэгосу. Камило погиб трагически. Вскоре после победы революции он вылетел самолетом из Камагуэя в Гавану и исчез. Видимо, самолет был сбит контрреволюционерами или взорвался над океаном в результате диверсионного акта.

В посвящении Че писал: «Камило был участником сотен сражений, человеком, которому Фидель доверял в самые трудные моменты войны. Самоотверженный боец, Камило всегда был готов пожертвовать собой, что закаляло характер -и его самого, и партизан... Однако нельзя рассматривать Камило как героя-одиночку, совершающего блистательные подвиги лишь по зову собственного сердца. Ведь он — частица самого народа, который его взрастил в ходе упорной и суровой борьбы, как взрастил и других своих героев и вождей.

Я не знаю, было ли известно Камило изречение Дантона о революционном движении: «Смелость, смелость и еще раз смелость!». Во всяком случае, именно это качество всегда проявлял он и руководимые им партизаны. Наряду с этим он постоянно требовал от них быстрой и точной оценки обстановки и предварительного изучения задач...

Особенностью его характера была непринужденность в обращении с людьми и глубокое уважение к народу. Мы порой забывали еще об одном качестве, которое было свойственно Камило: не оставлять без завершения ни одно из дел рук своих...

Камило свято чтит верность. Он был верил и Фиделю, который, как никто другой, воплощает в себе волю народа, и самому народу...

Кто убил Камило?

Его убил враг, убил потому, что хотел его смерти... Наконец, его убил собственный характер. Камило никогда не отступал перед опасностью, он смело смотрел ей в глаза, заигрывал с нею, дразнил ее, как тореадор, и вступал с нею в единоборство. В его сознании партизана не укладывалось, что какое-нибудь препятствие может остановить его или заставить свернуть с намеченного пути»¹⁸.

Все то, что Че писал о Камило, с полным основанием можно сказать и о нем самом. Достаточно в этом тексте сменить имя Камило на Че, чтобы получился точный портрет самого автора этого посвящения.

¹ Bohemia, 1967, N 42, p. 31,

² Bohemia, 1982, N 39, p. 82—89,

³ Че Гевара Э. Эпизоды революционной войны. М., 1974, с. 212—213.

⁴ Там же, с. 213—216.

⁵ Granma, 1977, 8 oct.

⁶ Che, La Haba&a, 1969, p. 189—190.

⁷ Ibid., p. 134.

⁸ Элой Гутьеррес Менойо сражался на фронтах гражданской войны в Испании. Возвратившись на Кубу, принимал участие в нападении на президентский дворец 13 марта 1957 г. После 1959 г. — один из лидеров контрреволюции, ярый антикоммунист,

⁹ *Granma*, 1978, 6 dic.

¹⁰ См.: *Che Guevara E.* Эпизоды с. 216—221.

¹¹ *Granma*, 1981, 22 oct

¹² См.: Куба, 1978, № 3, с. 24.

¹³ Там же, с. 25,

¹⁴ *Cuba*, 1967, nov., p. 44.

¹⁵ О письмах Че родителям из Мексики и Кубы в период повстанческой борьбы см, подробнее: *Granma*, 1976, 1 dic.

¹⁶ *Masetti J. R.* *Los que luchan y los que lloran.* Buenos Aires, 1958.

¹⁷ *Che: Una vida y un ejemplo.* La Habana, 1968, p. 35—36.

¹⁸ *Che Guevara E.* *Escritos y discursos.* La Habana, 1977, t. 1, p. 27—28.

Трудное начало

Первый день в Гаване, 2 января 1959 г., был для Че днем радостным, хотя и тревожным. Население столицы с восторгом встретило освободителей, диктатор и его ближайшее окружение бежали, гаванский гарнизон и полиция не оказали сопротивления повстанцам, однако противник все еще надеялся если не силой, то хитростью удержать власть. В ночь с 1 на 2 января в столице наблюдались беспорядки, грабежи. В городе затаились батистовцы. Генерал Кантильо и полковник Баркин ушли в подполье, все еще надеясь при помощи своих американских покровителей стать хозяевами положения.

К власти рвались и другие группировки. Пытаясь укрепить свои позиции, сторонники «Революционного директората» захватили президентский дворец и университетский городок в Гаване.

В освобожденном Сантьяго повстанцы провозгласили временным президентом республики судью Мануэля Уррутию, который, будучи членом трибунала во время процесса над Фиделем Кастро и другими участниками нападения на казармы «Монкада», высказался за их освобождение и с тех пор считался противником Батисты.

В Гаване Че вместе с Камило пытаются сплотить революционные силы и разоружить воинские части и полицию. В первом же заявлении по телевидению Че говорит о необходимости создать революционную милицию, которая должна заменить полицию тирана. При содействии населения повстанцы вылавливают батистовских палачей.

5 января в Гавану прибыл временный президент Уррутия. Он объявил состав кабинета министров во главе с премьером Хосе Миро Кардоной. В правительстве большинство портфелей получили представители буржуазии, вовсе не заинтересованные в осуществлении революционных преобразований. Реальная же власть на местах повсеместно переходила в руки деятелей Повстанческой армии, в частности губернаторами провинций назначались активные участники борьбы. Сам Фидель Кастро и другие руководители Повстанческой армии в правительство не вошли. Че получил на первый взгляд весьма скромное назначение — начальник военного департамента крепости «Ла-Кабанья», или, точнее, ее комендант. Камило стал командующим сухопутными повстанческими силами.

В стране, таким образом, существовали, с одной стороны, буржуазное правительство, не располагавшее реальной властью, с другой — Повстанческая армия

и связанное с нею «Движение 26 июля», все больше подчинявшие своему контролю различные рычаги управления страной. Представители крупной буржуазии стали группироваться вокруг президента Уррутии и премьер-министра Миро Кардоны, а антиимпериалистические силы — вокруг лидеров Повстанческой армии. Поляризация сил должна была привести к столкновению этих двух лагерей, однако исход такого столкновения пока не был ясен.

8 января в Гавану прибыл Фидель Кастро. Все население столицы вышло на улицы, чтобы приветствовать вождя повстанцев. В тот же день Фидель выступил перед жителями столицы, заполнившими территорию лагеря «Колумбия». Он призвал всех революционеров к единству. В этой речи Фидель назвал Че «подлинным героем» революционной войны против Батисты.

Когда 9 января из Буэнос-Айреса прилетела на Кубу Селия, мать Че, она нашла сына возмужавшим, сильным, уверенным в себе, настоящим борцом, таким, каким всегда хотела видеть своего первенца. Она спрашивала его про астму, но Че отшучивался, заверял ее, что кубинский климат и сигары действуют «губительно» на его болезнь.

Революция победила, но борьба за осуществление революционных идеалов только начиналась. Фидель Кастро и его единомышленники хорошо усвоили ленинское положение о первой и самой неотложной задаче каждой подлинно народной революции — о необходимости сломать буржуазную государственную машину. Сердцевиной этой машины на Кубе были армия, полиция, многочисленные тайные службы. Народ ненавидел их и поэтому с одобрением встретил решение об их разоружении, а затем и роспуске. Батистовская армия перестала существовать, а американскую военную миссию, которая на протяжении многих лет муштровала эту армию, Фидель упразднил.

Теперь следовало примерно наказать батистовских палачей, руки которых были обгарены кровью кубинских патриотов. За семь лет пребывания Батисты у власти было замучено и убито около 20 тыс. кубинцев. Палачи должны были ответить за свои злодеяния: их наказания требовал народ, повстанцы неоднократно заверяли, что преступники не уйдут от возмездия. Были учреждены революционные трибуналы, которые судили этих преступников со строжайшим соблюдением всех норм правосудия. Подсудимым предоставлялось право приглашать в качестве защитников лучших адвокатов, вызывать любых свидетелей, оправдываться перед трибуналом. Процессы проходили открыто, в присутствии народа, журналистов, иногда показывались по телевидению. Характерно, что улики против подсудимых были столь неопровержимы, что почти все они признавали себя виновными в совершенных преступлениях. Наиболее одиозных палачей ревтрибуналы присуждали к высшей мере наказания — расстрелу.

Батистовские палачи в подавляющем большинстве являлись агентами американских разведывательных органов. Инспирируемая правящими кругами США печать стала обвинять кубинских повстанцев в чрезмерной жестокости, пристрастии к кровопролитию, бесчеловечности. И на Кубе, где со свержением Батисты была введена свобода печати, противники революции тоже призывали во имя гуманизма и христианского милосердия не «проливать больше крови кубинцев». А так как преступники содержались в «Ла-Кабанье», где заседали ревтрибуналы, а комендантом крепости являлся Эрнесто Че Гевара, то, естественно, главный огонь реакции и ее американских покровителей был направлен против него. Аргентинец, защитник гватемальской революции, участник повстанческой борьбы на Сьерра-Маэстре, освободитель Санта-Клары он именовался силами реакции не иначе, как «рука Москвы», агент, засланный на Кубу, чтобы превратить ее в «колонию красного империализма». Кампания против Че принесла его противникам больше вреда, чем пользы. Популярность и авторитет Э. Че Гевары и других вождей революции неуклонно росли в народе. Трудящиеся поддерживали действия Фиделя Кастро и его соратников. Выступления революционных вождей собирали огромные массы народа.

Че также выступал в самых различных аудиториях. Одним из первых его публичных выступлений в Гаване была речь перед врачами 16 января. Врачи считали

его своим коллегой, да и он сам в первые месяцы пребывания в Гаване, подписываясь, ставил перед своей фамилией титул доктора, «Че» писал в скобках после имени. Но вскоре он меняет свою подпись: вместо «доктор» пишет «майор», а с «Че» снимает скобки. И действительно, какой из него врач, если он занимается теперь исключительно политической и военной деятельностью? Что же касается медицины, то его интересует лишь ее социальный аспект, а именно чтобы она служила не эксплуататорским классам, а народу. Об этом он говорил и в речи перед гаванскими врачами.

Как бы отвечая на нападки реакционеров, Че объяснял врачам участие в повстанческом движении своей приверженностью идеалам Хосе Марти — апостола кубинской независимости, выступавшего за тесный союз всех латиноамериканцев в борьбе за свободу. «Где бы я ни находился в Латинской Америке, — сказал в своей речи Че, — я не считал себя иностранцем. В Гватемале я ощущал себя гватемальцем, в Мексике — мексиканцем, в Перу — перуанцем, как теперь кубинцем на Кубе, и здесь, и всюду — аргентинцем, ибо не могу забыть матэ и асадо¹, такова моя характерная особенность»².

Этот аргентинец как бы являлся полномочным представителем всей Латинской Америки в Кубинской революции. Его присутствие на острове Свободы, как все чаще стали называть родину Фиделя Кастро, символизировало латиноамериканский характер Кубинской революции, подчеркивало, что эта революция станет переломной вехой в истории не только Кубы, но и всего континента.

Че одним из первых отметил общеконтинентальное значение Кубинской революции, которая показала, что профессиональную армию может одолеть и небольшая, но готовая на любые жертвы группа революционеров-повстанцев, если она пользуется поддержкой народа. Куба подтвердила, что для победы революции в отсталой аграрной стране необходимо участие в ней не только рабочих, но и крестьян, составляющих большинство населения. Поэтому первейший долг революционеров — работать среди крестьян, превратить их в опору революции.

Выступления Че вызывали настороженность американских монополистов, которые все еще надеялись «облагородить» бородачей, действуя через соглашательские элементы в кубинском правительстве. Дальнейшие события показали, что этим надеждам не суждено осуществиться.

9 февраля 1959 г. по требованию руководителей Повстанческой армии правительство издало закон, согласно которому за заслуги перед кубинским народом Эрнесто Че Геваре предоставлялось кубинское гражданство и он уравнивался в правах с урожденными кубинцами.

12 февраля, выступая по телевидению, Че сказал, что глубоко тронут предоставлением ему кубинского гражданства, чести, которой в прошлом был удостоен только один человек — доминиканец генерал Максимо Гомес, главнокомандующий Армии национального освобождения в период Войны за независимость. Главной задачей теперь Че считал борьбу за осуществление аграрной реформы. На Кубе 2 тыс. латифундистов владеют 47% всей земли, а 53% принадлежат всем остальным землевладельцам. В руках иностранных монополий находятся поместья в десятки тысяч гектаров. С этим будет покончено, крестьяне получат землю. Если власти не осуществят аграрную реформу, то крестьяне сами возьмут землю, которая принадлежит им по праву.

13 февраля было объявлено об отставке правительства Миро Кардоны, который саботировал осуществление социальных преобразований. Пост премьер-министра занял Фидель Кастро. Это была большая победа народных сил, требовавших углубления революционного процесса. 16 февраля 1959 г., вступая в должность премьер-министра, Фидель Кастро заявил, что в ближайшее время будет принят радикальный закон об аграрной реформе. Революция намеревалась идти вперед, несмотря на все растущее сопротивление реакции, уповавшей на помощь правящих кругов Соединенных Штатов.

Вскоре после победы Кубинской революции из Аргентины, где он находился в эмиграции, вернулся в Гавану поэт Николас Гильен. Сразу же по прибытии на родную землю поэта вызвал Че и, сообщив об идее Фиделя создать организацию работников

культуры, которая служила бы интересам Революции, предложил ему выступить с чтением своих стихов перед повстанцами в крепости «Ла-Кабанья». Гильен, конечно, согласился. Вечер открыл Че и сказал очень теплые слова о творчестве поэта. За несколько дней до этого вечера были выпущены и расклеены небольшие афиши, не лишённые юмора: «Гильен в „Ла-Кабанье"». «Мой творческий вечер длился целый час, — вспоминает поэт. — Для начала я прочитал сонет, написанный в Буэнос-Айресе и посвященный Че³. Все стихи, которые я читал, я предварял небольшим объяснением, так как Че предупредил меня, что среди публики будет немало товарищей, которые впервые присутствуют на подобном вечере. В частности, я прочитал стихи из сборника „Песни для солдат", пояснив, что эти стихи имели не только лирический, но и воспитательный характер, ибо солдат должен прежде всего служить интересам парода, а не реакции и империализма.

В первые дни пребывания в Гаване мне несколько раз доводилось видеться с Че и беседовать с ним, однако всегда наспех, всегда где-то в президиуме, на каком-нибудь собрании»⁴.

11 февраля 1959 г. газета «Революсьон», орган «Движения 26 июля», поместила статью Че «Что такое партизан?», писавшуюся еще в горах. Со свержением Батисты, подчеркивал Че; решена только одна из важных задач, другую — аграрную реформу — еще предстоит осуществить, и за нее следует сражаться с таким же упорством, решительностью я самопожертвованием, с каким сражались против батистовской диктатуры. Сила партизан в их связи с народом.

Появление этой статьи в печати знаменует начало активной литературно-публицистической деятельности Че, чему он отдавался со свойственной ему революционной страстностью на протяжении последующих пяти лет, проведенных на Кубе. Его литературное наследие составляют, кроме того, Статьи-фельетоны (за подписью Франко-тирадор — Свободный стрелок), разоблачающие политику империализма США и его прислужников; доклады и лекции по вопросам кубинской истории, внешней политики, экономического, государственного и партийного строительства; отчеты о зарубежных поездках; выступления на заседаниях коллегии министерства промышленности; предисловия к различным книгам; письма. К этому следует добавить знаменитый «Боливийский дневник». Опубликованное литературное наследие Че превышает 100 печатных листов, хотя многое из написанного им еще не увидело света.

Литературное наследие Че свидетельствует о его всесторонней культуре, глубоком знании истории Кубы и других стран Латинской Америки, международной обстановки, глубоком усвоении марксистской литературы. Че не был начетчиком, рабом цитаты. Он исходил из анализа конкретной действительности, стремился увидеть в ней ростки нового, использовать их для дела революции, во имя которой он жил и боролся и которой одной, и только ей одной, отдавал себя всего без остатка. Он был солдатом революции, революции он служил, вне революции себя не мыслил. И все, что он писал, говорил и делал, должно было служить революции.

Как политическому писателю и мыслителю Эрнесто Че Геваре чужды ложный пафос, многоречивость, сентиментальность, провинциализм, свойственные буржуазным деятелям. Стиль его работ скуп, он впечатляет не столько различного рода языковыми красотами, сколько силой логического убеждения.

Среди книг Че обращают на себя внимание воспоминания о партизанской борьбе против Батисты («Эпизоды революционной войны»). Книга выдержана в лучших традициях реалистической литературы. Другая известная работа Че — «Партизанская война», упомянутая выше.

В своих работах Че стремился обобщить опыт партизанской войны на Кубе, использовать его для дальнейшего развития революционного процесса в Латинской Америке. Этот опыт он вкратце так сформулировал в статье, специально написанной для советского издания:

«Власть была взята в результате развертывания борьбы крестьян, вооружения и

организации их под лозунгами аграрной реформы и других справедливых требований этого класса, но при этом сохранялось единство с рабочим классом, с помощью которого была достигнута окончательная победа. Другими словами, революция пришла в города и деревни, пройдя через три основных этапа. Первый — создание маленького партизанского отряда, второй — когда этот отряд, увеличившись, посылает часть своих бойцов действовать в определенную, но еще ограниченную зону, и третий этап — когда эти партизанские отряды объединяются, чтобы образовать революционную армию, которая в открытых боях наносит поражение реакционной армии и завоевывает победу. Борьба, начавшаяся в то время, когда объективные и субъективные условия взятия власти еще не созрели полностью, способствовала размежеванию основных политических сил и вызреванию условий для взятия власти. Высшая точка этой борьбы — победа революции 1 января 1959 г.»⁵

Че правильно считал, что Кубинская революция — закономерное явление, открывающее этап народных антиимпериалистических революций в Латинской Америке, и опыт Кубинской революции имеет не только местное значение. Правда, революция может потерпеть поражение и при наличии объективных и субъективных условий для ее осуществления — в силу самых различных причин: ошибок стратегического или тактического порядка (вспомним знаменитые слова В. И. Ленина о том, что власть нужно брать именно 25 октября, ни днем раньше, ни днем позже), иностранной интервенции (вспомним судьбу Венгерской советской республики), раскола революционных сил, гибели ее вождей и т. д.

Возможна и другая ситуация, а именно когда смелое, решительное выступление революционного авангарда парализует волю противника к сопротивлению, вносит разлад в его стан, активизирует народные массы и позволяет им одержать победу. Латиноамериканская практика знает и «перуанский вариант» захвата власти глубоко засекреченной, сравнительно узкой группой военных-патриотов без каких-либо контактов с широкими массами. Разгадать пути развития революции на континенте сразу же после свержения Батисты было не так просто. Сегодня, когда, кроме кубинского, имеется еще чилийский, перуанский, никарагуанский и другие примеры, столь несхожие по форме, хотя и родственные по сути, можно сказать, что в этом вопросе возможны самые различные варианты.

В главном Эрнесто Че Гевара, конечно, был прав, а именно в том, что с победой кубинских повстанцев социализм шагнул в Латинскую Америку и что теперь этот континент вступил в полосу народных антиимпериалистических революций.

Че считал, что настоящий революционер-коммунист, тем более руководитель должен отличаться скромностью и быть бессребреником. В этом вопросе он не допускал никаких компромиссов. Эти его качества проявлялись в самой разнообразной, подчас неожиданной форме.

В начале марта 1959 г. он дошел до состояния почти полного физического истощения. Непрекращающиеся приступы астмы, отсутствие отдыха — все угрожающе подрывало его здоровье. Опасаясь за его жизнь, боевые товарищи чуть ли не силой заставили Че подлечиться и отдохнуть, выделив ему в пригороде Гаваны виллу, принадлежавшую до революции одному из батистовских прислужников. Реакционная печать не преминула заявить, что Че, дескать, не прочь попользоваться благами бывшего батистовского прихвостня.

Че немедленно откликнулся на эту инсинуацию, заявив, что в связи с болезнью, которую получил не в притонах или игорных домах, а работая на благо революции, он вынужден пройти курс лечения. Для этого ему предоставлена властями вилла, ибо жалованье 125 песо, получаемое им как офицером Повстанческой армии, не позволяет снять необходимое помещение за свой счет. «Эта вилла принадлежит бывшему батистовцу, она шикарна, — писал Че. — Я выбрал наиболее скромную. Допускаю, что сам факт, что я здесь поселился, может вызвать негодование. Я обещаю, в первую очередь народу Кубы, что покину этот дом, как только восстановлю здоровье...»⁶

Че не брал гонораров за свои работы, опубликованные на Кубе; гонорары же, причитающиеся ему за границы, он передавал общественным кубинским или зарубежным прогрессивным организациям (так, например, гонорар за книгу «Партизанская война», изданную в Италии, он передал итальянскому Движению сторонников мира).

Че и другие единомышленники Фиделя Кастро стремились показать народу, что служат ему не из корыстных побуждений, а движимые сознанием революционного долга. В одной из речей после победы над Батистой Фидель Кастро говорил, что кубинский народ привык видеть в «революционере» — а так называли себя участники различных переворотов — нахального вида упитанного детину, часто вооруженного большим пистолетом. Он слоняется по приемным министерств, требуя себе «за заслуги» различного рода поблажки, привилегии и вознаграждения. Такого рода «революционер» превращался в общественного паразита, вызывая недоверие и презрение народа. Но если такими были рядовые «революционеры» прошлого, то что говорить о тех, кто правил республикой, к примеру о тиранах, вроде генерала Мачадо, сержанта Батисты и им подобных. Власть означала для них в первую очередь возможность обогатиться, превратиться в миллионеров, утолить свои низменные страсти.

Революционеры 1959 г. были прямой противоположностью подобным спекулянтам от революции. Для себя они не желали ни почестей, ни богатства, ни какой-либо иной выгоды, а только права бескорыстно служить народу. Друзья и враги, народ пристально следили за каждым шагом вождей революции, пытаясь по их словам и делам разгадать: это обычная «революция» или это какая-то новая, подлинная, по-настоящему другая революция, о которой мечтали, но которой до сих пор еще не знали. Для определения характера революции личное поведение, образ жизни ее вождей имели не меньшее значение, чем высокие принципы, провозглашаемые и защищаемые ими. Их слово не должно было расходиться с делом. Их главная сила была в моральном превосходстве над противниками.

Но, кроме политических аргументов в пользу спартанского образа жизни, которого придерживался Че, его отличала еще личная склонность к простоте, к скромности в быту, антипатия ко всякого рода излишествах, роскоши и даже элементарным удобствам. Он действительно умел властвовать над своими физическими потребностями, довольствоваться самым необходимым, не придавая никакого значения внешним атрибутам благополучия.

Однако это вовсе не означало, что Че был аскетом, которому чужды обычные человеческие радости. 2 июня 1959 г. на скромной гражданской церемонии, где присутствовали Рауль Кастро и его жена, участница партизанской войны Вильма Эспин, а также несколько других близких друзей, Че оформил свой второй брак — с юной партизанкой Алейдой Марч, которую впервые встретил в горах Эскамбрая. После отплытия Че на «Гранме» Ильда вернулась в Перу. У нее были свои интересы и друзья. Когда Че сообщил ей об Алейде Марч, Ильда отнеслась к этому спокойно. Сьерра-Маэстра превратила Че в кубинца, женитьба на Алейде как бы освящала и подтверждала его намерение пустить корпи на острове Свободы. Че был любящим, преданным мужем, заботливым отцом. За пять лет совместной жизни Алейда подарила ему четырех детей — двух дочек и двух сыновей. Ильдита, дочь от первого брака, также жила с ними.

Немногие свободные от работы часы Че проводил дома в кругу семьи. Этот железный революционер любил не только своих детей, но и детей вообще, детей трудящихся Кубы, о которых он неоднократно говорил как о надежде революции, как о ее наследниках, призванных продолжить ее бессмертное дело.

И дети тоже беззаветно любили Че, посылали ему письма со всех концов Кубы. Всем своим юным корреспондентам Че отвечал, отвечал всерьез, как взрослым, как равный равному. В архиве Комиссия по увековечению памяти Эрнесто Гевары при ЦК

КПК хранятся десятки писем кубинских школьников к Че и копии его ответов.

* * *

После победы повстанцев Че, как и Фидель Кастро, считал, что в первую очередь следует бороться за углубление революции, за замену старого буржуазного правительственного аппарата новым, преданным народу; за замену старой армии — новой, революционной, костяком которой должна стать Повстанческая армия; за осуществление реформ, подрывающих позиции американского капитала и местных эксплуататоров, в том числе за радикальную аграрную реформу; за установление дружеских дипломатических, экономических и культурных связей с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

Вспоминая царившую тогда на острове политическую атмосферу, Фидель Кастро в речи, посвященной 100-летию со дня рождения В. И. Ленина (22 апреля 1970 г.), говорил:

«Не так далеки те времена, когда в результате долгих лет лживой и клеветнической пропаганды в нашей стране преобладала антимарксистская и антикоммунистическая атмосфера, получившая, к сожалению, широкое распространение. ..

Вспомните первый год революции. Иногда из любопытства мы спрашивали у разных людей, в том числе и рабочих:

— Согласны ли вы с тем, что банки, где находятся народные деньги, вместо того чтобы принадлежать частным лицам, должны быть в руках государства, чтобы эти средства использовались для развития экономики, в интересах страны, а не тратились по желанию частных лиц, которые владеют банками?

Нам отвечали:

— Да.

— Считаете ли вы, что рудники должны принадлежать Кубинскому народу, а не иностранным Компаниям, не каким-то типам, которые живут в Нью-Йорке?

— Да.

Таким образом, поддержку встречал каждый из революционных законов и все они вместе. Тогда мы задавали вопрос:

— Согласны ли вы с социализмом?

— О, нет, нет, нет! Никоим образом!

Невероятно, насколько сильна была предубежденность. Вплоть до того, что человек мог соглашаться со всем, что составляет суть социализма, но не мог согласиться с самим словом»⁷.

Спекулируя на этом, американские империалисты и их местные союзники, которые каждое революционное преобразование, каждую реформу клеймили как коммунистическую, пытались под флагом антикоммунизма мобилизовать население против революции.

Но маневры реакционеров не давали результатов. Правительство Фиделя Кастро действовало в интересах народа, и это находило поддержку и отклик в массах. В сознании трудящихся слово «коммунизм» все больше ассоциировалось с любимыми революционными вождями и революционными изменениями, открывавшими перед трудящимися путь к освобождению от социального гнета.

Чтобы ослабить революционный лагерь, Вашингтон и его агентура задалась целью всеми возможными способами воспрепятствовать единству революционных сил. Они всячески мешали единению Фиделя Кастро с Народно-социалистической партией, которую стремились во что бы то ни стало изолировать, закрыв ей дорогу в правительство, не допустить ее в профсоюзы и другие массовые организации, в новые органы государственной безопасности и в Повстанческую армию. Изоляция Народно-социалистической партии, руководители и члены которой полностью разделяли и поддерживали политику революционного правительства, должна была, по замыслу реакции, в свою очередь, ослабить позиции Фиделя Кастро и его единомышленников,

заставить их прислушаться к советам Вашингтона, замедлить ход революции, а потом и совсем лишить ее наступательного начала. К тому же контрреволюционеры ни перед чем не останавливались, чтобы помешать установлению дружеских отношений между новой Кубой и Советским Союзом.

Эти планы империалистической реакции провалились. Оказывая ожесточенное сопротивление социальным преобразованиям, империалисты разоблачили себя как злейшие враги кубинских трудящихся. Кубинский народ убеждался на собственном опыте, что главный его противник — американский империализм и его союзники. Столь же отчетливо кубинский народ начинал понимать, что коммунисты — надежнейшие защитники его интересов и прав, что будущее Кубы — социализм, что СССР — ее искренний друг и союзник.

Роль Че в этом революционном процессе, следствием которого было упрочение первой социалистической революции в Америке, весьма велика. Он энергично поддерживал осуществление всех радикальных преобразований, направленных на освобождение Кубы от империалистического влияния и на подрыв на острове устоев капитализма. Че последовательно выступал за единство действий с Народно-социалистической партией, решительно осуждал любое проявление антикоммунизма и антисоветизма. Одним из первых на Кубе он высказался за установление дружеских связей с Советским Союзом, а когда это произошло, всячески способствовал их укреплению и развитию.

В 1959 г. впервые 1 Мая отмечалось на Кубе как государственный праздник. В этот день повсюду проходили массовые демонстрации трудящихся в поддержку правительства. В Гаване перед демонстрантами выступил Рауль Кастро (Фидель находился в поездке по странам Латинской Америки), в Сантьяго — Эрнесто Че Гевара. В своей речи Че призывал крепить единство всех революционных сил, включая коммунистов. Он осудил антикоммунизм, используемый реакцией; доказывал необходимость быстрее осуществления радикальной аграрной реформы.

17 мая в селении Ла-Плата (на Сьерра-Маэстре), там, где был обнародован во время борьбы с Батистой аграрный закон № 3, на торжественном заседании Совета министров революционного правительства, на котором присутствовал и Че, был принят Закон о проведении аграрной реформы. Согласно закону вся земельная собственность сверх 400 га экспроприировалась и передавалась безземельным или малоземельным крестьянам. Там, где того требовали экономические интересы, на экспроприированных землях организовывались государственные хозяйства. Для осуществления этого закона создавался Национальный институт аграрной реформы (ИНРА), директором которого был назначен один из сотрудников Че — капитан Антонио Нуньес Хименес.

Кубинская революция явно не была похожа на традиционный дворцовый переворот, на смену марионеток. Комментируя кубинские события, даже консервативный американский журнал «Каррент хистори» отмечал: «В Латинской Америке революции надоедливо однообразны. В ряде случаев они следуют шаблону, который можно предсказать. Едва они начнутся, их дальнейшее направление может быть выявлено с большой легкостью. Совсем по-другому обстоит дело на Кубе. Революция Фиделя Кастро добавляет к старым образцам что-то новое, существенное, чего нельзя предсказать. Она вполне может ознаменовать начало цикла подобных революций, которые внешне напоминают старые, но в действительности отличаются новым стилем. По-видимому, политические революции уступают место революциям социальным»⁸.

Аграрная реформа вызвала приступ бешенства местных латифундистов и американских монополистов, в руках которых находились сотни тысяч гектаров кубинской земли. Вашингтон слал в Гавану ноту за нотой, требуя «возмещения убытков» и угрожая всякого рода санкциями. Местная реакция открыто грозила контрреволюцией. Особенно неистовствовали реакционеры по отношению к Че. Для них он был главным виновником постигших их несчастий. Они его называли

авантюристом без роду и племени, чужаком, который намерен превратить Кубу в плацдарм для «коммунистической агрессии» против всей Латинской Америки и даже самих Соединенных Штатов. Реакционная печать заверяла обывателя: как только Куба восстановит дипломатические отношения с Советским Союзом, Че будет назначен послом в Москву, чтобы еще больше подчинить страну «красным».

29 апреля 1959 г. Че выступал по телевидению, находившемуся под контролем частных фирм, враждебно настроенных к революции. Ведущий программу стал задавать ему провокационные вопросы:

— Вы коммунист?

— Если вы считаете, что то, что мы делаем в интересах народа, является проявлением коммунизма, то считайте нас коммунистами. Если же вы спрашиваете, принадлежим ли мы к Народно-социалистической партии, то ответ — нет.

— Зачем вы прибыли на Кубу?

— Хотел принять участие в освобождении хоть маленького кусочка поработенной Америки...

На все вопросы Че отвечал спокойно, с достоинством. На вопрос, является ли он сторонником отношений с Советской Россией, Че ответил:

«Я сторонник установления дипломатических и торговых отношений со всеми странами мира без каких-либо исключений. Не вижу причин, по которым следует исключить страны, которые уважают нас и желают победы нашим идеалам».

Под конец интервью он как бы невзначай сообщил телезрителям, что его интервьюер был платным агентом Батисты. Телепровокация не удалась. Однако враги революции не унимались.

Чтобы укрепить международное положение революционной Кубы, правительство Фиделя Кастро принимает решение направить Че для установления дружеских контактов с Египтом, Суданом, Марокко, Индией, Пакистаном, Бирмой, Цейлоном (с 1972 г. — Шри Ланка), Индонезией. С большинством из этих стран до этого у Кубы не было ни экономических, ни даже дипломатических отношений. Это было первое путешествие в страны Востока не только кубинского, но и латиноамериканского деятеля.

Соединенные Штаты пытались изолировать Латинскую Америку от остального мира, в особенности от стран социализма. В годы «холодной войны», действуя по указке Вашингтона, большинство стран Латинской Америки, в том числе Куба, порвали дипломатические отношения с Советским Союзом. Поддерживание каких-либо отношений со Страной Советов считалось Вашингтоном самым большим преступлением — «угрозой безопасности Западнему полушарию». Ослушника ожидала скорая расправа. На этот счет имелись грозные резолюции Организации американских государств, находившейся тогда под полным контролем Соединенных Штатов. Все помнили о печальной судьбе, постигшей гватемальского президента Арбенса.

Вашингтон пытался отгородить Латинскую Америку и от азиатских и африканских стран, начавших интенсивно освобождаться от колониального гнета. Ведь сближение этих стран с Латинской Америкой могло укрепить их независимость и волю к борьбе с империализмом и неоколониализмом.

Первой страной, которую посетил во время путешествия Че, был Египет, Президент Абдель Насер и руководители государства, народ Египта с большой теплотой встретили посланца революционной Кубы. В Египте Че впервые встретился с советскими специалистами, оказывавшими тогда Этой стране техническую помощь в различных областях экономики. В Каире в беседе с журналистами Че публично высказался за восстановление дипломатических отношений Кубы с Советским Союзом.

Поездка в африканские и азиатские страны открыла перед Че новый мир, о существовании которого он, конечно, знал, по о подлинной сути которого мог судить только теперь, когда познакомился с ним воочию. Эти страны, так отличные от Кубы и Латинской Америки по своим традициям, культуре и обычаям, имели и нечто общее с ней, а именно все они в той или иной степени были жертвами колониализма и империализма, стремились к независимому существованию и развитию, многие

нащупывали пути к социализму. Руководители этих стран с симпатией относились к революционной Кубе, готовы были с ней установить дружеские отношения, развивать торговлю, покупать ее сахар, табак и другие продукты и изделия. Хотя в целом связи с этими странами и не могли решить всех проблем, с которыми столкнулась революционная Куба в результате экономических санкций и других враждебных акций Соединенных Штатов, но, по крайней мере, Че увидел, что остров Свободы располагал друзьями как в Азии, так и на Ближнем Востоке и в Африке.

Почти три месяца — с 12 июня по 5 сентября 1959 г. — Че находился за рубежом. В ходе поездки он посетил также Японию, Югославию и Испанию.

По возвращении на Кубу Че назначается начальником промышленного департамента ИНРА с сохранением своего военного поста. К тому времени ИНРА превратился в крупнейшее правительственное учреждение не только по осуществлению аграрной реформы, но и по планированию и разработке проектов индустриального развития страны. Именно последними вопросами и был призван заниматься Че. Однако планы индустриализации зависели от финансирования, а финансы страны все еще находились под контролем частных банков. Государственный Национальный банк возглавлял Фелипе Пасос, доверенный человек крупного капитала. Пока финансы страны оставались в руках врагов революции, нечего было и думать о планах индустриализации. Развитие классово-борьбы в стране позволило и этот вопрос решить в пользу революции.

Осуществление коренных социальных преобразований, лишавшее американские монополии возможности продолжать грабить кубинский народ, вызывало все большее раздражение в Вашингтоне. Правящие круги США, опасаясь, что примеру Кубы могут последовать другие латиноамериканские страны, уже в середине 1959 г. взяли курс на свержение правительства Фиделя Кастро путем контрреволюционного переворота. Душой проектируемого акта должны были стать правые элементы «Движения 26 июля». Для маскировки они на словах выступали за социальные реформы, по против коммунизма и Советского Союза.

21 октября бежавший в США гусано⁹ бывший командующий ВВС Кубы Диас Ланс организовал бомбежку Гаваны самолетами, предоставленными в его распоряжение ЦРУ. В результате в столице имелись убитые и раненые.

В тот же день майор Уберто Матос, участник борьбы в Сьерра-Маэстре, командующий военным округом провинции Камагуэй, потребовал, чтобы Фидель Кастро «порвал» с коммунистами.

Мятеж Матоса был подавлен, а сам он осужден ревтрибуналом на 20 лет тюремного заключения. Контрреволюционные вылазки вызвали возмущение кубинского народа. По требованию трудящихся была создана революционная милиция для борьбы с контрреволюцией. В ее ряды вступили десятки тысяч рабочих, крестьян, студентов. Планы правящих кругов США и их местной агентуры свергнуть правительство Фиделя Кастро провалились.

26 ноября Совет министров по предложению Фиделя Кастро вместо Фелипе Пасоса назначает президентом Национального банка Кубы с полномочиями министра финансов Эрнесто Че Гевару.

Че не являлся специалистом в экономических вопросах, но одно он знал твердо: финансы страны, Национальный банк должны служить народу, а не быть инструментом эксплуатации в руках буржуазии.

На посту президента Национального банка Че оставался до 23 февраля 1961 г., когда был назначен главою вновь созданного на основе промышленного департамента ИНРА министерства промышленности. Разумеется, и в данном случае революционное правительство учитывало в первую очередь политические качества Че и его приверженность к социалистической индустриализации.

Че говорил посетившему его во второй половине 1961 г. в Гаване советскому писателю Борису Полевому:

«По профессии я врач, а сейчас вот в порядке революционного долга — министр

промышленности. Вам, может быть, кажется это странным? А впрочем, думаю, что вас это не удивит, ведь Владимир Ленин по профессии был адвокат, а среди его министров были и врачи, и юристы, и знаменитые инженеры... Ведь так?

Революция есть революция, и революционная необходимость по-своему расставляет людей. Если бы мне, когда я был в отряде Фиделя, давней дружбой с которым я горжусь, когда мы садились на яхту „Гранма" (а я был в этом отряде как раз в качестве врача), кто-нибудь сказал, что мне предстоит стать одним из организаторов экономики, я бы только рассмеялся»¹⁰

Одновременно с министерством промышленности правительство создало Центральный совет планирования. Че принял самое активное участие в руководстве этим учреждением.

Че продолжал также заниматься строительством новой революционной армии. Он руководил департаментом обучения министерства вооруженных сил, который отвечал за строевую и политическую подготовку не только бойцов и младшего офицерского состава Повстанческой армии, но и народной милиции. В этом же департаменте зародилась Ассоциация молодых повстанцев (ныне Союз молодых коммунистов) — кубинский комсомол. По инициативе Че этот департамент стал издавать широко читаемый на Кубе еженедельник «Вердэ оливо» — орган Повстанческой армии.

Че входил в высшее руководство «Движения 26 июля». Во второй половине 1961 г. произошло его слияние с Народно-социалистической партией и Революционным директоратом в Объединенные революционные организации (ОРО), Че был избран членом Национального руководства, Секретариата и Экономической комиссии ОРО. В мае 1963 г. ОРО были преобразованы в Единую партию кубинской социалистической революции. Че стал членом ее Национального руководства и Секретариата.

Все эти годы Че жил скромно, неустанно работал, усердно учился, постигал высшую математику и экономические науки, штудировал «Капитал» Карла Маркса. Свои знания он передавал сотрудникам, но никогда не поучал их, не читал нотаций. Как всегда, Че оставался приветлив с друзьями, постоянно общался с рабочими, крестьянами, студентами, иностранными деятелями коммунистического и национально-освободительного движения.

Все свои силы Че отдавал строительству социализма на Кубе, защите и укреплению ее революции. Но в то же самое время он мечтал о большем — о континентальной революции, об освобождении всей Латинской Америки от империализма янки.

Но Кубинская революция находилась тогда еще в колыбели. Ей еще предстоит преодолеть немалые испытания и трудности, прежде чем Эрнесто Че Гевара сможет сменить свой министерский портфель на винтовку партизана.

¹ Асадо — аргентинское национальное блюдо (мясо, поджаренное на углях).

² *Che Guevara E. Obras, 1957—1967. La Habana, 1970, t. 2, p. 71.*

³ Как будто Сан-Мартин обнял Марти.

Как будто брат впервые встретил брата.

Как будто аргентинская Ла-Плата

С Гаваной повстречалась на пути—

вот так душа Гевары обняла

Фиделя. Вспышкой сделалось объятье:

ведь тем светлей друзей рукопожатье,

чем тягостней вокруг слепая мгла.

И нету смерти. Что такое смерть,

раз не смогли свинец и сталь посметь

и посягнуть на память о герое?

Фидель и Че. Вдвоем, но как один.

Хосе Марти и рядом — Сан-Мартин.

Единый подвиг, но героев—двое. (пер. С. Гончаренко)

⁴ Куба, 1980, № 10, с. 27—28.

⁵ Куба: Историко-этиографические очерки. М., 1961, с. 18.

⁶ *Revolucion*, 1959, 10 mar.

⁷ *Granma*, 1970, 23 abr.

⁸ *Current history*, 1959, N 4, p. 180,

⁹ По-испански *gusano* — червь. Этим словом стали называть на Кубе контрреволюционеров,

¹⁰ *Полевой Б. Товарищ Че. Лат. Америка*, 1970, № 6, с. 80.

Социализм надежда угнетенных

Для защиты Революции от внешней агрессии кубинский народ нуждался в оружии, а также в экономической помощи, и такую помощь и поддержку в создавшихся условиях мог оказать ему только Советский Союз, согласившись покупать кубинский сахар, продавать Кубе нефть, машины, жизненно необходимые предметы потребления. Социальные преобразования, которые намеревались осуществить руководители Кубинской революции, — аграрная реформа, национализация крупной капиталистической собственности, бесплатное обучение и медицинское обслуживание явно были шагами к социализму. И Фидель, и Рауль, и Че понимали, что, встав на путь антиимпериалистической и антикапиталистической борьбы, они рано или поздно придут к социализму, ибо другого пути, ведущего к избавлению от нищеты, бесправия и эксплуатации, нет и быть не может. Но разве можно было надеяться успешно бороться против империализма и строить новое общество, не установив самые тесные отношения с первой и самой могущественной социалистической страной в мире.

Советский Союз вскоре после победы Кубинской революции—уже 11 января 1959 г. заявил о своем признании нового революционного правительства Кубы. Советская печать, радио, общественные и государственные деятели решительно и безоговорочно высказывались в поддержку революционного процесса на острове Свободы.

В феврале 1960 г. Гавану по приглашению кубинского правительства посетил первый заместитель Председателя Совета Министров СССР А. И. Микоян. Переговоры высокого представителя Страны Советов с кубинскими руководителями окончились заключением соглашений, положивших начало развитию прочных дружеских, братских отношений между революционной Кубой и СССР.

Были подписаны соглашения о закупке Советским Союзом 1 млн. т сахара по ценам, превышавшим средние мировые. Советский Союз предоставил Кубе кредит на 100 млн. долл. сроком на 12 лет¹. Оба правительства подписали политическую декларацию, подтверждающую их стремление бороться за мир и другие принципы, освященные Хартией ООН. Че в качестве директора Национального банка принимал самое деятельное участие в переговорах с А. И. Микояном.

Враги революции встретили кубино-советские соглашения воплями возмущения. Они пытались организовать в Гаване антисоветские демонстрации, устроили беспорядки, когда советская делегация возлагала венок к памятнику Хосе Марти.

Однако эти вылазки реакционеров получили достойный отпор. Кубинский народ, трудящиеся приветствовали установление дружеских связей между революционной Кубой и могучей Советской державой. Они понимали, что подписанные соглашения укрепляют позиции революционной Кубы, позволяют ей осуществлять программу

глубоких преобразований.

ЦРУ продолжило плести заговоры и провокации против свободной Кубы. 4 марта 1960 г. в Гаванском порту подложенной неизвестными бомбой был взорван французский пароход «Ла Кубр». В результате взрыва было убито 70 человек и свыше 100 ранено. Выступая на похоронах жертв, Фидель Кастро впервые закончил свою речь словами: «Родина или смерть! Мы победим!»—ставшими символом Кубинской революции.

В беспощадной борьбе с реакцией решался вопрос «кто кого?» — станет ли революционная Куба подлинно независимой страной или вновь окажется под пятой американских монополий.

Этой теме была посвящена лекция Че «Политический суверенитет и экономическая независимость», которую он прочитал 20 марта 1960 г. по телевидению в новой программе «Народный университет». Он говорил о том, что национальный суверенитет немислим без завоевания экономической независимости и что соглашения с Советским Союзом направлены на укрепление экономической независимости, а значит, и суверенитета Кубы.

Отметив, что СССР обязался в течение пяти лет покупать у Кубы по 1 млн. т сахара в год, продавать ей нефть на 33% дешевле по сравнению с ценами американских нефтяных монополий и предоставил ей кредит на самых благоприятных условиях в истории торговых отношений, Че сказал: «Когда Фидель Кастро объяснил, что торговое соглашение с Советским Союзом принесет пользу Кубе, он просто высказывал, а точнее, синтезировал чувства кубинского народа. Действительно, все почувствовали себя более свободными, когда узнали, что стало возможным подписывать торговые соглашения с любой страной, и сегодня весь народ должен считать себя еще более свободным, ибо подписанное торговое соглашение не только укрепляет суверенитет страны, но и является одним из самых выгодных для Кубы»².

8 мая 1960 г. официально восстанавливаются дипломатические отношения между Кубой и Советским Союзом. Следуют новые санкции Вашингтона. Американские фирмы прекращают ввоз нефти на Кубу и ее переработку на острове. Кубинское правительство направляет в СССР экономическую миссию во главе с капитаном Антонио Нуньесом Хименесом, директором ИНРА. Миссия заключает важные соглашения по поставке нефти и нефтепродуктов.

Правительство США односторонне отменяет квоту на ввоз кубинского сахара, чем практически закрывает традиционный американский рынок для этого важнейшего продукта острова Свободы. Правительство Кубы принимает решение о национализации собственности компаний янки «путем принудительной экспроприации». В ответ Вашингтон угрожает Кубе вооруженной интервенцией.

В эти драматические дни Советское правительство заявило, что поддержит Кубу всеми возможными средствами в ее борьбе за свободу и независимость.

Заявление Советского правительства вызвало огромный энтузиазм на Кубе. 10 июня, выступая на всенародном митинге перед президентским дворцом, Че заявил: «Пусть остерегаются эти креатуры Пентагона и американских монополий, безнаказанно творившие свои преступления на землях Латинской Америки. Им есть над чем подумать. Куба — это уже не затерявшийся в океане одинокий остров, защищаемый голыми руками ее сыновей и благородными порывами всех обездоленных мира. Сегодняшняя Куба — это славный остров в центре Карибского моря, который находится под защитой ракет самой могущественной державы в истории!»³.

Выступая 28 июля 1960 г. на I латиноамериканском конгрессе молодежи, Че заявил: «На вопрос, являются ли Советский Союз и другие социалистические страны друзьями, нашими друзьями, следует ясно и недвусмысленно ответить—да!». Если бы, говорил он, СССР не пришел нам на помощь, когда США отменили квоту на сахар и отказались продавать нам нефть, то революционной Кубе пришлось бы действительно

худо⁴.

Че принимал участие в выработке первой Гаванской декларации, обнародованной в сентябре 1960 г. в связи с угрозами Соединенных Штатов в адрес революционной Кубы. Гаванская декларация отражала взгляды руководителей революции и кубинского народа. В Гаванской декларации была высоко оценена солидарность Советского Союза с революционной Кубой. 4-я статья декларации провозглашала, что помощь, искренне предложенная Кубе Советским Союзом в случае нападения на нее империалистических вооруженных сил, никогда не может рассматриваться как акт вмешательства, а лишь как яркое проявление солидарности, и эта помощь, предоставленная Кубе в период неминуемого нападения Пентагона, делает честь правительству Советского Союза, которое ее предложило, и в то же время покрывает позором правительство Соединенных Штатов за его трусливые и преступные агрессивные действия против Кубы⁵.

Во главе экономической делегации 22 октября 1960 г. Че направляется в путешествие по социалистическим странам. Это был первый официальный визит одного из ведущих руководителей Кубинской революции в страны победившего социализма. Че пробыл за границей два месяца, из них почти месяц провел в Советском Союзе. Он побывал также в Чехословакии, ГДР и некоторых других странах.

В Москве Че присутствует на торжествах на Красной площади в честь 43-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции и наблюдает за парадом войск и демонстрацией москвичей с высокой трибуны Мавзолея Ленина. Он посещает заводы, фабрики, научные учреждения, знакомится с Кремлем, осматривает музей-квартиру Ленина, совершает поездку в Ленинград и Волгоград. Он побывал в Смольном, на крейсере «Аврора», на Мамаевом кургане.

Че вел переговоры с руководителями КПСС и Советского правительства и заключил новые важные для Кубы экономические соглашения.

11 декабря 1960 г. общественность Москвы встретила с Че в Колонном зале Дома союзов, где он выступил с большой речью. Че высоко оценил документы Московского Совещания коммунистических и рабочих партий, рассказал об основных этапах Кубинской революции.

«Мы, — отметил он, — начинали борьбу в труднейших условиях, когда идеологическая расстановка сил значительно отличалась от нынешней. Мы учились и приобретали опыт в процессе борьбы; в ходе революции мы стали истинными революционерами. На своем опыте мы познали истину, которая сводилась к тому, что бедняцкие крестьянские массы должны были стать центром нашей Повстанческой армии. Мы поняли, что в условиях Кубы не было иного пути, как путь вооруженного восстания народа против вооруженного гнета марионеток империализма янки. Взяв в руки оружие и объединившись с крестьянами, мы вступили в борьбу против армии, которая представляла олигархию — сообщника США, и мы разбили ее. Наше знамя могут взять на вооружение остальные народы Латинской Америки, находящиеся в условиях, аналогичных нашим. Мы доказали, что народы могут вооружиться, бороться против угнетателей и разгромить их...

В настоящее время мы находимся в таком положении, когда, с одной стороны, нашему острову постоянно угрожают суда, базы и морская пехота империализма, и, с другой стороны, мы имеем бесценную поддержку Советского Союза, который, являясь для нас защитной броней, оберегает нашу целостность и наш суверенитет.

К сожалению, Куба является одной из горячих точек планеты. Нет у нас стремления, как у империалистов, играть с огнем. Мы знаем, какие последствия будет иметь конфликт, если он вспыхнет на нашем побережье, и всеми силами стремимся предотвратить его. Но это зависит не только от нас. Сила народов всего мира, которые поддерживают Кубу, и сила социалистического лагеря во главе с Советским Союзом — вот оружие, в которое мы верим, которое не допустит, чтобы США совершили

роковую ошибку и напали на нас.

Но мы должны быть начеку, мы должны зорко охранять наши берега, наше небо, нашу землю, чтобы в любой момент обезвредить врага»⁶.

Мы никогда не забудем, сказал далее Че, боевой солидарности советских людей, революционного энтузиазма, с которым они встречали кубинцев, где бы те ни побывали. Эта солидарность и энтузиазм, продолжал оратор, «с которым нас встречали, являются для нас той печатью, которая прочно скрепляет нашу дружбу, с каждым часом все более прочную, дружбу, устанавливающую между нами нерушимую основу взаимоотношений.

И эти отношения можно выразить словами: „Куба не подведет, Куба не обманет!“.

Со всей ответственностью Куба занимает место, которое ей отведено в борьбе против мирового империализма, и она готова оставаться там как живой и боевой пример до тех пор, пока империализм будет угрожать ей своим оружием.

Но Куба готова воспользоваться малейшей возможностью для решения вопросов мирным, а не военным путем. Куба горячо поддерживает предложение Советского правительства, выдвинутое в Организации Объединенных Наций о всеобщем разоружении. Пусть часть денег, расходуемая теперь на вооружение, будет распределена между народами, нуждающимися в них для своего развития. Куба является решительной сторонницей мирного сосуществования наций с различным социальным строем и предлагает мир тем, кто его хочет. Но пока мы не выпускаем из рук винтовку и с винтовкой в руках мы будем отстаивать свои границы, если на них посягнет враг. И пусть все знают, что на контрреволюционный террор правительство ответит революционным террором и сметет всех, кто поднимется с оружием, чтобы снова надеть на наш народ оковы»⁷.

Во время пребывания Че в Москве им была написана упоминавшаяся выше статья для книги о Кубе — «Некоторые замечания о революции». В ней Че отмечает роль Советского Союза в становлении и защите Кубинской революции: «Победа кубинского народа показывает, как склоняется чаша весов в сторону социалистической системы при сравнении экономических, политических и военных сил двух антагонистических лагерей: лагеря мира и лагеря войны. Куба существует как суверенное государство потому, что ее народ объединен великими лозунгами и ее руководители едины с народом и умело ведут его по дороге победы. Это истина, но не вся истина. Куба существует также потому, что сегодня в мире есть союз наций, которые всегда становятся на сторону справедливого дела и имеют достаточно сил для этого. Кубу хотели поставить на колени, лишив ее нефти, но советские суда доставили нефть в достаточном количестве из советских портов. Кубу хотели поставить на колени, отказавшись покупать ее сахар, но Советский Союз купил этот сахар. Наконец, в последнее время ее снова пытались задуть экономической блокадой и снова обманулись в своих надеждах. Это истина, но опять-таки не вся истина. Куба существует как суверенное государство потому, что на пути военной агрессии, подготовленной на территории США, встало историческое предупреждение Советского правительства.

Таким образом, на примере Кубы было продемонстрировано решающее превосходство сил мира над силами войны. Находясь в сердце североамериканской империи, Куба явилась живым свидетелем того, что сегодня народы, обладающие достаточной настойчивостью, чтобы достичь независимости, найдут в Советском Союзе и других социалистических странах необходимую поддержку и сумеют отстоять свою независимость»⁸.

19 декабря 1960 г. Че от имени кубинского правительства подписал совместное Советско-кубинское коммюнике, в котором Советский Союз и Куба констатировали идентичность взглядов по международным вопросам, а также по вопросам внутренней политики обеих стран. Коммюнике осуждало агрессивные действия империалистических кругов США против Кубы и других отстаивающих свою

независимость стран. Советская сторона выразила согласие оказывать Кубе широкую экономическую и техническую помощь, укреплять и развивать торговые отношения с нею.

Выступая в тот же день на правительственном приеме в честь кубинской экономической миссии, Че сказал:

«Уезжая из страны социализма, которую я лично в первый раз посетил, я уношу с собой два самых больших впечатления. Первое — это глубокая удовлетворенность деятеля Кубинской Республики, который во время своей миссии в Советском Союзе смог выполнить все возложенные на него поручения, причем он их выполнил в обстановке любви и дружбы советского народа.

Кроме того, мы уносим с собой впечатления, которые оставили у вас Дни, проведенные в стране, совершившей самую глубокую, самую радикальную революцию на свете. Мы это чувствовали во время всего нашего пребывания в СССР.

И мы убедились в том, что спустя 43 года после победоносной революции, спустя много лет после борьбы против интервенции этот народ сохранил нетронутым свой революционный дух. Поражает также глубокое знание всеми советскими гражданами без исключения всех насущных проблем человечества, их высокий уровень политической подготовки. Мы в этом убедились повсюду, поскольку на улицах, на фабриках, в колхозах, где мы были, нас сразу же узнавали, и народ обращался к нам с возгласами:

«Да здравствует Куба!». Мы буквально в течение 15 дней купались в море дружбы. А для нас это огромный урок и большая поддержка, потому что, как только мы выезжаем за пределы нашей страны, мы сразу же погружаемся в океан враждебности»⁹.

Че вновь высоко оценил помощь и поддержку, оказываемые Советским Союзом революционной Кубе. «В течение всех двух лет, — подчеркнул он, — истекших со дня победы революции, советский народ и Советское правительство протягивали нам руку помощи в любом вопросе, каким бы он сложным ни был. Я бы занял очень много времени, если стал рассказывать о всей той помощи, которая оказана Советским Союзом за прошедшие два года, и было бы долго, если бы я стал рассказывать, что содержится в коммюнике, которое мы только что подписали. Но все это является ярким наглядным доказательством того, что Советский Союз всегда находится на стороне народов, борющихся за мир и независимость, а это, в свою очередь, послужит тому, что Советский Союз станет еще большим символом для тех стран, которые, наподобие нашей, поднимаются на борьбу за свободу. Это послужит тому, что латиноамериканские государства, если не их правительства, то их народы, лучше поймут, что настоящая новая жизнь находится именно здесь и идет отсюда. Это помогает им понять, что именно Советский Союз, именно страны социалистического лагеря поддержат их в борьбе за независимость и свободу, а также понять, что их угнетают и безжалостно эксплуатируют американские империалисты»¹⁰.

Поездка Че по странам социализма прошла весьма успешно. По инициативе Советского Союза социалистические страны приняли решение покупать ежегодно у Кубы до 4 млн. т сахара, из коих 2 млн. 700 тыс. т обязалась покупать наша страна. Кроме того, Кубе была обещана разнообразная техническая и прочая помощь. О результатах поездки он подробно информировал кубинский народ по возвращении в Гавану, выступив по радио и телевидению 6 января 1961 г. Это его выступление явно свидетельствовало об огромном уважении, которое испытывал Че к советскому народу, нашей партии и правительству.

«Социалистические страны относятся с огромным энтузиазмом к нам. Вероятно, в Советском Союзе больше всего это заметно. Прошло 43 года после революции, и теперь советский народ обладает высочайше развитой политической культурой...»¹¹ — говорил он.

Че рассказал о достижениях Советского Союза в различных областях народного

хозяйства, особо подчеркнув поистине необъятные возможности, созданные Советской властью для всестороннего развития человека. Он подробно изложил содержание коммюнике, подписанного им в Москве, акцентировал внимание на его заключительной части, где обе стороны объявляют себя решительными сторонниками мирного сосуществования. Че так прокомментировал этот раздел: «Для нас вопрос о мире не является праздным, как могло бы показаться. Это очень важные вещи. Ибо в данный момент любой ложный шаг, любая ошибка империализма могут внезапно превратить локальные войны в большие и вызвать немедленно мировую войну. К несчастью, если произойдет мировая война — война атомных ракет, Кубе несдобровать.

Таким образом, нам следует постоянно бороться за мир во всем мире, мы должны быть готовы защищать мир до конца, и мы будем его защищать, и тот, кто нападет на нас, жестоко поплатится за это. Одновременно мы должны, сохраняя выдержку, бороться за обеспечение мира здесь и повсюду»¹².

«Мы не устанем повторять тысячу раз, — сказал в заключение Че, — что с момента, когда мы ступили на советскую землю, мы почувствовали, что Советский Союз — это родина социализма на земле»¹³.

Заявления Че имели большое идеологическое и политическое значение. На Кубе никто не сомневался в его искренности и политической честности. Поэтому его свидетельство о достижениях СССР в области социалистического строительства и слова солидарности с международным курсом КПСС и Советского правительства звучали особенно убедительно для тех трудящихся, которые, поддерживая политику правительства Фиделя Кастро, все еще находились в плену антикоммунистических и антисоветских предубеждений;

То, что говорил Че о Советском Союзе, отражало не только его личное мнение, по и мнение Фиделя Кастро и других ведущих руководителей Кубинской революции, однако нельзя не признать весьма значительной роли самого Че в формировании этого мнения.

Че относился доброжелательно и с уважением к Советскому Союзу не только потому, что он видел в нем первую страну в мире, покончившую с эксплуатацией и прочими язвами капиталистического строя, но и потому, что и внешняя политика нашей партии и нашего правительства, вдохновляемая ленинскими идеями пролетарского интернационализма, обеспечивала революционной Кубе безопасность и возможность строить новое, справедливое общество, основанное на принципах социализма.

Советский Союз обязался оказать не только военную, по и экономическую, техническую и финансовую помощь Кубинской революции. Причем эта помощь предоставлялась Кубе на самых льготных условиях и основывалась на полном и абсолютном равноправии без навязывания Кубе каких-либо политических обязательств или несовместимых с ее суверенитетом требований. Че прекрасно понимал это, он мечтал о социалистической Кубе со всесторонне развитой, научно сбалансированной экономикой, обеспечивающей высокий уровень жизни ее трудящимся.

Особое внимание Че уделял промышленному развитию Кубы, считая, и не без основания, что создание собственной промышленности повысит жизненный уровень кубинских трудящихся и сделает их более сознательными в политическом отношении, укрепит их морально и духовно, приблизит их к социализму. Он внимательно изучал опыт социалистического строительства в Советском Союзе, опыт нашего планирования и руководства народным хозяйством, в частности промышленностью, роль партии, профсоюзов и других массовых организаций в экономике, в развитии соревнования, соотношение моральных и материальных стимулов, проблемы нормирования труда.

Че не только читал нашу литературу по этой тематике, он стремился почерпнуть

необходимые ему сведения и знания в беседах с советскими специалистами, техниками, инженерами, экономистами, посещавшими Кубу или работавшими на острове Свободы. Че искал такие же контакты и во время своих посещений Советской страны. Советских людей, встречавшихся с ним, Че покорял своей искренностью, душевностью, революционной страстностью. Борису Полевому Че запомнился таким: «У него было удивительное лицо с крупными чертами, очень красивое. Мягкая, клочковатая, курчавая борода, обрамлявшая его, темные усы, и, как у нас на Руси говорили, соболиные брови лишь подчеркивали белизну этого лица, которое, видимо, не брал загар. На первый взгляд это лицо казалось суровым, даже фанатичным, но, когда он улыбался, как-то сразу проглядывал истинный, молодой возраст этого министра, и он становился совсем юношей»¹⁴.

Вот что о нем писал О. Дарусенков, общественный деятель и переводчик, близко знавший его: «Че всегда оставался коммунистом, революционером-интернационалистом, другом Советского Союза. К нашей стране Че относился с большой любовью и уважением, глубоко понимая ее роль в укреплении завоеваний Кубинской революции. Велики его заслуги в становлении и развитии тесной дружбы и сотрудничества между первой страной социализма и революционной Кубой — первой социалистической страной в Западном полушарии. Именно Эрнесто Че Гевара был одним из первых, кто после революции на Кубе выступил за установление отношений с СССР. С его самым активным участием связано заключение первых советско-кубинских соглашений, заложивших фундамент дружбы и сотрудничества между Кубой и СССР»¹⁵.

Американским империалистам была не по душе мирная созидательная деятельность революционной Кубы. Правительство США усилило экономическую блокаду острова, надеясь задушить революцию, а ЦРУ продолжало тренировать и засылать на Кубу банды диверсантов, саботажников и шпионов, в задачу которых входило дезорганизовать и парализовать деятельность революционных властей. На американских базах в районе Карибского бассейна шла концентрация крупных сил.

Вашингтон не скрывал своих намерений. С присущим им цинизмом представители американских властей требовали от кубинского правительства порвать дружеские отношения с Советским Союзом. Эти требования были решительно отвергнуты Фиделем Кастро и всем кубинским народом. Кубинское правительство обратилось к Советскому Союзу с просьбой оказать помощь в укреплении обороноспособности страны. Советское правительство ответило согласием.

Для заключения соответствующего соглашения 27 августа 1962 г. в Москву прибыла кубинская делегация во главе с Эрнесто Че Геварой. На этот раз Че пробыл в Советском Союзе всего лишь неделю. В сообщении о пребывании кубинской делегации в Советском Союзе говорилось, что в связи с угрозами агрессивных империалистических кругов в отношении Кубы правительство Кубинской Республики обратилось к Советскому правительству с просьбой об оказании помощи вооружением и соответствующими техническими специалистами для обучения кубинских военнослужащих. Советское правительство с вниманием отнеслось к этой просьбе правительства Кубы, и по данному вопросу была достигнута договоренность. Подчеркивалось, что, пока существует угроза в отношении Кубы, Кубинская Республика имеет все основания принимать необходимые меры для обеспечения своей безопасности и защиты своего суверенитета, а все подлинные друзья Кубы имеют полное право откликнуться на законную просьбу о помощи.

Вашингтон пошел на дальнейшее обострение отношений с Кубой, объявил ей «карантин» — военную блокаду, стал угрожать военной интервенцией. Так возник карибский кризис. Но и на этот раз американские агрессоры, побряцав оружием, вынуждены были отступить перед железной решимостью кубинского народа защитить свою независимость и перед солидарностью с Кубой Советского Союза и социалистических стран¹⁶.

Когда США потерпели фиаско в связи с карибским кризисом, клеветники снова активизировались. Они пытались бросить тень на Че, да и на Фиделя Кастро, утверждая, что те якобы «порвали» с Советским Союзом. Конечно, империалисты дорого заплатили бы за то, чтобы внести разлад в отношения между Советским Союзом и революционной Кубой. Правда заключается в том, что кубинское правительство имело свою точку зрения о путях решения карибского кризиса. Куба и Советский Союз обсуждали этот вопрос и пришли к обоюдному соглашению.

Фидель Кастро заявил 1 ноября 1962 г.: «У нас были расхождения с СССР по этому вопросу, но нет трещин между нами. Мы питаем доверие к принципиальной политике СССР, преобладающим является то, что мы марксисты-ленинцы»¹⁷.

9 ноября 1962 г., выступая по радио и телевидению Кубы, Фидель Кастро сказал: «Во все трудные моменты, которые мы переживали, во время всех выпадов, исходивших от янки, в момент экономической агрессии, отмены сахарной квоты, прекращения поставок нефти в нашу страну, перед лицом каждого из этих актов агрессии, жертвой которых мы являлись, Советский Союз неизменно протягивал нам руку. Он всегда был вместе с нами. Мы благодарны ему за это и должны об этом сказать в полный голос»¹⁸.

Ни о каком «разрыве» кубинского руководства с Советским Союзом и речи не было. Враг и на этот раз выдавал желаемое за действительное.

Мнение вождя Кубинской революции разделял и Эрнесто Че Гевара. В беседе с американскими студентами он решительно осудил провокационные действия троцкистов, требовавших в период кризиса вторжения на американскую базу в Гуантанамо. Он заявил, что троцкисты ничего общего не имеют с Кубинской революцией¹⁹.

Линия, направленная на дружбу и сотрудничество с Советским Союзом, всегда была свойственна кубинским руководителям во главе с Фиделем Кастро, который, выступая на XXVI съезде КПСС, говорил: «В этой битве за наш суверенитет, в наших постоянных усилиях обеспечить развитие социалистической экономики нам всегда оказывали братскую интернационалистскую помощь Советский Союз, его парод, его коммунисты. Поэтому здесь, на XXVI съезде КПСС, мы вновь хотим заявить о нашем чувстве вечной благодарности. Кроме того, мы выражаем признательность не только за то, что было сделано для нас, мы благодарим за то, что сделали эта великая страна и ее великий народ для всего человечества.

Второй съезд нашей партии с гордостью отметил перед всем миром, что отношения между Советским Союзом и Кубой являются примером братской дружбы, основанной на уважении. Мы — друзья и всегда будем верными друзьями щедрого и героического народа, оказавшего нам такую огромную помощь. Никогда в наши сердца не закрадутся неблагодарность, оппортунизм или предательство!

Испытывая чувства нерушимой дружбы, от имени кубинских коммунистов и от имени всего нашего народа, которые также следует идеалу коммунизма, мы приветствуем съезд вашей партии и говорим вам:

Да здравствует Ленин!

Да здравствует славная Коммунистическая партия Советского Союза!

Да здравствует пролетарский интернационализм!

Да здравствует мир!

Родина или смерть! Мы победим!»²⁰.

В 1964 г. Куба подписала с Советским Союзом долгосрочное соглашение о продаже кубинского сахара. В статье, опубликованной в том же году в октябрьском номере английского журнала «Интернэшнл аффэрс», Че высоко оценил это соглашение, отметив не только положительное значение его для экономики Кубы, но и его огромную политическую роль. Че писал, что соглашение между СССР и Кубой свидетельствует о новом типе отношений в социалистическом лагере, где высокоразвитое социалистическое государство оказывает помощь слаборазвитому, в

противоположность тому, что имеет место в капиталистическом мире, где индустриальные державы стремятся за бесценно получить сырьевые ресурсы слаборазвитых стран.

В ноябре 1964 г. Че в третий раз посетил Советский Союз. Он вновь участвовал в празднествах в честь Великой Октябрьской социалистической революции, встречался с партийными и государственными руководителями Советского Союза. 11 ноября Че присутствовал в Доме дружбы с народами зарубежных стран на собрании по поводу создания Общества советско-кубинской дружбы. После доклада нашего первого космонавта Юрия Алексеевича Гагарина, избранного президентом общества, и приветствия Херардо Масолы, тогдашнего руководителя Кубинского института дружбы с народами (ИКАП), было предоставлено слово Че. Это было его последнее выступление в Советском Союзе.

«Дорогие товарищи!..

Народ Кубы стал строить социализм недавно. Нам нужно еще многому научиться. Развивать наше сознание, развивать чувство любви к труду. Но наш народ знаком с историей, с подлинной историей. Он знает силу примера, он знает, что кровь пролитая советскими борцами в защиту свободы, социализма и коммунизма, эта кровь могла бы образовать реки. Он знает также, что советские люди проливали свою кровь на землях, далеких от их Родины, что и в нашей стране находятся советские военные специалисты, выполняя свой пролетарский интернациональный долг. Он знает также, что в настоящее время большое количество советских специалистов учат нас мирному созиданию. Он знает, что советские специалисты во всем мире находятся для того, чтобы помогать слаборазвитым народам осваивать наиболее передовую технику, при помощи которой можно строить лучшее будущее. Он знает о чудесных подвигах по завоеванию космоса, начало которым было положено Советским Союзом.

Наш народ, который изучал историю и знает силу примера, всегда признает жертвы, которые были принесены советским народом, и он сумеет последовать вашему светлому примеру, непоколебимо защищая свою революцию и строя социализм.

Куба, советские товарищи, никогда не отступит!

Наша дружба будет вечной!

Слава Советскому Союзу!»²¹

Накануне отъезда на родину Че беседовал с корреспондентом АПН. На вопрос, каковы перспективы промышленного развития Кубы и дальнейшего укрепления советско-кубинского экономического сотрудничества, он ответил, что это сотрудничество успешно развивается во многих областях, прежде всего в энергетике, отрасли, в которой СССР накопил богатый опыт. На Кубе большинство электростанций строится с помощью советских специалистов.

Теперь важной отраслью промышленности Кубы стала и металлургия. Было запланировано, говорил Че, строить новые сталеплавильные предприятия и развивать цветную металлургию, используя большие запасы латеритовых руд на севере провинции Орьенте. Там с помощью Советского Союза должен быть создан металлургический комбинат, который явится базой цветной металлургии.

Опираясь на советский опыт, планировалось также наладить производство сельскохозяйственной техники. Куба заинтересована и в развитии химии, автоматики, электроники. В химической промышленности она уже получила конкретную помощь от СССР. Советские специалисты должны будут строить завод удобрений в городе Нуэвитасе с 1965 г.

Че приветствовал создание Общества советско-кубинской дружбы и выразил уверенность, что оно будет содействовать укреплению связей между нашими странами, культурному обмену и другим контактам. Он сообщил, что на Кубе будет создано аналогичное общество.

Как уже отмечалось, Че с удовольствием общался со многими советскими людьми — дипломатами, общественными деятелями, учеными, специалистами, простыми тружениками. Из их многочисленных воспоминаний я приведу выдержку из рассказа

члена-корреспондента АН СССР Н. Т. Федоренко, который в беседе с турецким поэтом Метином Демирташем так поведал, в частности, о своей последней встрече с Че в Нью-Йорке в декабре 1964 г.: «Гевара прибыл тогда во главе кубинской делегации на сессию Генеральной Ассамблеи ООН. Мы увиделись в фойе, перед залом заседаний, среди множества собравшихся людей. Бросились друг другу навстречу. Мужские горячие объятия, минуты, когда не замечают изумленных лиц журналистов и «камераменов», которые толпами преследовали Гевару... Запомнилась мне речь Гевары с трибуны Генеральной Ассамблеи. До отказа наполненный зал. Теснили друг друга друзья и откровенные враги Кубинской революции. Еще до появления оратора то и дело в адрес свободной Кубы раздавались злобные выкрики, оскорбительные слова...

Выход Гевары на трибуну, однако, был встречен громом рукоплесканий, а речь его, которую он произносил со свойственным ему темпераментом, покоряла аргументацией и революционной убежденностью, захватывала, обжигала сердца.

— Неужели можно так эмоционально читать текст? — внезапно вырвалось у поэта.

— Нет, читать, пожалуй, так невозможно. Это была живая речь. Безбумажная...

— Разве на дипломатических конференциях говорят без написанного?

— Очень редко. Скорее как исключение. Обычно читают заранее подготовленный текст.

— Кто готовит? Сам докладчик или еще кто-нибудь?

— Чужой текст произносить всегда опасно, особенно без предварительного его прочтения. У каждого автора своя фразеология, своя манера письма, а у некоторых еще и обязательная пунктуация, знаки препинания, нарушение которых при невнимательном отношении к тексту может ненароком смутить слушателей.

— Гевара, — заметил Метин Демирташ, — видно, хорошо владел ораторской грамматикой, знал пунктуацию и умел расставить политические акценты... Убежден, что не могла не восхищать его приверженность революционной идее, его свободолюбие, раскованность.

— Враги революционной Кубы чудовищноотреагировали на выступление Гевары. Они даже установили на противоположном берегу Ист-Ривер «базуку» и выпустили снаряд в высотное здание ООН в расчете на то, что под его развалинами погибнет Че Гевара, а вместе с ним и сотни участников сессии. Но снаряд не достиг цели: взорвавшись в воздухе, он лишь сотряс здание ООН...»²²

¹ Правда, 1960, 15 фев,

² *Notices de Hoy*, 1960, 21 mar.

³ *El Mundo*, 1960, 11 jun.

⁴ *Che Guevara E. Obras, 1957—1967. La Habana*, 1970, t. 2, p. 390.

⁵ *Кастро Ф. Речи и выступления. М.*, 1960, с. 567—568.

⁶ *Che Guevara E. Obras*, t. 2, p. 102—108.

⁷ *Ibid.*

⁸ *Куба: Историко-этнографические очерки. М.*, 1961, с. 19.

⁹ *Правда*, 1960, 20 дек.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Noticias de Hoy*, 1961, 7 en.

¹² *Ibid.*

¹³ *Ibid.*

¹⁴ *Полевой Б. Товарищ Че. — Лат. Америка*, 1970, № 6, с. 80.

¹⁵ *Дарусенков О. К 50-летию со дня рождения Эрнесто Че Гевары Рыцарь революции. — Огонек*, 1978, № 25, с. 6,

¹⁶ *Очерки истории Кубы. М.*, 1978, с. 461—463.

¹⁷ *Revolucion*, 1962, 2 nov,

¹⁸ Ibid., 1962, 10 nov.

¹⁹ Ibid., 1963, 2 ag.

²⁰ Правда, 1981, 25 февр.

²¹ Известия, 1964, 12 нояб. Первую и заключительную фразу Че произнес по-русски.

²² Федоренко Н. Краски Босфора. — Иностран. лит., 1976, № 12, с. 225—226.

Мирное строительство

Даже после победы революции идея построения на Кубе социалистического общества казалась многим чем-то весьма далеким. Но когда в 1961 г. все средства производства оказались в руках государства, на повестку дня со всей остротой встал вопрос о необходимости использовать их для построения нового общества. Дело осложнялось тем, что в силу особых условий развития революции на Кубе у ее авангарда—революционных организаций, осуществлявших руководство революционным процессом, поначалу отсутствовала согласованная программа построения социализма. Эта программа складывалась фактически по ходу социальных преобразований, под влиянием ведущих деятелей революции. Первое слово в этом вопросе, как и во всех остальных, принадлежало Фиделю Кастро. Вторым человеком, оказавшим наибольшее влияние на социально-экономическую политику революции, несомненно, был Эрнесто Че Гевара, занимавший ключевые посты — сперва президента Национального банка, а затем министра промышленности.

Руководители революции во главе с Фиделем Кастро стремились, осуществляя коренные социальные преобразования, освободить свою родину от гнета иностранного капитала, искоренить капиталистическую эксплуатацию, характерные для правящих кругов коррупцию, алчность и распущенность нравов, просветить кубинский народ, пробудить в нем патриотизм, веру в свои силы, чувство солидарности с угнетенными всего мира, поднять уровень жизни трудящихся. Этих перемен ждали широкие народные массы, рабочие, крестьяне.

Но новая, справедливая, свободная жизнь без эксплуататоров и эксплуатируемых означала социализм. И когда Фидель Кастро в апреле 1961 г., накануне вторжения американских наемников, заявил, что революция взяла курс на социализм, кубинский народ без колебаний поддержал своего вожда.

Однако одно дело социализм как идеал, другое дело — конкретная форма его воплощения. Ведь социализм предстояло строить в стране, зажиточные слои которой широко пользовались последними достижениями технического прогресса в потребительской сфере — новейшими марками автомобилей, телевизорами, холодильниками, и в то же время страна не имела ни своих инженеров, ни техников, ни химиков, ни металлургов, как не было у нее и собственной развитой промышленности. Дореволюционная Куба была всего лишь сырьевым придатком своего богатого соседа. Кубинское сырье, — сахар, табак, минералы, фрукты — вывозилось в США, откуда поступали на остров готовые изделия. Обеспеченный кубинец был одет в американский костюм, носил американские ботинки, шляпу, рубашки, галстуки, ел американские консервы, пил американские соки и спиртные напитки, спал на американском матрасе, смотрел американское телевидение по американскому телевизору, разъезжал в американских автомашинах. Кубинские поля обрабатывались американскими тракторами, которые, как и автомашины, питались американским бензином, даже книги кубинец читал в основном американских авторов.

Возникал невольно вопрос: если все это американское отобрать, если США перестанут покупать сахар и продавать нефть, ширпотреб и прочие товары, устоит ли Куба, сможет ли она заполнить образовавшийся вакуум нужными ей товарами? Тем более что предстояло обеспечить всех трудящихся, а не только горстку привилегированных эксплуататоров; что надо было строить жилье, школы, больницы, ясли и сделать тысячу других маленьких и больших дел.

Че был уверен, что все это возможно при условии, если революционная Куба пойдет по пути индустриализации и плановой экономики, развития многоотраслевого сельского хозяйства и активного участия трудящихся в строительстве нового общества. Их энергия, бескорыстие и самопожертвование, по мнению Че, могли сотворить чудеса, как показывала история социалистического строительства в Советском Союзе.

Эта нелегкая задача, по глубокому убеждению Че, под силу кубинскому народу, совершившему революцию и обретшему могущественного союзника и друга в лице СССР.

Че готовился к строительству нового общества с первых дней победы революции. В департаменте индустриализации в ИНРА по его указанию был организован отдел по изучению сырьевых ресурсов страны и планированию развития основных отраслей кубинской промышленности. В этом отделе имелись секторы электроэнергетики и горючего, металлургической и машиностроительной промышленности, сахарной промышленности и производных от нее, химической промышленности, минерального сырья, промышленности сельскохозяйственных продуктов.

Предварительные подсчеты показывали, что Куба может весьма успешно развивать свою экономику на социалистических началах. Че, однако, понимал, что это нелегкая задача, хотя бы уже потому, что ее придется осуществлять почти при полном отсутствии подготовленных для этого кадров и в условиях непрекращающегося саботажа и подрывных действий со стороны правящих кругов США.

Еще в документе «Задачи индустриализации», подготовленном им в 1961 г., Че писал, что непременным условием освобождения Кубы от империалистического гнета является максимальное развитие промышленного производства, в том числе товаров массового потребления — продовольствия, одежды и т. п., а также производства сырья, необходимого для их выработки. Этому взгляду Че придерживался всегда. В одном из своих выступлений в мае 1964 г. он подчеркивал, что «строительство социализма осуществляется путем производства все большего числа и все лучшего качества товаров, необходимых народу. Социализм — это не абстрактное понятие, социализм непосредственно связан с благосостоянием народа»¹.

О задачах социалистического строительства на Кубе у Че было вполне ясное и четкое представление. Че правильно считал, что предварительным условием социалистического строительства было лишение эксплуататоров их рычагов власти — средств производства. И в этом вопросе Че сыграл первостепенную роль. Будучи президентом Национального банка Кубы, он осуществил национализацию всех банков и переход всех валютных фондов под контроль государства. Таким образом, в результате концентрации в руках государства всех валютных и финансовых фондов и операций революция стала контролировать деятельность промышленных и торговых предприятий. Затем путем создания Банка внешней торговли, учрежденного по инициативе Че, все внешнеторговые операции также перешли под контроль государства.

Одновременно с этими мероприятиями и осуществлением аграрной реформы, подорвавшей власть латифундистов и иностранных монополий, владевших многими сахарными плантациями, в руки государства стали переходить предприятия, являвшиеся незаконно нажитой собственностью ближайшего окружения Батисты. Эти предприятия поступали в распоряжение промышленного департамента ИНРА, руководимого Че. Промышленный департамент был создан с целью переработки

сельскохозяйственного сырья, однако по мере того как в его распоряжение поступали национализированные предприятия, функции его все более расширялись.

2 января 1961 г. правительство США порвало дипломатические и фактически экономические отношения с Кубой, взяв курс на насильственное свержение революционного правительства путем разворачивания подрывных действий и подготовки вторжения наемников. Разрыв дипломатических отношений и враждебная деятельность США привели к тому, что вся собственность американских монополий на острове была экспроприрована. В феврале того же года промышленный департамент ИНРА был преобразован в министерство промышленности. Одновременно был создан Центральный совет по планированию. В апреле произошло вторжение наемников на Плайя-Хирон, которому предшествовало провозглашение Фиделем Кастро социалистической направленности Кубинской революции. После разгрома наемников последовала национализация всех крупных частных промышленных и торговых предприятий. Этот процесс в основном был закончен к концу 1962 г.

Че отдавал себе отчет в слабостях и трудностях первых лет социалистического строительства на Кубе. Одной из важнейших задач этого периода он считал профессиональное, экономическое и политическое обучение руководящего и среднего звена хозяйственников, причем он и его заместители подавали тому пример, регулярно посещая лекции по политэкономии, проблемам планирования и другим дисциплинам.

Че был инициатором социалистического соревнования на Кубе, которому он придавал огромное значение не только потому, что видел в нем источник повышения производительности труда, но и потому, что система соревнования способствовала формированию нового человека, нового типа трудящегося на Кубе, живущего интересами коллектива.

Столь же большое значение придавал Че добровольному безвозмездному труду в неслужебное время. Че считал, что добровольный труд на благо общества способствует поднятию революционной сознательности, является элементом новой, социалистической морали. Причем Че считал очень важным участие в добровольном труде, особенно в рубке сахарного тростника, руководящих работников. Ведь на Кубе при старом строе чиновник считался чуть ли не человеком особой породы, он смотрел на тружеников свысока, полагал себя их благодетелем, хотя, как правило, обкрадывал и обманывал их. Теперь же сахарные плантации и заводы принадлежали народу. Революционные чиновники — это уже слуги народа без кавычек. Их участие в рубке тростника, в физическом труде способствует смычке управленческого аппарата с сельскохозяйственными трудящимися. Как всегда, Че подавал личный пример, участвуя в рубке тростника, разгрузке пароходов, очистке заводских территорий, в строительстве жилых зданий. В августе 1964 г. он получил грамоту «Ударник коммунистического труда» за выработку 240 часов добровольного труда в квартал.

Че требовал от руководящих работников компетентности, знаний, ответственности, умения прислушиваться к мнению подчиненных, а кроме того самопожертвования, скромности в быту, бескорыстия. Высшей наградой такому работнику должны были служить не дополнительные материальные блага, не почести или особые знаки отличия, а сознание исполненного революционного долга.

Для роста производительности труда следовало совершенствовать систему управления и планирования, повышать профессиональные знания рабочих. Это не вызывало у Че сомнений. Он также признавал, что материальные стимулы играют весьма существенную роль в поднятии производительности труда, однако предпочтение отдавал моральным. Че считал, что материальные стимулы способствуют развитию частнособственнических настроений, что трудящиеся должны работать на совесть, не из соображений материальной выгоды, а из сознательного стремления способствовать всеобщему благу.

Под стимулами Че понимал не только почетные грамоты и звания ударников и передовиков производства, но и такие формы поощрения, как направление на учебу,

после окончания которой рабочий получал повышение разряда; предложение вступить в ряды партии, получить звание коммуниста.

Вопрос о моральных и материальных стимулах неоднократно дебатировался на совещаниях в министерстве промышленности.

Коммунистическая партия Кубы считает, что отношение Че к общественно-полезному труду, его высокие этические, моральные принципы, основанные на марксистско-ленинском учении, имеют большое воспитательное значение и в нынешней обстановке. В газете «Гранма» и сегодня можно встретить статьи под знаменательной рубрикой: «Этические принципы Эрнесто Че Гевары». В них излагаются, исходя из высказываний Че, взгляды компартии Кубы о новом человеке социалистической формации, коммунистической морали, повседневной работе, скромности революционных руководителей, о роли труда в социалистическом строительстве².

Че неоднократно говорил о борцах за кубинскую независимость — поэте Хосе Марти и генерале Антонио Масео, призывая кубинцев следовать примеру этих патриотов, бескорыстно служивших народу и отдавших за него свою жизнь.

Учитывая географическую близость революционной Кубы к Соединенным Штатам, где господствует культ доллара, стяжательства, наживы, который американская пропаганда пытается навязать и другим странам, Че стремился привить трудящимся Кубы, строящим социализм, идеалы самопожертвования, бескорыстия, классовой, интернациональной солидарности.

Развитие социалистической промышленности на Кубе наталкивалось на трудности различного характера: отсутствие опыта социалистического хозяйствования у ведущих кадров министерства промышленности и у многих новых директоров заводов и фабрик — их преданность революции не всегда сочеталась с профессиональными знаниями; текучесть кадров; ошибки в планировании и отсутствие на первых порах перспективного планирования и финансовой дисциплины; местничество; перебои с поставками из-за рубежа оборудования и сырья; прогулы на предприятиях; беспечное отношение некоторых хозяйственников к выполнению своих задач. Че был убежден, что все эти трудности преодолимы, что кубинские революционеры, трудящиеся постигнут науку социалистического хозяйствования, хотя и понимал, что эта задача не из легких, а может быть, даже одна из самых трудных после завоевания власти. Он рассчитывал, что преодолению этих трудностей будет способствовать развитие наиболее перспективных в условиях Кубы отраслей промышленности — металлургии, судостроения, электроники и различных видов сахарного производства. Для успешного продвижения вперед в этом направлении Че считал необходимым, с одной стороны, располагать помощью Советского Союза и других социалистических стран, а с другой — развивать на Кубе научно-технические организации, соответствующие стандартам НТР. Согласно этим критериям начиная с 1960 г. по инициативе Че, действовавшего с одобрения Фиделя Кастро, Куба закупает у СССР ряд индустриальных комплексов, крайне нужных ей, и советские специалисты помогают кубинцам наладить деятельность учреждений, готовящих необходимые для использования указанных комплексов кадры.

Советский Союз оказал существенную помощь в расширении металлургического производства на Кубе. Так, предприятие «Хосе Марти», производившее в 1959 г. 30 тыс. метрических тонн металлических изделий со временем стало производить в год 650 тыс. т стальных изделий, удвоилась добыча никеля, возросло производство электроэнергии, на острове был построен и начал давать продукцию мощный комбинат по производству сахароуборочных комбайнов и т. д.

При участии Че в его бытность министром промышленности были созданы Кубинский институт развития машиностроения, Управление по нормативам, метрологии и контролю за качеством, Центр научной информации, Институт исследований производных от сахарного тростника, Институт минеральных ресурсов,

Организация по усовершенствованию сахарного производства, Центр индустриальной автоматизации. Тогда же стали издаваться на Кубе научно-технические журналы «Наша промышленность», «Наша технологическая промышленность», «Наша экономическая промышленность».

Все это вместе взятое позволяет назвать Че одним из зачинателей НТР на Кубе³.

Че разъяснял своим сотрудникам значение учета, призывал их блюсти интересы государства, соблюдать экономию средств, не разбазаривать народное добро.

На заседаниях коллегии министерства промышленности, на совещаниях директоров предприятий Че терпеливо анализировал ошибки, недостатки, промахи не только отдельных руководителей, но и свои собственные, намечая пути их преодоления, учил самокритике, сам подавая в этом пример. Он был беспощаден к себе; как всегда, прежде всего к себе он предъявлял наиболее жесткие требования, неоднократно критикуя себя за неровный характер, неумение выделить из массы проблем наиболее важные, требующие в первую очередь решения, отмечая, что не всегда ему удавалось наладить действенную проверку исполнения принятых решений.

Критикуя недостатки своих сотрудников, он бывал подчас резок и прямолинеен, но виновные не обижались на него — редко кто оспаривал справедливость и обоснованность его замечаний. Че не просто критиковал, он всегда стремился помочь выяснить причину недостатков и найти пути их преодоления.

На руководимых им совещаниях и заседаниях царила атмосфера подлинно революционного демократизма. Любой из присутствующих мог возразить и поспорить с майором Геварой, не опасаясь вызвать его неудовольствие. Более того, он сам вызывал присутствующих на споры, что позволяло ему лучше объяснить, обосновать свою точку зрения.

Сам он и по его распоряжению его заместители и начальники управлений периодически посещали предприятия, знакомились с их работой, с их нуждами и трудностями. Принимая участие в добровольном труде на различных предприятиях, Че общался в рабочей обстановке с трудящимися, беседовал с ними на самые разнообразные темы, отвечал на их вопросы и много полезного черпал для себя во время этих встреч.

Большое внимание уделял Че пропаганде экономических и технических знаний, часто выступал в печати и перед трудящимися, разъясняя животрепещущие вопросы экономического строительства. Он интересовался научно-техническими открытиями, их применением в народном хозяйстве.

Он мечтал об электропике, автоматике, атомных электростанциях для Кубы. Он заражал своим энтузиазмом окружающих.

Че руководил социалистическими преобразованиями в промышленности Кубы в течение четырех лет. За это время была полностью ликвидирована частная собственность на средства производства. Прекратилась эксплуатация трудящихся. Страна перешла к плановой экономике. Исчезла хроническая безработица, этот бич трудящихся дореволюционной Кубы. Повысилась сознательность трудящихся. Тысячи рабочих стали передовиками труда, включились в социалистическое соревнование. Американские империалисты надеялись на провал кубинского «эксперимента», на то, что кубинские рабочие не справятся без их участия с управлением промышленностью. Но кубинская социалистическая промышленность из мечты стала явью, вопреки мрачным прогнозам кубинологов из различных американских «фондов». И в том, что это произошло, большая заслуга Коммунистической партии Кубы, в частности Че, под непосредственным руководством которого осуществлялся сложный и трудный переход с рельсов капиталистического производства на рельсы социалистического строительства.

Отмечая достижения революционной Кубы в развитии социалистической промышленности, Че указывал в статье, опубликованной в октябре 1964 г. в английском журнале «Интернэшнл аффэрс», что успехи могли бы быть большими,

если бы не серьезные ошибки, допущенные в результате отсутствия опыта и знаний. Одна из этих ошибок заключалась в том, что, стремясь заполнить возникшую из-за американской экономической блокады брешь, кубинское правительство закупило за рубежом большое число машин, а в некоторых случаях и целые фабрики, причем многие из них за валюту, а те по целому ряду причин не дали ожидаемого от них экономического эффекта. Не учитывалось, в частности, отсутствие на Кубе необходимых видов сырья для этих фабрик, отсутствие запчастей и местных специалистов. В других случаях купленные за рубежом станки и технологическое оборудование оказывались устаревших образцов.

Несмотря на недостатки и трудности, уровень промышленного производства на Кубе вырос в 1963 г. в сравнении с предыдущим годом на 6%. Это был несомненный успех. Но главным Че считал не столько экономические успехи, сколько появление на Кубе нового человека, преданного идеалам революции и действующего согласно ее моральным нормам. «Облик его еще окончательно не сложился, так как процесс его формирования идет параллельно процессу развития новых экономических отношений, — писал Че в марте 1965 г. редактору уругвайского журнала «Марча». — Не будем говорить о тех, кого неправильное воспитание толкает на путь эгоистических интересов, есть и такие люди, которые на фоне всеобщего движения вперед ищут особые индивидуальные тропы, отрываются от масс, хотя сочувствуют им. Важным является то, что люди с каждым днем все яснее осознают необходимость своего приобщения к общественным интересам и, с другой стороны, свою роль в качестве общественной движущей силы... Они идут уже не в одиночестве по нехоженным тропам к достижению своих далеких целей. Они следуют за авангардом — за партией, передовыми рабочими, передовыми людьми, идущими в тесном единении с массами. Люди переднего края пристально смотрят в будущее, думая о том хорошем, что оно принесет, но оно не представляется им чем-то личным. Наградой им будет новое общество людей с новыми чертами характера, общество людей-коммунистов»⁴.

¹ Che en la Revolucion cubana. La Habana, s. f., vol. 1, p. 463.

² См., напр.: Grannia, 1982, 3, 22 junio; 8, 10, 18 sept., 7 oct.

³ Saenz T. W.; Garcia Capote E. Ernesto Che Guevara y el progreso científico-técnico en Cuba. La Habana, 1980.

⁴ Che Guevara E. Obras, 1957-1967. La Habana, 1970, t. 2, p. 373—374.

Тревога

Развитие и закрепление успехов революции постоянно осложнялось враждебными действиями против острова Свободы со стороны североамериканских империалистов. С момента победы революции в январе 1959 г. ни на минуту не прекращались агрессивные акты правящих кругов США против Кубы. Саботаж, шпионаж, бомбардировки, пиратские нападения на населенные пункты, террористические акты, угон самолетов, организация покушений на Фиделя Кастро и других вождей революции, создание диверсионных банд, вторжение наемников, экономическая блокада и попытки политической изоляции в Латинской Америке — все было сделано правящими кругами США, чтобы задушить Кубинскую революцию, чтобы доказать, что социализм не «сработал» на американской почве. В этом отношении Куба походила на Вьетнам. Правда, Куба не стала жертвой прямой агрессии, если не считать вторжения наемников на Плайя-Хирон, зато тайная война, которая велась против нее с самого начала ее существования, не прекращается с поныне.

Если президент Эйзенхауэр и братья Даллесы, правившие за его спиной (Джон

Фостер возглавлял государственный департамент, Аллан — ЦРУ), стремились покончить с революционной Кубой путем организации саботажа, диверсий и подготавливаемого ими вторжения наемников, то их соперник Джон Ф. Кеннеди придерживался несколько иного мнения на этот счет. Кеннеди считал, что Соединенные Штаты могут задержать развитие революционного процесса в Латинской Америке не только применением силы, но и путем ослабления растущей там социальной напряженности — за счет расширения капиталовложений и осуществления реформ, ускоряющих развитие капитализма в этих странах. Так родилась идея, по меткому выражению генерального секретаря Коммунистической партии Уругвая Роднея Арисменди, надеть на контрреволюцию красный берет. Эта идея нашла свое воплощение в создании «Союза ради прогресса», который, как утверждала американская пропаганда, должен был открыть новую эру во взаимоотношениях Вашингтона и Латинской Америки. Соединенные Штаты, нещадно грабившие до этого своих южных соседей, теперь обещали предоставить им через «Союз ради прогресса» на нужды развития 20 млрд. долл. из расчета 2 млрд. в год. Всего лишь за полтора года до этого Фидель Кастро на конференции американских стран в Буэнос-Айресе говорил о необходимости предоставления этим странам на нужды развития 30 млрд. долл. Тогда эта цифра многим казалась фантастической. Теперь Соединенные Штаты готовы были «пожертвовать», правда не 30, а 20 млрд., чтобы только поставить заслон для народной антиимпериалистической революции на континенте, надеясь втайне, что вложение этих миллиардов расширит рынки Латинской Америки для их товаров и откроет монополиям дорогу для прибыльных капиталовложений. Но жизнь внесла вскоре свои коррективы в эти планы, коррективы, не совсем совпадавшие с намерениями и надеждами магнатов Уолл-стрита.

После победы на выборах президент Кеннеди в марте 1961 г. объявил латиноамериканским послам в США о планах новой американской администрации по созданию «Союза ради прогресса». Президент США призвал правительства и народы Западного полушария присоединиться к Вашингтону в этом «широком усилии, не имеющем параллели по своим грандиозным масштабам и благородству цели, направленном на удовлетворение основных потребностей народов Америки в домах, работе, земле, здравоохранении и просвещении».

Публично протягивая оливковую ветвь Латинской Америке, президент Кеннеди втайне продолжал подготовку намеченных еще Эйзенхауэром и братьями Даллесами планов вторжения наемников на Кубу, полагая, что задуманная им под вывеской «Союза ради прогресса» акция только выиграет, если удастся покончить с революцией на Кубе.

Кубинское правительство, хотя и не питало никаких иллюзий в отношении империалистической сущности правительства Кеннеди, все же надеялось, что новый президент проявит большее благоразумие по сравнению со своим предшественником и откажется от планировавшейся авантюры. Кубинское правительство не намеревалось обострять отношения с новым президентом США. Оно стремилось только к одному: чтобы Соединенные Штаты уважали суверенитет Кубы и не вмешивались в ее внутренние дела. В день вступления Кеннеди в должность президента по распоряжению Фиделя Кастро была проведена на Кубе частичная демобилизация вооруженных сил. Этот примирительный жест остался без ответа.

На совести правящих кругов Соединенных Штатов — десятки интервенций и переворотов в Латинской Америке. И всегда им сопутствовал успех, и всегда их преступления сходили им с рук. Однако на Кубе они потерпели сокрушительное поражение.

17 апреля 1961 г. на Плайя-Хирон вторглись американские наемники. Три дня спустя 1200 оставшихся в живых наймитов сдались кубинским войскам. Надежды Кеннеди покончить одним ударом с революцией Фиделя Кастро развеялись как дым.

«До событий 1961 г., до Плайя-Хирон, — отмечает Рауль Вальдес Виво, —

Кубинская революция нередко воспринималась лишь как громкий вызов могуществу Соединенных Штатов. Даже в представлении некоторых революционеров она была кометой, но не надолго взошедшей на мировом небосклоне. Порой задавали вопрос: как долго продержится революция? Реакционеры же высокомерно утверждали:

„Терпению дяди Сэма скоро придет конец, и тогда...". Только самые дальновидные увидели в нашей революции звезду, которая зажглась, чтобы не погаснуть.

После Плайя-Хирон стало ошутимее понимание того, что Кубинской революции, одному из замечательных социальных переворотов в истории человечества, суждено жить. Больше того, кубинский пример вновь подтвердил: подобно тому как никто не может погасить Солнце или привести в состояние абсолютного покоя океаны, никто не в силах остановить историю. Она рано или поздно наносит сокрушительный удар каждому, кто пытается задержать ее ход и повернуть вспять. Никакие временные отступления и неудачи, испытываемые революционерами в борьбе за правое дело, не в силах опровергнуть истины, что империализм исторически обречен.

Этот главный урок Кубинской революции, без сомнения, приобрел особое значение для Центральной и Латинской Америки¹.

После позорного поражения на Плайя-Хирон ЦРУ продолжало засылать на остров Свободы диверсантов и саботажников, но президенту США не оставалось ничего иного, как окончательно переключиться на создание «Союза ради прогресса». Рождение этого органа должно было произойти на специальной сессии Межамериканского социального и экономического совета при Организации американских государств (ОАГ), созванной в августе 1961 г. в Пунта-дель-Эсте (Уругвай).

Кубинское правительство даже после вторжения наемников не стремилось к обострению отношений с Соединенными Штатами, наоборот, оно надеялось, что исход акции на Плайя-Хирон заставит Кеннеди занять более трезвую позицию по отношению к Кубе. Придерживаясь этого курса, кубинское правительство приняло приглашение участвовать в конференции в Пунта-дель-Эсте и назначило главой делегации Кубы Эрнесто Че Гевару, министра промышленности и фактического руководителя экономики страны.

Участие Че в конференции стало сенсацией номер один в странах Латинской Америки. Это было его первое появление на континенте после победы Кубинской революции. Тысячи трудящихся восторженно приветствовали Че на аэродроме «Карраско» близ Монтевидео. На всем пути от аэродрома до Пунта-дель-Эсте ему аплодировали уругвайцы. Только одному из участников конференции — Че население оказало такой восторженный прием. Народ приветствовал в его лице Кубинскую революцию. Приезд главы американской делегации банкира и миллионера Диллона, министра финансов США, прошел почти незамеченным, никто не обратил особого внимания на делегации других латиноамериканских республик. В центре внимания был Че, представитель Кубинской революции, победа которой породила конференцию в Пунта-дель-Эсте.

Че прилетел в Уругвай в своей обычной форме майора Повстанческой армии. Руководитель кубинской делегации заявил, что она не только не намерена препятствовать работе конференции, но, наоборот, будет сотрудничать с другими делегациями в поисках наиболее благоприятных путей экономического развития и обеспечения экономической независимости стран Латинской Америки. В доказательство доброй воли кубинская делегация представила на рассмотрение собравшихся 29 различных проектов постановлений, охватывающих широкий круг вопросов, связанных с проблематикой конференции.

Большинство из этих предложений Кубы, писал Че в статье «Куба и „план Кеннеди"», опубликованной в журнале «Проблемы мира и социализма», просто отвергнуть было невозможно, так как они предусматривали содействие развитию экономики латиноамериканских стран. Поэтому в ходе работы комиссий и комитетов

противникам этих проектов срочно пришлось разрабатывать контрпредложения, которые они затем соединяли с кубинскими предложениями, выхолащивая, таким образом, из последних их суть. Все же за время работы конференции кубинской делегации удалось кое-чего добиться: стало заметно, по словам Че, что делегаты разговаривают другим языком, отличным от того, который всегда был принят на подобных мероприятиях.

На конференции три делегации — Бразилии, Эквадора и Боливии — заняли благожелательную позицию по отношению к Кубе.

В вышеупомянутой статье Че особо выделил позицию Боливии. Боливия, писал он, «это расположенная почти в центре континента страна буржуазно-демократической революции, терзаемая капиталистическими монополиями соседних стран и почти удушенная в конце концов общим для наших стран угнетателем — североамериканским империализмом. Ее основное население составляют рабочие-горняки и крестьяне, находящиеся под бременем тяжелой эксплуатации».

Деятельность боливийской делегации в Пунта-дель-Эсто Че оценивал следующим образом: «Если не говорить о плане кубинской делегации, то из всех делегаций именно боливийская представила наиболее конкретный экономический план и в общем занимала довольно положительную позицию. На специфическом языке, языке лицемерия, который употребляется на подобного рода сессиях, боливийских представителей называли «двоюродными братьями Кубы»².

Не исключено, что контакты Че и других членов кубинской делегации с их боливийскими «двоюродными братьями» на конференции в Пунта-дель-Эсте оказали влияние на последующее решение Гевары избрать Боливию в качестве плацдарма для партизанских действий в Латинской Америке.

Че дважды выступал на пленарных заседаниях конференции. Он разоблачал агрессивные действия правящих кругов США, их стремление путем «Союза ради прогресса» политически изолировать Кубу, ибо на американские миллионы могли рассчитывать только правительства, следующие антикубинскому курсу Вашингтона. Он доказывал, что «Союз ради прогресса» будет способствовать развитию второстепенных отраслей народного хозяйства, что его цель сделать Латинскую Америку не более свободной, а еще более зависимой от американских монополий. В то же время Че указывал, что Куба вовсе не желает препятствовать латиноамериканским странам использовать даже те ограниченные и весьма сомнительные возможности развития, которые сулит им участие в «Союзе ради прогресса».

«Со всей откровенностью кубинская делегация заявляет вам, — сказал Че 8 августа, — что мы желаем, не меняя своего естества, оставаться в семье латиноамериканских республик, сосуществовать с вами. Мы хотели бы, чтобы вы развивались, если возможно, такими же темпами, что и мы, но мы не будем сопротивляться, если ваш рост пойдет другими темпами. Мы только требуем гарантий неприкосновенности наших границ»³.

Разумеется, продолжал Че, если не будут осуществлены социальные преобразования, то примеру Кубы последуют другие страны, и тогда сбудется предсказание Фиделя Кастро: «Кордильеры Анд превратятся в Сьерра-Маэстру Америки».

Аналогичной позиции придерживалась кубинская делегация и на заключительном заседании конференции 16 августа. Вот как сам Че излагает сложившуюся там ситуацию:

«На последнем пленарном заседании конференции кубинская делегация воздержалась от голосования по всем выработанным документам и выступила с объяснением своей позиции. Мы объяснили, что Куба не согласна ни с „денежной“ политикой, ни с принципом свободного предпринимательства, ни с тем, что в окончательных документах нет слов, осуждающих виновников наших несчастий — империалистические монополии, нет осуждения агрессии. Кроме того, на все вопросы

нашей делегации, может ли Куба принимать участие или нет в „Союзе ради прогресса“, ответом было молчание, которое мы истолковываем как отрицательный ответ. Вполне понятно, что мы не могли участвовать в союзе, который ничего не дает для нашего народа»⁴.

Все же в одном из подпунктов итогового документа конференции упоминалось наличие в Латинской Америке наряду со странами «свободного предпринимательства», т. е. буржуазными, стран, в которых «свободное предпринимательство» отменено. «Кубинская делегация, — писал Че, — зачитала этот параграф, заявив, что это победа идеи мирного сосуществования, выражающей возможность сосуществования двух различных социальных систем, и отметила его принятие как один из положительных результатов работы конференции». Однако позже американский делегат резко выступил против этого положения, заявив о непризнании кубинского правительства.

Несмотря на это, кубинская сторона сочла возможным пойти еще дальше. Че встретился с одним из членов американской делегации, Ричардом Н. Гудвином, входившим в ближайшее окружение президента Джона Ф. Кеннеди.

Выступая после конференции в Пунта-дель-Эсте по гаванскому телевидению, Че рассказал, что он заявил Гудвину следующее: Куба готова вступить с Соединенными Штатами в переговоры по урегулированию взаимных отношений и не заинтересована в борьбе с США, хотя и не боится вести такую борьбу в любой форме; Куба желает остаться в латиноамериканской системе, считает себя связанной культурными традициями с континентом. «Мы требуем, — говорил Че Гудвину, — признать наше право на принадлежность к Латинской Америке или к Организации американских государств с собственной социальной и экономической системой и признать наше абсолютное право на дружбу с любой страной в мире»⁵. Гудвин ограничился тем, что выслушал своего собеседника и обещал сообщить президенту Кеннеди его высказывания.

Встреча Че с Гудвином по-разному комментировалась в латиноамериканской печати. Многие наблюдатели были склонны думать, что встреча откроет путь к достижению определенного «модуса вивенди» между США и Кубой. В действительности же США вовсе не были заинтересованы в достижении какого-либо разумного соглашения с островом Свободы. Они готовы были «простить» Кубу, но при одном условии: если она откажется от советской помощи, если она станет на антисоветские позиции, а точнее, на колени и запросит у янки пощады.

18 августа, получив личное приглашение президента Аргентины Артуро Фрондиси посетить его, Че вылетел в Буэнос-Айрес. Фрондиси был весьма противоречивой политической фигурой. На протяжении многих лет он выступал с прогрессивных позиций, однако после избрания президентом поддался давлению реакционных армейских кругов и американского посольства и вместо осуществления обещанных реформ стал преследовать коммунистов и потворствовать еще большему проникновению американских монополий в экономику Аргентины. Он даже разорвал дипломатические отношения с революционной Кубой. Но реакционные армейские круги продолжали относиться к нему с недоверием.

Встреча с Фрондиси носила секретный характер. Че пробыл в Буэнос-Айресе всего лишь несколько часов. Узнав об этой встрече, аргентинский министр иностранных дел в знак протеста тот час же подал в отставку. Пришли в раж и реакционные генералы, и, если бы Че задержался в Буэнос-Айресе несколько дольше, не исключено, что они арестовали бы его, а вместе с ним и самого Фрондиси.

Организуя встречу, Фрондиси надеялся, что ему удастся убедить своего соотечественника в том, чтобы Куба покинула «советский блок». Если бы Фрондиси сумел перетянуть на сторону США революционную Кубу, то Вашингтон в благодарность держал бы его в президентском кресле. Игра стоила свеч, стоила риска. И Фрондиси на него пошел.

Че принял предложение Фрондиси, исходя совсем из других соображений. Он не только не чурался контактов с латиноамериканскими деятелями любой политической ориентации, но приветствовал их. В Уругвае он был принят президентом Аэдо. Такие контакты подрывали американскую политику изоляции революционной Кубы. Кроме того, Че, конечно, не терпелось взглянуть на свою родину, посмотреть, во многом ли она изменилась с тех пор, как он покинул ее 10 лет назад.

Че не оправдал надежд Фрондиси. Он говорил аргентинскому президенту то же, что уже сказал североамериканскому сенатору.

По дороге из Монтевидео в Гавану Че предстояла встреча еще с одним президентом — Жанио Куадросом, который возглавлял Бразилию, самую крупную латиноамериканскую страну. Куадрос, в отличие от Фрондиси, проявлял большую самостоятельность по отношению к Соединенным Штатам и вовсе не скрывал своих симпатий к революционной Кубе, чем вызывал ярость местных реакционеров и недовольство правящих кругов Вашингтона. В пику им Куадрос с большой теплотой встретил Че в новой столице Бразилии и наградил его высшим бразильским орденом «Крузейро ду Сул».

Конференция в Пунта-дель-Эсте показала, что даже среди правящих кругов латиноамериканских стран некоторые отказывались идти на поводу у Вашингтона, у многих революционная Куба вызывала симпатию и даже восхищение. В свою очередь, Соединенные Штаты намеревались продолжать «теснить» Кубу и впредь, создавая ей всякого рода трудности.

Прошло некоторое время, и положение на Американском континенте еще более осложнилось, причем не в пользу национально-освободительных сил и революционной Кубы. Президент Фрондиси был свергнут военными, президент Куадрос подал в отставку, не выдержав давления реакционных сил.

Куба была исключена из Организации американских государств, хотя против этого возражали Уругвай, Боливия, Чили и Мексика. Но вскоре правительства и этих стран, за исключением Мексики, разорвали с Кубой дипломатические и экономические отношения. Все это делалось под нажимом Вашингтона, который угрожал строптивых лишить миллиардов «Союза ради прогресса». Тогда еще никто не знал, что эти миллиарды превратятся на практике в жалкие крохи, что затея с «Союзом ради прогресса» провалится, как и предшествующие ей планы и проекты обновления, помощи и развития латиноамериканских стран.

Карибский кризис 1962 г., в свою очередь, показал, что Соединенные Штаты не только не стремятся урегулировать отношения с Кубой на основе равноправия и взаимного уважения, а, наоборот, готовы даже пойти на риск мирового ядерного конфликта, лишь бы стереть с лица земли Кубинскую революцию.

18 августа 1964 г. государственный секретарь США Дин Раск цинично заявил, что нет никаких оснований ожидать улучшения отношений между США и революционной Кубой, которая якобы угрожает Западному полушарию. Это заявление Раска подтверждало, что правящие круги Соединенных Штатов после убийства осенью 1963 г. президента Кеннеди вновь ожесточили свой курс по отношению к Кубе. Основной задачей Вашингтона в Латинской Америке стало любыми средствами не допустить появления «второй Кубы».

Революционная Куба не могла пассивно ждать изменений в политике США. Ее надеждой стала грядущая антиимпериалистическая революция на Латиноамериканском континенте. Основания для такой надежды имелись. Ведь сама победа Кубинской революции предвещала континентальную революцию. «Победа на Кубе, — писал Генеральный секретарь Коммунистической партии Уругвая Родней Арисменди вскоре после прихода к власти Фиделя Кастро, — имеет непреходящее значение для всего нашего континента, она собрала в один узел и обострила все противоречия, от которых забеременело национально-освободительной революцией огромное чрево Латинской Америки».

Единство нашей революции определяется исторической и географической общностью наших народов, которая особенно ярко выражается в некоторых районах. Эта общность еще теснее сплачивает освободительные движения отдельных государств. Народы никогда не стояли в стороне от событий, происходящих в том или ином государстве. Об этом свидетельствует опыт Гватемалы (1954 год), а в настоящее время пример Кубы. Кубинцы правильно говорят: „Революция сейчас говорит по-испански"»⁶.

Это открыто признавали и буржуазные исследователи. Под символическим названием «Ветры революции. Латинская Америка сегодня и завтра» выпустил в 1965 г. книгу известный американский специалист по этому региону Тэд Шульц. Он писал: «Революционная тема, звучащая в некоторых местах, подобно призывной трубе, в других пока еле слышная, приглушенная, почти неосознанная, является доминирующим мотивом среди беспокойных, страдающих от нищеты, мечущихся и быстро растущих масс Латинской Америки в этом решающем десятилетии»⁷. Революционные течения в Латинской Америке, отмечал Шульц, пока что не приняли столь угрожающего для США характера, как это случилось на Кубе. Во многих случаях они развиваются более спокойно и скрыто, принимая, например, формы резкого выраженного национализма, нейтрализма и оппозиции к североамериканскому экономическому и политическому присутствию и влиянию. Но какими бы ни были их формы, эти течения представляют собой величайший вызов Соединенным Штатам.

О социальной революции заговорили даже церковники. Колумбийский священник Камило Торрес порвал с церковью, вступил в партизанский отряд и погиб в одном из боев с правительственными войсками. «Мятежные» церковники появились и в других странах Латинской Америки.

Революционная Куба в условиях непрекращающихся агрессивных действий против нее со стороны Соединенных Штатов не могла оставаться сторонним наблюдателем революционного процесса в Западном полушарии. Исчерпав возможности мирного урегулирования спорных вопросов, Куба пришла к выводу, что только развитие антиимпериалистического движения на континенте сможет сдержать неистовствовавших у ее берегов американских империалистов.

В этих условиях Че ясно представлял себе, что он, прошедший в поисках революции длинный путь от аргентинской пампы до Сьерра-Маэстры, не может оставаться теперь в стороне. Он выбрал передний край — опасный, еще не проторенный, неизведанный путь латиноамериканской революции.

Но прежде чем Че вновь вернется к вооруженной борьбе, ему еще придется выполнить самые разнообразные миссии и поручения своего правительства и партии. Он будет выступать на международных форумах, разоблачая преступные действия американского империализма и призывая народы к единству в борьбе с ненасытной империей доллара. Он будет призывать народы к солидарности с героическим Вьетнамом.

В начале декабря 1964 г. Че прилетел в Нью-Йорк во главе кубинской делегации для участия в XIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Это был второй его приезд в США после краткого посещения Майами 12 лет назад. Он оказался в центре внимания печати, радио- и телекомментаторов. Ведь он представлял революционное правительство Кубы, мужество которой перед агрессивными действиями США вызывало чувство уважения и восхищения во всем мире.

11 декабря Че выступил на Генеральной Ассамблее с большой речью. Он осудил агрессивные действия правящих кругов США в различных частях мира. США продолжают вести необъявленную войну против революционной Кубы, заявил Че с трибуны ООН. ЦРУ продолжает тренировать банды наемников на разных секретных базах в странах Центральной Америки и Карибского бассейна. Только за 11 месяцев 1964 г. против Кубы были совершены 1323 диверсии и всякого рода провокации,

инспирированные правящими кругами США.

«Мы желаем построить социализм, — говорил Че, — мы провозгласили себя сторонниками тех, кто борется за мир, мы заявили, что, хотя являемся марксистами-ленинцами, причисляем себя к неприсоединившимся странам, потому что неприсоединившиеся страны, как и мы, борются против империализма. Мы желаем мира, желаем построить лучшую жизнь для нашего народа и поэтому всемерно стараемся не дать себя спровоцировать янки, но нам известно, как рассуждает их правительство, оно стремится заставить нас дорого заплатить за мир. Мы отвечаем, что эта цена не может превышать нашего достоинства»⁸.

Американский делегат Эдлай Стивенсон, отвечая Че, стал обвинять его в «коммунизме», в попытках оправдать экономические трудности Кубы американской блокадой. Че ответил ему: «Я не стану повторять длинную историю американской экономической агрессии против Кубы. Скажу только, что, несмотря на эту агрессию, с братской помощью социалистических стран, и в первую очередь Советского Союза, мы преодолеваем и будем преодолевать наши трудности. И хотя экономическая блокада нам вредит, она не задержит нашего движения вперед, и, что бы там ни произошло, мы будем доставлять наибольшую головную боль нашим противникам тем, что, выступая на этой ассамблее и где бы то ни было, будем называть вещи своими именами, и в частности представителей Соединенных Штатов — жандармами, пытающимися подчинить своему диктату весь мир»⁹.

Тогда же, на Ассамблее ООН, полемизируя с врагами Кубинской революции, Че заявил: «Я кубинец, и я также аргентинец, и, если не оскорбятся почтеннейшие сеньоры из Латинской Америки, я чувствую себя не менее патриотом Латинской Америки, чем кто-либо, и в любое время, как только понадобится, я готов отдать свою жизнь за освобождение любой из латиноамериканских стран, не прося ни у кого ничего взамен, не требуя ничего, не эксплуатируя никого»¹⁰.

Это не были только красивые слова. Человек, который их произнес, знал, что в недалеком будущем ему предстоит подтвердить их па деле.

17 декабря Че покидает США и летит в Алжир. Затем направляется в Мали, оттуда—в Конго (Браззавиль), Гвинею, Гану, Дагомею. Затем снова в Алжир и через Париж — в Танзанию. Из Танзании — в Каир, из Каира опять в Алжир и вновь в Каир. 14 марта 1965 г. он возвращается в Гавану.

Зарубежное путешествие Че, которого сопровождал Османи Сьенфуэгос, заведовавший тогда международными связями ЦК КПК, широко освещалось в кубинской и мировой печати. Че держал речь перед Ассамблеей ООН, в США он выступил по телевидению, дал интервью американским журналистам. В Алжире принял участие во II экономическом семинаре Организации афро-азиатской солидарности, в других африканских странах встречался с официальными и общественными деятелями, журналистами.

Во время своего пребывания в африканских странах Че стремился установить прямой контакт с деятелями африканского национально-освободительного движения в целях сплочения и объединения с подобными же движениями Азии и Латинской Америки в борьбе против империализма, колониализма и неоколониализма. Эти контакты пригодились впоследствии для созыва Трехконтинентальной конференции в Гаване (3—6 января 1966 г.) и учреждения Организации солидарности народов Азии, Африки и Латинской Америки с местопребыванием в кубинской столице.

Продолжительное знакомство с африканскими странами не могло не укрепить в нем убеждения в действенности партизанских методов в борьбе против империализма. Алжир представлял в этом отношении наиболее яркий пример: методы партизанской войны, применявшиеся алжирскими борцами за независимость, в конце концов вынудили Францию покинуть эту страну. Обнадеживающе выглядела ситуация и в бывшем Бельгийском Конго, где с момента убийства Патриса Лумумбы в 1961 г. не прекращались партизанские действия его сторонников. Разгоралась партизанская

борьба и в португальских колониях Африки. Всюду появлялись новые лидеры, объявляющие войну колониализму. Они создавали партии, движения, партизанские отряды и целые армии. Некоторым удалось свергнуть колониальных марионеток и взять власть, другие терпели поражения. Среди противников колониализма господствовало убеждение, что при наличии денег, оружия и немногих смельчаков можно завоевать победу, добиться независимости, нанести поражение империализму. Им казалось, что достаточно начать действовать, стрелять по противнику, как движение станет нарастать, подобно лавине, пока не погребет под собой колонизаторов.

Искреннее желание сражаться, фанатичная вера в грядущий триумф священного дела, готовность отдать за него жизнь — все это напоминало и происходящее в Латинской Америке и было знакомо и близко Че, искавшему и, казалось, обретшему в джунглях Африки подтверждение своего тезиса о магической власти партизанских методов борьбы.

Но в Латинской Америке пламя партизанской борьбы разгоралось не столь быстро, как того ожидали ее сторонники. Партизанские отряды действовали в Гватемале, Колумбии, Венесуэле, Перу. Однако они не могли похвастаться сколь-нибудь крупными успехами. Более того, часто их деятельность не объединяла, а разъединяла антиимпериалистические силы.

Эта ситуация оценивалась по-разному. Сторонники партизанских действий «во что бы то ни стало» считали, что партизанские отряды неправильно применяют кубинский опыт, поэтому терпят поражения. Их противники указывали на то, что партизанская борьба не встретила поддержки в массах — ни в крестьянских, ни в пролетарских, что объективные условия еще не созрели во многих странах для успешной вооруженной борьбы.

Что же касается Че, то он более чем когда-либо в прошлом был убежден в действенности партизанского метода. Че считал, что одним из факторов успеха является личность, авторитет лидера, возглавляющего партизанское движение. В статье «Партизанская война как метод» он писал: «Как правило, партизанскую войну в интересах своего народа возглавляет авторитетный вождь...»¹¹. На Кубе таким лидером был Фидель Кастро, одаренный политический и военный вождь, авторитет которого признавался не только прогрессивными силами, но и их противниками. Другого лидера, подобного Фиделю Кастро, партизанское движение в Латинской Америке не выдвинуло. Но разве не мог стать таким лидером сам Че?

Возникал вопрос: не будет ли его прямое участие в революционных действиях на территории чужой страны актом вмешательства во внутренние дела этой страны? С формальной точки зрения это было бы так. Но сами реакционные режимы, и в первую очередь правительство Соединенных Штатов, повсеместно и на протяжении десятков лет осуществляли вмешательство в целях подавления революционного антиимпериалистического движения. США предпринимали вооруженные интервенции против непокорных латиноамериканских республик, пускали в ход против них экономические санкции, устраивали заговоры и перевороты, не останавливаясь перед убийством неугодных им деятелей. Планы убийства Фиделя Кастро обсуждались на самом высоком уровне в Белом доме. Вашингтон организовал нашествие наемников на Кубу в 1961 г. и засылал на остров бесчисленные банды диверсантов, шпионов, провокаторов. Ему в этом помогали покорные реакционные режимы Латинской Америки. Наемники проходили подготовку на базах Никарагуа, Доминиканской Республики, Коста-Рики, почти все латиноамериканские правительства по приказу Вашингтона порвали с революционной Кубой дипломатические и экономические отношения, участвовали в блокаде острова Свободы. Все эти действия являлись вмешательством в дела Кубы и давали моральное право кубинцам, в свою очередь, принять меры для защиты их революции и оказания поддержки народам других стран

в их справедливой борьбе против империалистического и всякого другого гнета. Можно было спорить о целесообразности и своевременности такого рода действий, об их форме, о необходимости их согласования и координации с местными революционными движениями, но не о самом праве на эти действия. Об этом неоднократно и открыто говорили Фидель Кастро и другие кубинские руководители.

¹ *Вальдес Виео Р.* 1981-й: Под знаком Плайя-Хирон. — Проблемы мира и социализма, 1981, № 12, с. 15—16.

² *Че Гевара Э.* Куба и «план Кеннеди». — Пробл. мира и социализма, 1962, № 2, с. 27—28.

³ *Revolucion*, 1962, 10 ag.

⁴ *Ibid.*, 1962, 18 ag.

⁵ *Ibid.*

⁶ *Арисменди Р.* Проблемы латиноамериканской революции. М., 1964,

⁷ *Schulz T.* *Wings of Revolution in Latin America, Today and Tomorrow.* N.Y. 1965, p. 8.

⁸ *Che Guevara E.* *Obras, 1957—1967.* La Habana, 1970, t. 2. p. 541

⁹ *Ibid.*, p. 569.

¹⁰ *Ibid.*, p. 561

¹¹ *Che.* La Habana, 1969, p. 403.

Таинственное интермеццо

По возвращении на Кубу Че публично нигде не появлялся. Это было замечено как кубинцами, так и иностранными журналистами и наблюдателями. По мере того как проходили дни, отсутствие Че в общественной жизни все больше обращало на себя внимание, порождая разнообразные слухи и комментарии. Особенно изошрялась в догадках реакционная печать США: «Че арестован», «Че бежал с Кубы», «Че убит», «Че смертельно болен». Факт, однако, оставался фактом: Че исчез.

В середине апреля 1965 г. Селия, находившаяся в то время в Буэнос-Айресе, получила от сына письмо, в котором Че сообщал, что намерен отойти от активной государственной деятельности, провести месяц на рубке тростника, а затем пять лет работать рядовым рабочим на фабрике. Не исключено, что текст этого письма стал известен широкому кругу лиц, в том числе и противникам Кубинской революции.

20 апреля 1965 г. Фидель Кастро, отвечая на вопросы иностранных журналистов, интересовавшихся местопребыванием Че, впервые публично высказался об этом: «Единственное, что можно вам сказать о майоре Геваре, это то, что он всегда будет находиться там, где более всего полезно революции, и что отношения между мной и им великолепны. Они такие же, как в первое время нашего знакомства, можно сказать, что они даже лучше»¹.

Заявление Фиделя Кастро косвенным образом подтверждало отсутствие Гевары на Кубе. В начале мая мать Че из буэнос-айресской больницы связалась по телефону с Гаваной и вызвала сына. Ей ответили, что он здоров, но отсутствует, и если сможет, то свяжется с нею. Селия умерла 10 мая 1965 г., так и не дождавшись звонка Че.

Буржуазная пресса продолжала выдвигать самые фантастические версии о местопребывании Че. Сыпались сообщения, что он отыскан в Вьетнаме, Гватемале, Венесуэле, Колумбии, Перу, Боливии, Бразилии, Эквадоре. В связи с событиями в Доминиканской Республике, где 24 апреля 1965 г. началось восстание патриотически настроенных военных, газеты писали, что Че принимает активное участие в борьбе конституционалистов и даже что он там убит. «Серьезный» американский журнал

«Ньюсуик» сообщал 9 июля, что, запродав за 10 млн. долл. «кубинские секреты», Че отбыл в неизвестном направлении. Уругвайский еженедельник «Марча» утверждал, что Че «отдыхает, пишет и работает в провинции Орьенте», а лондонская газета «Ивнинг пост» заверяла, что он находится в Китае.

Все эти нелепые и противоречивые измышления и клеветнические домыслы буржуазной печати свидетельствовали лишь об одном: ей неизвестно, где действительно находится Че и какова его подлинная судьба. Об этом знали только кубинские руководители и люди, находившиеся с ним в непосредственном контакте, но они умели хранить тайну.

Только 3 октября 1965 г. Фидель Кастро несколько приоткрыл плотную завесу, скрывавшую до сих пор судьбу Че. Выступая на учредительном заседании Центрального Комитета Коммунистической партии Кубы, Фидель Кастро зачитал адресованное ему письмо Че Гевары, датированное 1 апреля того же года. Вот некоторые выдержки из него, проливающие свет на решение Че.

«... Я чувствую, что частично выполнил долг перед Кубинской революцией... теперь я прощаюсь с тобой, с товарищами, с твоим народом, который уже стал моим.

Я официально отказываюсь от поста в руководстве партии, от поста министра, от звания майора, от моего кубинского гражданства. Официально меня ничто больше не связывает с Кубой, кроме лишь связей иного рода, от которых нельзя отказаться так, как я отказываюсь от своих постов.

Обозревая свою прошлую жизнь, я считаю, что работал достаточно честно и преданно, стараясь укрепить победу революции. Моя единственная серьезная ошибка — это то, что я не верил в тебя еще больше с самого первого момента в Сьерра-Маэстре, что я недостаточно быстро оценил твои качества вождя и революционера. Я прожил замечательные дни и, находясь рядом с тобой, ощущал гордость от того, что я был частицей нашего народа в самые напряженные дни карибского кризиса.

Редко когда твой талант государственного деятеля блистал так ярко, как в эти дни, и я горжусь также тем, что я последовал за тобой без колебаний, что я мыслил так же, как ты, так же воспринимал и оценивал опасности и принципы.

Сейчас требуется моя скромная помощь в других странах земного шара. Я могу сделать то, в чем отказано тебе, потому что ты несешь ответственность перед Кубой, и поэтому настал час расставания...

Я унесу с собой на новые поля сражений веру, которую ты в меня вдохнул, революционный дух моего народа, сознание, что я выполняю самый священный свой долг — бороться против империализма везде, где он существует; это укрепляет мою решимость и сторицей врачует всякую боль...

И если мой последний час застанет меня под другим небом, моя последняя мысль будет об этом народе, и в особенности о тебе. Я благодарю тебя за твои уроки и твой пример и постараюсь остаться верным им до конца. Я всегда отождествлял себя с внешней политикой нашей революции и отождествляю до сих пор. Где бы я ни находился, я буду чувствовать ответственность и буду действовать как кубинский революционер. Я не оставляю своим детям и своей жене никакого имущества, и это не печалит меня. Я рад, что это так. Я ничего не прошу для них, потому что государство даст им достаточно для того, чтобы они могли жить и получить образование...»

Одновременно с письмом к Фиделю были написаны письма родителям и детям. Вот отрывок из письма к родителям:

«Около десяти лет тому назад я написал Вам другое прощальное письмо...

Считаю, что вооруженная борьба — единственный выход для народов, борющихся за свое освобождение, и я последователен в своих взглядах. Многие назовут меня искателем приключений, и это так. Но только я искатель приключений особого рода, из той породы, что рискуют своей шкурой, дабы доказать свою правоту.

Может быть, я пытаюсь сделать это в последний раз. Я не ищу такого конца, по он возможен, если логически исходить из расчета возможностей. И если так случится,

примите мое последнее обьятие...».

Детям Че оставил такое напутствие:

«... Ваш отец был человеком, который действовал согласно своим взглядам и, несомненно, жил согласно своим убеждениям.

Растите хорошими революционерами. Учитесь много, чтобы овладеть техникой, которая позволяет властвовать над природой. Помните, что самое главное — это революция и что каждый из нас в отдельности ничего не значит.

И главное, будьте всегда способными самым глубоким образом почувствовать любую несправедливость, совершаемую где бы то ни было в мире. Это самая прекрасная черта революционера...».

После гибели Че было опубликовано еще одно письмо, адресованное старшей дочери Ильде. В этом письме, помеченном 15 февраля 1966 г., Че, в частности, писал:

«... Помни, что впереди многие годы борьбы, и, когда ты станешь взрослой, даже тебе придется внести свой вклад в эту борьбу. Между тем следует готовиться к ней, быть хорошей революционеркой, а в твои годы это значит много учиться, изо всех сил и быть всегда готовой поддержать справедливое дело...»².

Известно еще одно письмо, полученное Алейдой Марч и адресованное детям. Судя по его содержанию, оно могло быть написано в Боливии. Письмо было опубликовано только десять лет спустя с согласия Алейды болгарской журналисткой Пиринкой Хаджиевой. Ниже приводится последнее письмо детям:

«Дорогие мои Алюша, Камило, Селита и Татико!

Я пишу вам издалека и совсем на скорую руку. Так что у меня нет возможности рассказать вам о своих новых приключениях. А жаль, потому что они довольно интересны, и Пепе Кайман познакомил меня со многими товарищами. Но ничего, расскажу в другой раз.

Сейчас мне хочется сказать вам, что я очень люблю вас и всегда вспоминаю вас и вашу маму, хотя младших я знаю почти только по фотографиям — ведь они были совсем крошками, когда я уехал. В ближайшие дни я собираюсь сфотографироваться, чтобы вы посмотрели, как я теперь выгляжу — постаревший и подурневший.

Это письмо вы получите, когда Алюше исполнится шесть лет, так что я, пользуясь случаем, поздравляю ее с днем рождения и желаю ей большого счастья. Алюша, ты должна хорошо учиться и помогать маме всем, чем можешь. Не забывай, что ты старшая.

Ты, Камило, должен стараться не употреблять дурных слов, потому что в школе их уже нельзя произносить, и ты должен прибегать к ним лишь в крайних случаях. Селита, помогай бабушке по дому, будь все такой же милой, какой ты была в то время, когда мы расстались. Помнишь? Или забыла? Татико, постарайся вырасти хорошим человеком, и потом посмотрим, кем ты станешь. Если до того времени будет существовать империализм, мы все будем бороться против него, а если его уже не будет, то мы — ты, Камило и я — полетим на Луну.

Поцелуйте за меня бабушку и дедушку, Мириам и се ребенка, Эстелу и Кариниту. Примите поцелуй от папы, огромный, ростом со слона.

Ильдите тоже посылаю огромный, как слон, поцелуй. Скажите ей, что я скоро ей напишу, сейчас у меня нет больше времени.

Папа»³

Эти насыщенные драматизмом документы, особенно письмо Фиделю, свидетельствовали о том, что Че окончательно и бесповоротно покидал революционную Кубу, где он приобрел мировую известность. Но этот акт не означал отхода Че от революционной деятельности. Он оставил Кубу не потому, что потерял веру в революцию, а потому, что безгранично верил в нее. Он оставил Кубу, чтобы сражаться против империалистов с оружием в руках⁴.

Велико различие между Че 1956 г., безвестным аргентинским врачом, заброшенным судьбой в Мексику, где он присоединился к группе кубинских революционеров, и Че

1965 г., одним из вождей победившей революции, всемирно известным государственным деятелем, покинувшим Кубу в поисках новых революционных свершений.

В середине 50-х годов социальная революция, социализм в Латинской Америке казались недостижимой мечтой, делом далекого будущего. Вступая в отряд Фиделя Кастро, Че полагал, что он присоединяется к предприятию, преследующему благородную и возвышенную цель, по имеющему минимальные шансы на успех.

Однако Кубинская революция, одержав победу, переросла в революцию социалистическую, изменив коренным образом политическую ситуацию в странах Латинской Америки. С этой победой антиимпериалистическая революция становится на континенте не отвлеченным лозунгом, а делом сегодняшнего дня.

Видимо, Че покинул Кубу в апреле 1965 г. Его след вновь обнаруживается только в ноябре 1966 г. в Боливии. Где Че провел этот промежуток времени, нам точно неизвестно. Печать утверждала уже после его гибели, что он принимал участие в гражданской войне в Конго. Намеки на это можно обнаружить в его «Боливийском дневнике». Возможно, Че действительно находился в Африке, к судьбам которой он проявлял живейший интерес; возможно, он был в другом месте, откуда возвращался на Кубу; возможно, он оставался на острове Свободы и после апреля 1965 г. Мы не знаем. Кубинские источники, которые могли бы пролить свет на этот вопрос, пока что молчат.

В этот период Че готовился к боливийской экспедиции. О некоторых деталях этой подготовки можно судить по истории Тани (настоящее имя—Тамара Бунке), молодой немецкой революционерки, погибшей в Боливии. Ее судьбе посвящена книга «Таня — незабвенная партизанка», изданная в Гаване в 1970 г.

Тамара, дочь немецких коммунистов Эрика и Нади Бунке, учителей, в 1935 г. бежавших от нацистского террора в Аргентину, родилась 19 ноября 1937 г.

В 1952 г. семья Бунке вернулась в ГДР, где Тамара закончила среднюю школу и поступила в Берлинский университет им. Гумбольдта на факультет романских языков, вступила в Союз молодежи, а затем и в СЕПГ. Она внимательно следила за развитием политических событий в Латинской Америке, мечтала вернуться в Аргентину, участвовать в революционной борьбе.

Тамара с восторгом встретила весть о победе Кубинской революции в 1959 г. В середине 1960 г. она работает переводчицей с первой кубинской правительственной делегацией во главе с Антонио Нуньесом Хименесом, а в декабре того же года — с торговой делегацией, возглавляемой Че. Общение с кубинскими товарищами производит на Тамару огромное впечатление. Она стремится поехать на Кубу, участвовать в революционных преобразованиях. В мае 1961 г. ее мечта сбылась. Прибыв в Гавану, Тамара работает в министерстве просвещения, учится на факультете журналистики Гаванского университета, вступает в ряды революционной милиции, участвует в добровольном труде и различного рода массовых кампаниях, работает переводчицей с немецкими делегациями.

Кубинская революция захватывает и покоряет Тамару. Она хочет стать профессиональной революционеркой, партизанкой, подпольщицей. И вновь ее желание осуществляется. В марте 1963 г. кубинские товарищи предлагают Тамаре стать подпольщицей, поехать в Латинскую Америку, выполнять там ответственные поручения в интересах революционного движения. Тамара согласилась, так появилась подпольщица Таня. Следуют месяцы изнурительной всесторонней подготовки. Изучение тайнописи, шифров, радиосвязи, правил конспирации.

Далее мы читаем в книге «Таня — незабвенная партизанка»: «С окончанием подготовки в марте 1964 г. Таня испытала, по ее словам, «самое большое волнение в своей жизни». Майор Эрнесто Че Гевара пригласил ее к себе в министерство промышленности, чтобы наконец объяснить задачу, которую ей предстояло выполнить...

Че объяснил Тане, что в ее задачу входит поселиться в Боливии, завязать там связи в армейских и правящих кругах, ознакомиться с положением во внутренних районах страны, изучить формы и методы эксплуатации боливийских шахтеров, крестьян и рабочих, наладить полезные контакты и, наконец, ожидать связного, который укажет ей время начала решительных действий и уточнит ее участие в подготавливаемой борьбе»⁵.

Как видим, уже в марте 1964 г. под непосредственным руководством Че планировалась боливийская экспедиция. Этот факт еще раз подтверждает, что все инсинуации и измышления противников Кубинской революции, представляющих отъезд Че как «внезапное» решение, как результат «разочарования», желание принести себя в жертву,—досужий вымысел.

Что же происходило в Латинской Америке в марте 1964 г.? В Бразилии у власти находилось правительство президента Гуларта, выступавшее все решительней против империализма США. В стране быстро росли крестьянские лиги, руководимые Франсиско Жулианом, горячим поклонником Кубинской революции. В Венесуэле, Колумбии и Перу активно действовали партизанские отряды. В Аргентине делал первые неуверенные шаги партизанский отряд под руководством Хорхе Рикардо Масетти. Че надеялся, что Масетти сможет укрепиться в стратегическом треугольнике на границе с Чили, Боливией и Парагваем.

В самой Боливии пост президента занимал Пас Эстенсоро. В марте 1964 г. Боливия еще поддерживала дипломатические отношения с Кубой, которые были разорваны под давлением США только 20 августа 1964 г. Не исключено, что в то время на территории Боливии с молчаливого согласия местных властей можно было организовать партизанскую базу, которая стала бы опорой, тылом для партизанских групп, действующих в Аргентине и Перу. Во всяком случае, тогдашний вице-президент страны, лидер влиятельного Рабочего центра Боливии Хуан Лечин открыто высказывался в поддержку Кубинской революции. Кроме того, при Пасе Эстенсоро боливийские шахтеры были вооружены, на шахтах имелась народная милиция. Это могло при определенных обстоятельствах послужить основой для более активного революционного движения.

Однако к концу 1964 г. положение в Латинской Америке с точки зрения перспектив революционной борьбы изменилось далеко не в лучшую сторону: отряд в Аргентине распался, так и не начав активных действий, его командир погиб. В Бразилии Гуларт был свергнут реакционными генералами. Такая же участь постигла Паса Эстенсоро в Боливии, его место занял генерал Рене Баррьентос Ортуньо. Приход к власти реакционеров в Боливии и Бразилии ставил на повестку дня организацию против этих режимов партизанских действий, которые в случае успеха могли бы коренным образом изменить соотношение сил в Латинской Америке в пользу антиимпериализма.

Между тем 9 апреля 1964 г. Таня с паспортом на другое имя направляется в Западную Европу, где в течение нескольких месяцев совершенствуется как подпольщица. Теперь она — Лаура Гутьеррес Бауэр, дочь аргентинского предпринимателя и немецкой антифашистки, этнограф-любитель. В ноябре 1964 г. Таня наконец достигает конечного пункта своего путешествия — Ла-Паса. Молодой обаятельной аргентинке, владеющей несколькими языками, не составило особого труда быстро стать вхожей в правительственные круги, получившие доступ к власти в результате падения режима Паса Эстенсоро.

В правящих, особенно же военных, кругах Боливии издавна благоволили к лицам немецкого происхождения. После первой мировой войны боливийскую армию на протяжении ряда лет обучали немецкие офицеры. В 1937—1939 гг. президентом страны был подполковник Герман Буш, сын немецкого эмигранта и индианки, пользовавшийся большой популярностью. Этими пронемецкими симпатиями и настроениями умело воспользовалась Таня для расширения своих связей. Она

устанавливает дружеские отношения с начальником отдела информации президентской службы Гон-сало Лопесом Муньосом, начинает работать в местном еженедельнике, сотрудничает с департаментом фольклора министерства просвещения, дает уроки немецкого языка, завязывает дружбу с Анной Гейндрих, личным секретарем председателя одной из реакционных партий. Чтобы упрочить свое положение, Таня выходит замуж за студента Марио Мартинеса Альвареса и получает боливийское гражданство.

Гавана поддерживала с Таней связь через курьеров, с которыми подпольщица встречалась в Боливии и в других латиноамериканских странах.

В марте 1966 г. в Ла-Пас прибывает кубинец Рикардо — капитан Хосе Мария Мартинес Тамайо, активный участник партизанской борьбы в Сьерра-Маэстре. Рикардо родился в 1936 г. в рабочей семье, был трактористом, после революции научился водить самолет, одно время служил в танковых частях. Еще в 1962 г., как сообщала газета «Гранма», Рикардо «выполнял важную миссию помощи революционному движению в Гватемале». В 1963 г. по колумбийскому паспорту он прибывает в Боливию. Вскоре ему удалось получить боливийские документы на имя Рикардо Моралеса Родригеса, что позволило ему впредь беспрепятственно пересекать границы этой страны. В Боливии Рикардо помогает создать на границе с Аргентиной тайный лагерь, который должен был стать опорной базой для действий группы партизан в аргентинской провинции Сальта. В том же году он возвращается на Кубу.

Находясь в Боливии, Рикардо установил связь с братьями Инти и Коко (Роберто) Передо Лейге. Оба они имели большой опыт участия в революционном движении. Инти в свое время являлся комсомольским вожаком, потом секретарем партийной организации в Ла-Пасе и членом ЦК Коммунистической партии Боливии. Коко также был активным революционером, комсомольским вожаком. В 1962 и 1966 г. он побывал на Кубе, а в 1964 и 1965 г. — в Советском Союзе.

В конце июля 1966 г. в Ла-Пасе появляются еще два кубинца — Помбо и Тума (капитан Гарри Вильегас Тамайо и лейтенант Карлос Коэльо). Впоследствии второй из них будет фигурировать в дневнике Че также под кличками Тумаини и Рафаэль. Группа Помбо должна была приобрести ферму или поместье в сельском районе, которые могли бы стать базой для тренировок и, возможно, отправным пунктом операций будущего партизанского отряда.

Помбо и его друзья избрали местом базирования район, расположенный на юго-востоке Боливии. С точки зрения партизанской борьбы этот район имел свои преимущества и недостатки. Преимущества заключались в том, что значительная часть окрест лежащей местности была покрыта дикими зарослями, населенные пункты встречались редко, жители в основном промышляли охотой и скотоводством. Представляло интерес и то обстоятельство, что здесь были расположены нефтепромыслы, принадлежавшие американской «Боливиа галф ойл компани». Предполагалось, что рабочие этих промыслов окажут поддержку будущим партизанам. Недостатком же являлось то, что здесь было мало воды, если не считать рек; местность изобиловала ядовитыми насекомыми, особенно клещами, что делало ее вообще труднообитаемой. Зона весьма далеко отстояла от шахтерских центров, где были сосредоточены наиболее боевитые силы боливийского рабочего класса, в то время как местное население, в основном индейцы — мелкие арендаторы или фермеры, было политически крайне отсталым.

В этой зоне в июле 1966 г. Коко Передо купил за 30 тыс. боливийских песо (2500 долл.) ранчо, или ферму, размером 1227 га. Вошедшая впоследствии в историю под названием «Каламина», эта ферма была в момент покупки почти заброшенной, правда там имелся жилой дом в приличном состоянии. Недалеко от фермы протекала река Ньянкауасу. «Каламина» находилась в 285 км к югу от провинциального центра Санта-Крус. Неподалеку от нее лежит городок Камири, центр четвертого военного округа, где дислоцировались части четвертой дивизии боливийской армии. Поблизости были расположены еще два селения — Лагунильяс и Гутьеррес. В 3 км от «Каламины» проживал Сиро Альгараньяс, местный кулак, бывший алькальд Камири. Дорога в «Каламину» шла мимо его усадьбы, что давали ему возможность наблюдать за передвижением соседей. Этот минус своего положения будущие обитатели

«Каламины» осознают, к сожалению, лишь позднее.

В начале сентября в Ла-Пас из Чили по уругвайскому паспорту прибыл еще один кубинец—Пачо (он же Пачунго) (подпольная кличка капитана Альберто Фернандеса Монтеса де Ока). Вскоре он покинул Боливию, чтобы вернуться туда вместе с Че.

В сентябре в Боливию приехал французский журналист Режи Дебре под своей собственной фамилией. К тому времени Дебре был широко известен как сторонник Кубинской революции.

Студент философии в Сорбонне, Дебре в 1959 г. находился на стажировке в США. Оттуда в 1961 г. он приезжает на Кубу, где знакомится с опытом революции. После этого Дебре полтора года путешествует по странам Латинской Америки. Он снимает фильм о Венесуэле для французского телевидения, затем проводит около трех месяцев в Боливии, собирая материал для диссертации о социальном положении индейцев Андского нагорья. В Боливии Дебре выступал в разных городах с лекциями, встречался со многими политическими деятелями. В 1965 г. выходят первые его работы, в которых автор дает свою трактовку значения для Латинской Америки Кубинской революции.

После путешествия по странам Латинской Америки Режи Дебре вновь поселяется на Кубе в конце 1965 г. и углубляется в изучение истории революционного движения на острове Свободы. Он беседует с участниками партизанской борьбы, с Фиделем Кастро, изучает документы. «Он имел доступ к многочисленным неопубликованным документам, сохранившимся с того времени (приказы с поля боя, инструкции командирам, военные рапорты, письма и другие тексты),—пишет Роберто Фернандес Ретамар, редактор кубинского журнала «Каса де лас Америкас». — Это позволило ему хорошо ознакомиться с недавними историческими событиями. Никто другой из тех, кто писал о Кубинской революции, не располагал таким богатством материала и фактов для исторического исследования»⁶.

Результатом этих штудий явилась книга «Революция в революции?», изданная массовым тиражом в Гаване в начале 1967 г. Дебре пытался теоретически обосновать партизанский метод борьбы с империализмом как единственно верный для стран Латинской Америки, при этом он ссылаясь на опыт Кубинской революции. Книга Дебре отражала споры и разногласия, возникающие в национально-освободительном движении Латинской Америки после победы Кубинской революции. «Это было, — пишет Родней Арисменди, — время поисков, отказа от некоторых устаревших точек зрения, критического переосмысления старых схем... В конечном счете в этот период еще более утвердился марксизм-ленинизм»⁷.

Заслуживает внимания то, что писал Дебре о трудностях, которые могут встретиться на пути развития партизанского движения во многих странах Латинской Америки: «Партизанские очаги в начале своих действий занимают сравнительно слабо населенные районы, с редкими населенными пунктами. Никто, никакой чужак не остается незамеченным, например, в селении Андского нагорья, вызывая прежде всего недоверие. „Чужаку“, „белому“ крестьяне кечуа или какчикели (майя) имеют много причин не доверять. Они знают, что красивые слова не насытят их и не защитят против бомбардировок. Крестьянин-бедняк в первую очередь уважает того, у кого власть, кто способен действовать. Система угнетения в этих местах утонченная: она господствует здесь с незапамятных времен, она кристаллизовалась, укоренилась, стала господствующей. Войска, сельская жандармерия, полиция латифундиста (сегодня — это «рейнджеры» и зеленые или черные береты) обладают авторитетом, который тем более прочен, чем менее он осознается крестьянами. Этот авторитет — изначальная форма угнетения. Он парализует недовольство, затыкает рты, один вид мундира заставляет безропотно сносить оскорбления. Неоколониалистский идеал все еще состоит в том, чтобы «демонстрировать силу, не применяя ее», но сама демонстрация силы уже означает ее применение. Иначе говоря, физическая сила полиции и армии — это табу, его нельзя разрушить речами, а только доказав, что пули входят также в

полицейских и солдат»⁸.

Появление Дебре в Боливии могло обратить на себя внимание не только боливийских тайных служб, но и агентов ЦРУ, активно действовавших в этой стране и сотрудничавших с местными властями. Оно могло навести на мысль, что именно в этой стране находится или может туда прибыть Че. Некоторые латиноамериканские газеты даже указывали на Боливию как на страну, где он скрывается. Мексиканский журналист Арнульфо Усета писал в газете «Эксельсиор» 14 сентября 1966 г., что Че прибыл в Боливию из Бразилии еще в начале года. Усета почти точно описал новую внешность Че и утверждал, что он пользуется псевдонимом Рамон. Правда, другие газеты выдвигали иные версии о судьбе Че. И тем не менее пребывание Дебре в Боливии под его собственным именем должно было насторожить местные власти.

Упомянутый выше Г. Лопес Муньос выдал Дебре разрешение на свободное передвижение по стране в целях сбора материалов для книги о «геополитическом» положении Боливии, которую он якобы намеревался написать. Француз отправился в путешествие по районам, где намечалось развернуть партизанское движение, усердно скупая карты и фотографируя различные объекты. Несколько недель спустя Дебре выехал в Чили, откуда вновь возвратился в Боливию в феврале 1967 г.

¹ Granma, 1965, 21 abr.

² Письма приводятся по кн.: Che Guevara E. Obras, 1957—1967. La Habana, 1970, t. 2, p. 693—698; см. также: Granma, 1965, 4 oct.

³ Болгария, 1979, № 2, с. 18.

⁴ Высоким сознанием интернационального долга отличались и боевые соратники Че. Вот выдержки из адресованного сыну письма кубинца капитана Хесуса Суареса Гаиоля (Рубио): «...мне выгнало необыкновенное счастье жить в решающий период нашей истории. Куба, паша родина, наш парод осуществляют одну из великих эпопей в истории человечества. Она делает революцию в самых неблагоприятных условиях и одерживает победу над каждой угрозой и каждой агрессией, что направлены против нее...

Кубинская революция является живым примером, указывающим путь к освобождению другим народам, которых империализм эксплуатирует и соками которых питается. Эти народы не могут, подобно нашему, строить сами свое будущее. Там труд миллионов мужчин и женщин обогащает кучку эксплуататоров. Там тысячи и тысячи детей твоего возраста, или еще меньших, умирают от отсутствия врачебной помощи, а многие лишены школ и учителей; их удел — нищета и невежество, сопутствующие всегда эксплуатации.

Вот почему на этом этапе долг кубинского революционера выходит за рамки нашего государства и ведет его туда, где все еще существует эксплуатация и где империализм питается кровью народа.

Такое понимание революционного долга обязывает меня оставить родину и направиться сражаться с империализмом в другие страны. Я знаю, чем это угрожает мне, я оставляю здесь самые крепкие мои привязанности, самых близких и родных мне людей, но в то же время я безмерно рад и горд тем, что займу пост на переднем крае беспощадной борьбы народов против эксплуататоров...» (см.: Bohemia, 1977, N 14, p. 89).

⁵ Tania — la guerrillera inolvidable. La Habana, 1970, p. 18.

⁶ Debray R. ? Revolucion en la revolucion? La Habana, 1967, p. 9—10.

⁷ Арусменди Р. Ленинизм—знамя революционного преобразования мира. М., 1979, с. 83.

⁸ Debray R. Op. p. 41—42.

Эрнесто Че Гевара прибыл в Ла-Пас под чужой фамилией самолетом из Сан-Паулу (Бразилия), вероятно, в ноябре 1966 г. Без бороды, с залысинами, седой (результат краски), в толстых роговых очках, при галстукe, он своей внешностью никак не напоминал известного всему миру Че. Он свободно ходил по улицам боливийской столицы. У него было два уругвайских паспорта: на имя коммерсанта Рамона Бенитеса Фернандеса и на имя коммерсанта Адольфо Мена Гонсалеса. Уточнить, по какому из этих паспортов Че въехал в Боливию, невозможно, так как в обоих отсутствуют въездные визы этой страны.

С тех пор, как 13 лет назад Че впервые ступил на боливийскую землю, здесь особых перемен не произошло. Страной продолжали управлять продажные генералы и политиканы, горняки по-прежнему влачили жалкое существование, а крестьянские массы — в основном индейцы, не говорящие по-испански, пребывали в нищете и невежестве. Революционные силы Боливии были ослаблены раскольнической деятельностью троцкистов, маоистов, анархистов... И тем не менее Че был настроен оптимистично. Он верил, что партизанские действия коренным образом изменят политическую обстановку в стране в пользу революционных сил.

К моменту прибытия Че в Боливию в стране уже находилось большинство кубинцев — будущих участников его отряда¹. Через Таню Че получил от Г. Лопеса Муньоса мандат на имя Адольфо Мены Гонсалеса, удостоверяющий, что он является специальным уполномоченным Организации американских государств, изучающим и собирающим информацию об экономических и социальных отношениях в сельских районах Боливии. Этот мандат, помеченный 3 ноября 1966 г., давал Че право на свободное перемещение по стране.

Не задерживаясь в Ла-Пасе, Рамон, как стал именовать себя теперь Че, направился через Кочабамбу в «Каламину», куда прибыл 7 ноября 1966 г. в сопровождении Пачо. В тот же вечер Че сделал первую запись в своем дневнике, который он будет вести изо дня в день на протяжении 11 месяцев, вплоть до последнего боя 8 октября следующего года.

Дневник Че отражает основные черты его характера и мироощущения. Это — предельно искренний документ. В то же время его нельзя назвать летописью партизанского отряда Че. Дело в том, что в дневнике он главным образом уделяет внимание недостаткам, ошибкам, слабостям и просчетам отдельных бойцов и всего отряда в целом. И о себе Че говорит крайне скупно, акцентируя внимание на своих недостатках или ошибках.

При всей грандиозности планировавшегося предприятия, которое, по замыслу его создателей, должно было завершиться «крушением американского империализма и триумфом социализма в Латинской Америке», боливийский дневник Че—это дневник не фантазера и романтика, а трезво мыслящего революционера, убежденного в своей правоте. Автор дневника рассматривает борьбу с империализмом как длинную цепь побед и поражений. Он будет безмерно счастлив одержать победу, но он не боится и поражения, ибо знает, что те, кто придет ему на смену, все равно водрузят на Латиноамериканском континенте знамя свободы и социальной справедливости, знамя социализма.

«Сегодня начинается новый этап, — записывает Че 7 ноября 1966 г. — Ночью прибыли на ранчо. Поездка прошла в целом хорошо. Мы с Пачунго соответствующим образом изменили свою внешность, приехали в Кочабамбу и встретились там с нужными людьми. Затем за два дня добрались сюда па двух джипах—каждый порознь.

Не доезжая до ранчо, мы остановили машины. Сюда приехала только одна — чтобы не вызывать подозрений у одного из соседних крестьян², который поговаривает о том, что мы наладили здесь производство кокаина. В качестве курьеза отмечу, что неутомимого Тумаини он считает химиком нашей шайки. После второго рейса Биготес³, узнав меня, чуть не свалился с машиной в ущелье. Джип пришлось бросить на самом краю пропасти. Прошли пешком около 20 км, добираясь до ранчо, где уже находятся

три партийных товарища. Прибыли сюда в полночь»⁴.

Прибытие Че, за которым в течение полутора лет охотились ЦРУ и другие связанные с ним разведки, в «Каламину» следует считать большим успехом. Не меньшим успехом было и то, что к этому моменту в Боливии уже находились и другие 17 кубинцев, члены отряда, в том числе четыре члена ЦК Коммунистической партии Кубы. В «Каламину» было завезено большое количество оружия, боеприпасов, медикаментов, радио- и фотоаппаратура, книги, партизанская униформа. Все это поступало из-за границы или было приобретено в Ла-Пасе и переброшено небольшими партиями в лагерь на реке Ньянкауасу. Таким образом, план создания партизанской базы пока осуществлялся наилучшим образом.

Партизанам удалось обосноваться, можно сказать, в самом сердце Латинской Америки. У них имелось современное оружие, техника, денежные средства. Инициатива была в их руках, теперь им не угрожало внезапное нападение и разгром.

Однако в сравнении с партизанской войной 1956—1958 гг. на Кубе боливийский вариант выглядел не столь надежным, как могло бы показаться после первых организационных успехов. На Кубе, при всех исходных слабостях, бойцы Фиделя Кастро находились у себя дома и могли рассчитывать на помощь единомышленников и сочувствующих во всех уголках страны. В Боливии ядро партизан составляли иностранцы — главным образом кубинцы, и возглавлял их тоже иностранец — Че. И какими бы симпатиями партизаны ни пользовались в революционных кругах, местное население могло отнестись к ним как к чужестранцам, а это значит—с недоверием и предубеждением.

В международном аспекте сравнение тоже было не в пользу отряда Рамона. Когда Фидель Кастро начинал борьбу на Сьерра-Маэстре, американцам и в голову не приходило, что эта борьба кончится победой социалистической революции. Поэтому партизаны на Сьерра-Маэстре не особенно их тревожили. Партизанская же война в Боливии могла вызвать ответный массированный удар со стороны Вашингтона.

Но все же в начальный период преимущество было на стороне новых обитателей «Каламины». 8 и 9 ноября Че совершает краткие выходы в окрестные джунгли и остается доволен разведкой. 9 ноября он записывает в дневнике:

«Если дисциплина будет на высоте, в этом районе можно долго продержаться»⁵.

10 ноября обеспокоенный любопытством хозяина соседнего ранчо Альгараньяса, у которого обитатели «Каламины» покупали провизию, Че решил организовать главный, или базовый, лагерь в 8 км от фермы. После первой ночевки на новом месте 11 ноября он отмечает в дневнике: «Обилие насекомых здесь невероятное. Спаситься от них можно только в гамаке с сеткой (такая сетка только у меня)»⁶.

В лагере устроили печь для выпечки хлеба, смастерили лавки и стол. Ежедневно проводились политзанятия. Че рас рассказывал об опыте Кубинской революции, о хитростях партизанской войны, другие преподавали историю и географию Боливии и язык кечуа. Эти занятия были обязаны посещать все партизаны. Для желающих Че преподавал французский язык. Переброска продуктов, оружия и другого партизанского хозяйства из «Каламины» в базовый лагерь была очень изматывающей: людям приходилось ежедневно переносить на себе большие тяжести. В районе базового лагеря партизаны устраивали тайники, куда прятали свое имущество. Че рассчитывал, что в нужный момент сможет посылать сюда своих людей за продовольствием, лекарствами и оружием.

Обитатели «Каламины» вызывали все большее любопытство Альгараньяса и его работников. Люди Че все чаще встречали на своем пути этих слишком любопытных соседей. Приходилось быть начеку. В базовом лагере устроили наблюдательный пункт, с которого хорошо просматривались подступы к домику на ранчо. 25 ноября Че записывает:

«С наблюдательного пункта сообщили, что прибыл джип с двумя или тремя пассажирами. Выяснилось, что это служба борьбы с лихорадкой; они взяли анализы

крови и тут же уехали»⁷.

Другой причиной беспокойства, вернее, физических страданий Че и его соратников были насекомые. Об их несметном количестве в этих местах и о том, как с ними бороться, никто заблаговременно не подумал, и теперь партизанам приходилось ежеминутно испытывать последствия этой оплошности. 18 ноября Че записывает в дневнике: «Все идет монотонно; москиты и гаррапатас⁸ искусили нас так, что мы покрылись болезненными язвами от их отравленных укусов»⁹.

Че постоянно поддерживает радиосвязь с «Манилой» (Гаваной). Постепенно в ранчо прибывают подкрепления — кубинцы и боливийцы. 27 ноября собралось уже 30 человек.

30 ноября, подводя итоги месяца, Че писал: «Все получилось довольно хорошо; прибыл я без осложнений, половина людей уже па месте. Добрались также без осложнений, хотя немного запоздали. Основные люди Рикардо, несмотря ни па что, готовы примкнуть к нашему движению. Перспективы в этом отдаленном от всех центров районе, где, судя по всему, мы практически сможем оставаться столько времени, сколько сочтем необходимым, представляются хорошими. Наши планы: дождаться прибытия остальных, довести число боливийцев по крайней мере до 20 и приступить к действиям. Остается выяснить реакцию Монхе и как поведут себя люди Гевары»¹⁰.

Люди Рикардо — это боливийцы, по-видимому братья Передо, и несколько студентов, находившихся с ним в контакте. Люди Гевары — сторонники шахтерского вожака Мойсеса Гевары Родригеса. Марио Монхе — тогдашний Первый секретарь Компартии Боливии, с которым предстояли переговоры об отношении КПБ к проектируемому партизанскому движению.

2 декабря прибыл Чино — Хуан Пабло Чанг Наварро, перуанский революционер, участник партизанского движения в Перу, разгромленного властями. Чино предложил передать в распоряжение Че 20 перуанцев, участвовавших в партизанском движении в Перу. Обсуждался и вопрос об организации партизанской базы в Пуно, на перуанском побережье озера Титикака. После переговоров Чино отбыл в Ла-Пас, намереваясь направиться в Гавану, а оттуда вновь возвратиться в Боливию и вступить в отряд Че.

В лагере между тем партизанская жизнь шла своим чередом. В декабре устроили еще один тайник в окрестностях «Каламины», заложив в него оружие и боеприпасы. Работники Альгараньяса продолжали шпионить за обитателями фермы. Комментируя этот факт, Че записывает 11 декабря: «Это меняет наши планы, нам нужно быть очень осторожными»¹¹.

Среди боливийцев, находящихся в «Каламине», возникли разногласия. Одни готовы были стать партизанами, другие обуславливали свое участие решением Коммунистической партии Боливии, отношение которой к отряду Че продолжало оставаться неясным.

12 декабря Че записывает в дневнике: «Говорил со своей группой, „прочитав проповедь" о сущности вооруженной борьбы. Особо подчеркнул необходимость единоначалия и дисциплины... Сообщил о назначениях, которые распределил следующим образом: Хоакин—мой заместитель по военной части, Роландо и Инти — комиссары, Алехандро — начальник штаба, Помбо — обслуживание, Инти — финансы, Ньято — снабжение и вооружение, Моро — медицинская часть (временно)»¹².

До 31 декабря партизаны занимались будничной работой: рыли землянки, укрытия, устанавливали рацию, разведывали местность, прокладывая в зарослях секретные тропы, засекали выгодные для засад позиции, занимались различного рода тренировками.

В канун Нового года, утром 31 декабря, в «Каламину» прибыл долгожданный Марио Монхе, его сопровождали Таня, Рикардо и боливец по кличке Пандивино, оставшийся в отряде Че в качестве добровольца. Весь день ц всю новогоднюю ночь Че

вел с Монхе переговоры.

Руководство Коммунистической партии Боливии, хотя и не брало на себя ответственность за организацию партизанского движения, разрешило своим членам вступать в отряд, а в публичных выступлениях ратовало за поддержку партизанского движения. В заявлении КПБ от 30 марта 1967 г., после первых столкновений отряда Че с боливийскими войсками, говорилось: «... Коммунистическая партия Боливии, которая постоянно вела борьбу против политики предательства национальных интересов, предупреждала, что эта политика повлечет за собой события, которые трудно предвидеть. Сейчас она отмечает, что начавшаяся партизанская борьба — это лишь одно из следствий такой политики, одна из форм ответа правительству.

Коммунистическая партия, таким образом, заявляет о своей солидарности с борьбой патриотов-партизан. Самое позитивное здесь, несомненно, то, что эта борьба может выявить лучший путь, по которому должны следовать боливийцы, чтобы добиться революционной победы...»¹³

В таком же плане высказался Хорхе Колье Куэто, сменивший в 1968 г. Монхе на посту Первого секретаря ЦК КПБ. В беседе с боливийским журналистом Рубеном Васкесом Диасом вскоре после начала военных действий в районе реки Ньянкауасу он заявил: «Наше отношение к партизанскому движению можно сформулировать следующим образом: солидарность и поддержка во всем, чем только партия может помочь и поддержать его»¹⁴.

Че рассчитывал, что «Каламина» станет одним из звеньев в партизанской цепи, которая протянется сквозь весь южный конус, по крайней мере от Перу до Аргентины включительно. Что касается Перу, то он уже имел на этот счет беседы с Чино, который вскоре должен был вернуться в «Каламину». Еще большую надежду возлагал Че на Аргентину.

Несмотря на трагическую гибель отряда Масетти, Че был уверен, что его родина может стать ареной успешных партизанских действий. В ее слабо заселенных горных провинциях Сальта и Жужуй, примыкающих к Боливии, много нещадно эксплуатируемых помещиками батраков и малоземельных крестьян, которые наверняка, считал он, должны стать бойцами будущих партизанских армий.

Необходимо было срочно установить контакт с аргентинскими единомышленниками, бездействовавшими после гибели упомянутого выше отряда. На связь с ними Че посылает в Аргентину Таню.

18 января Че записывает в дневнике о подозрениях относительно Альгараньяса, судя по всему уже давно находившегося в контакте с полицией в Камири, которая и явилась на следующий день в «Каламину» с обыском. «В поисках „завода“ наркотиков туда па джипе приехал лейтенант Фернандес и четверо полицейских, одетых в гражданское платье. Они обыскали дом, и их внимание привлекли некоторые странные для них вещи: например, горячее для наших ламп, которые мы не успели отнести в тайники. У Лоро забрали пистолет, но оставили ему „маузер“ и 22-миллиметровый пистолет. Для виду они до этого отняли пистолет у Альгараньяса и показали его Лоро. После этого полицейские уехали, предварительно предупредив, что они в курсе всех дел и с ними надо посчитаться»¹⁵ — так зафиксировал Че в записи от 19 января этот эпизод.

На следующий день вновь тревога: «Мы хотели провести несколько репетиций, но это не удалось, так как старый лагерь находится под возрастающей угрозой. Там появился какой-то гринго (американец.—И. Г.) с автоматической винтовкой „М-2“, из которой он то и дело стреляет очередями. Он якобы „друг“ Альгараньяса и собирается провести в этих краях десять дней отпуска»¹⁶.

Связь с Камири и Ла-Пасом пока что функционировала нормально. В лагерь прибывали все новые люди. 21 января пришло пополнение из трех боливийцев, один из них — крестьянин-индеец (аймара), 26 января в лагерь прибыли горняцкий лидер Мойсес Гевара Родригес и подпольщица Лойола. Мойсес согласился вступить в

партизанский отряд вместе со своими сторонниками — около 20 человек. Он обещал доставить добровольцев только в первой половине февраля по причине того, что, как отмечается в «Боливийском дневнике», «люди отказываются пойти за ним, пока не кончится карнавал»¹⁷.

Лойоле, которая произвела на Че очень благоприятное впечатление твердой решительностью и верой в дело, он поручил организовать в Ла-Пасе и других городах подпольную организацию в поддержку партизанского движения. Эта организация должна была бы снабжать партизан боеприпасами, амуницией, продовольствием, собирать сведения о противнике, заниматься саботажем и диверсиями. Че снабдил Лойолу подробной «Инструкцией кадрам, работающим в городах», и она отбыла в Ла-Пас.

Хотя эти контакты и были многообещающими, приток боливийцев в «очаг» далеко не соответствовал надеждам Че, о чем с присущей ему откровенностью он писал в месячном анализе за январь 1967 г.: «Теперь начинается партизанский этап в буквальном смысле слова, и мы испытаем бойцов. Время покажет, чего они стоят и какова перспектива боливийской революции.

Из всего, о чем мы заранее думали, наиболее медленно идет процесс присоединения к нам боливийских бойцов»¹⁸.

1 февраля 1967 г., оставив нескольких бойцов в «Каламине», очищенной от компрометирующих предметов, которые были упрятаны в тайники, Че с отрядом в составе 20 человек направился в горы в тренировочный поход, рассчитанный на 25 дней. Поход должен был закалить и спаять бойцов, проверить их выдержку, дисциплину, выносливость и мужество. В походе можно было разведать местность, заложить в пути тайные склады с оружием и продовольствием, наконец, установить контакты с обитателями этих мест. Очень многое зависело от того, будут ли местные жители помогать партизанам и сражаться в их рядах, как это делали крестьяне далекой Сьерра-Маэстры, или встретят с недоверием чужестранцев и отвернутся от них. Че с нетерпением ждал встречи с ними, предвидя, что ему придется немало потрудиться, прежде чем удастся преодолеть барьер отчужденности и недоверия, которым отгораживали себя боливийские индейцы от внешнего, чужого им мира, не приносившего им исками ничего доброго.

Местность, по которой продвигались партизаны, оказалась труднопроходимой, полупустынной, поросшей колючими зарослями, кишачими ядовитыми насекомыми. Она пересекалась бурными горными речками, каменистыми грядками, обрывами, кручами. Во многих местах бойцам приходилось прокладывать себе путь сквозь чащобу при помощи мачете. Имевшиеся у них карты оказались непригодными: в них было много неточностей и несоответствий. Отряд Че пробыл в пути 48 дней вместо запланированных 25.

За это время партизаны неоднократно вступали в контакт с местными жителями. Крестьяне держались настороженно, недоверчиво, часто даже враждебно. Это не было неожиданностью для Че, который знал, что в начале партизанских действий крестьяне, опасаясь репрессий властей, именно так и относятся к «чужакам»-партизанам и только по мере развертывания боевых действий, убедившись в дружелюбии партизан, начинают склоняться в пользу восставших. И все же Че надеялся на более теплый отклик со стороны боливийских крестьян даже на этом первоначальном этапе партизанской борьбы. Вот как он повествует на страницах дневника о первой встрече с крестьянами во время тренировочного похода: «Превратившись в помощника Инти, я сегодня разговаривал с местными жителями. Думаю, что сцена с переодеванием получилась не очень убедительной, так как Инти держался слишком скромно.

Крестьянин был абсолютно типичным: он не способен был понять нас, но в то же время не в силах предвидеть, какую опасность влечет за собой его встреча с нами, и потому сам он был потенциально опасен. Он рассказал нам про нескольких из своих соседей. Но верить ему нельзя, так как говорил он без всякой уверенности.

Врач подлечил его детей.
(Крестьянина зовут Рохас)»¹⁹.

Шли дни. Скучный рацион, насекомые, тяжелые рюкзаки, ремни которых немилосердно впивались в тело, изодранная обувь, израненные ноги, ливни истощали бойцов, делали их раздражительными. Из-за пустяков в отряде все чаще вспыхивали стычки. Призывы Че соблюдать дисциплину не оказывали на измученных людей прежнего воздействия.

Сам Че с первых же дней похода чувствовал себя весьма скверно. Уже 3 февраля он записывает в дневнике: «Меня освободили от 15 фунтов ноши, и мне идти легче. И все же боль в плечах от рюкзака иногда становится невыносимой». Запись от 12 февраля: «Устал я смертельно...»²⁰. 23 февраля: «Кошмарный день для меня... В двенадцать часов, под солнцем, которое, казалось, расплавляло камни, мы тронулись в путь. Скоро мне показалось, что я теряю сознание. Это было, когда мы проходили через перевал. С этого момента я уже шел на одном энтузиазме. Максимальная высота этой зоны — 1420 метров»²¹.

26 февраля утонул боливиец Бенхамин. «Он был слабым и крайне неловким парнем, — пишет Че, — но у него была большая воля к победе. Испытание оказалось слишком велико для него. Физически он не был подготовлен к нему, и вот теперь мы уже испытали крещение смертью на берегах Рио-Гранде, причем самым бессмысленным образом»²².

Но Че все еще не теряет оптимизма. В месячном анализе за февраль он отмечает: «Хотя я не знаю, как обстоят дела в лагере, все идет более или менее хорошо, с неизбежными в подобных случаях исключениями...

Марш проходит вполне прилично, но омрачен инцидентом, стоившим жизни Бенхамину. Народ пока еще слаб, и не все боливицы выдержат. Последние голодные дни показали ослабление энтузиазма и даже резкое падение его...

Что касается кубинцев, то двое, имеющие мало опыта, — Пачо и Рубио — пока еще не на высоте. Алехандро в полном порядке. Из стариков Маркос постоянно доставляет тяжелые заботы, а Рикардо тоже не безупречен. Остальные хороши.

Следующий этап должен стать боевым и решающим»²³.

Прошел месяц после выхода отряда из лагеря. Съестные припасы на исходе. Бойцы едят диких птиц, конину. Все страдают расстройством желудка. Че отдает приказ возвращаться обратно в лагерь на реке Ньянкауасу. Но это не так просто. Отряд заблудился. Голодные бойцы, нарушая приказ, начинают поедать консервы из неприкосновенного запаса. 4 марта Че записывает в дневнике: «Моральный дух у людей низок, а физическое состояние их ухудшается со дня на день. У меня на ногах отеки»²⁴.

Запись от 7 марта: «Вот уже четыре месяца, как мы здесь. Люди все более падают духом, видя, что припасы подходят к концу, а конца пути не видно»²⁵. Че разрешает бойцам убить и съесть лошадь, так как отеки у товарищей внушают серьезные опасения. Че записывает в дневнике:

«Ноги в той или иной степени распухли у Мигеля, Инти, Урбано, Алехандро. Я чувствую себя очень слабым»²⁶.

В эти дни произошел эпизод, которому Че не придавал особого значения, но который впоследствии оказался весьма пагубным для судьбы отряда. В начале марта Маркос вышел из базового лагеря купить продуктов. В пути он набрел на нефтьевышку, возле которой столкнулся с крестьянином Эпифанио Варгасом. Маркос представился ему как «мексиканский инженер», справился о дороге и пытался купить продовольствие. «Мексиканец» Варгасу показался подозрительным, он рассказал о встрече жене, та своей хозяйке — капитанше, капитанша — мужу. Муж сообщил эти сведения военному командованию четвертого военного округа в Камири. Варгаса арестовали и заставили быть проводником армейскому патрулю, который пошел по следам Маркоса. Эти следы привели солдат в район базового лагеря.

Группа Че на обратном пути в лагерь тоже прошла неподалеку от нефтешки. От местных жителей партизаны узнали, что в районе бродил увешанный оружием «мексиканец». Они поняли, что речь шла о Маркосе. 9 марта Че, описав этот эпизод в дневнике, отметил, что Маркос опять «отличился»²⁷. Он тогда еще не знал, что неосторожность Маркоса уже привела солдат прямо к воротам партизанского лагеря.

По расчетам Че, его отряд уже давно должен был вернуться на свою постоянную стоянку. Партизаны явно блуждали в ее окрестностях. 17 марта при переправе через Ньянкауасу перевернулся плот и утонул Карлос. «Он считался, — писал Че в дневнике, — до сегодняшнего дня лучшим среди боливийцев арьергарда по серьезному отношению к делу, дисциплине и энтузиазму»²⁸. Вместе с Карлосом река унесла несколько рюкзаков, 6 винтовок и почти все патроны бойцов.

Часть бойцов оказалась безоружной, люди окончательно выбились из сил. Голод и физические страдания, преждевременная гибель двух товарищей — все это действовало удручающе на многих партизан. Даже среди закаленных кубинцев нарастало «ворчание», как отмечает Че. Но сам он, хотя физически чувствовал себя не лучше, а, может быть, значительно хуже своих товарищей, не мог позволить себе сомнений, жалоб, недовольства. И Че уверенно руко водит своими солдатами, поощряя твердых духом и сдерживая недисциплинированных. Об этом скупо свидетельствуют страницы его дневника²⁹.

19 марта отряд приблизился к базовому лагерю. Вечером партизаны встретились с поджидавшим их Негро — перуанским врачом, который сообщил Че, что с 5 марта в базовом лагере находились Добре, Таня, прибывший из Гаваны Чино, Мойсес Гевара с группой своих людей и Пеладо — аргентинец Сиро Роберто Бустос. Это были приятные новости. Но неприятных было больше: «Каламина» обнаружена боливийскими властями; двое из добровольцев Мойсеса Гевары дезертировали; вблизи базового лагеря объявились солдаты; в их руки попал еще один доброволец из группы Мойсеса. Вдобавок ко всему три дня назад на ранчо нагрянула полиция, все там перевернула и, кажется, обнаружила улики пребывания партизан, хотя в свое время Че и дал строжайший приказ «почистить» ранчо под метелку. На днях, уже после налета полиции, вблизи базового лагеря видели колонну солдат в 60 человек, прочесывающих местность.

Перспектива столкновения с солдатами в отсутствие Че вызвала среди обитателей главного лагеря, а их собралось там к тому времени около 30 человек, весьма тревожное, если не паническое, настроение. 20 марта Че записывает в дневнике: «Здесь царит совершенно пораженческая атмосфера. .. От всего этого — ощущение ужасного хаоса. Они совершенно не знают, что надо делать»³⁰.

Че наладил охрану лагеря, укрепил дисциплину, стал готовить людей к походу, ибо оставаться в основном лагере было небезопасно: теперь, когда о его существовании стало известно властям, он превратился в своего рода мышеловку. Возвращение Че подняло настроение людей, но многие, особенно новички, продолжали испытывать растерянность перед надвигавшимися грозными событиями.

20 и 21 марта ушли на сборы и переговоры Че с перуанцем Чино, аргентинцем Пеладо, Дебре и Таней. Чино, вернувшийся с Кубы, был полон самых радужных надежд в отношении организации партизанских действий в Перу. «Он, — записывает Че в дневнике, — намерен начать с группой в 15 человек, причем сам он будет командующим зоны Аяучо. Договорились также, что приму от него 5 человек в ближайшее время, а позже — еще 15. Затем они вернутся к нему после того, как обстреляются у меня... Чино кажется очень воодушевленным»³¹.

Многообещающими были и беседы с Пеладо, который, как отмечает Че, был готов поступить в его распоряжение. Пеладо согласился возглавить группу сторонников Че к Аргентине, которая, по предложению Че, должна была начать действовать на севере этой страны.

Дебре сначала заявил о своем намерении остаться в отряде. Однако согласился с Че,

утверждавшим, что он больше пользы принесет во Франции, организовав там помощь партизанам.

Между тем обстановка в отряде отличалась повышенной нервозностью, участились стычки между бойцами, некоторые из них не выполняли приказов Че. Дневниковая запись от 22 марта с беспощадностью фиксирует подобные явления:

«Пришел Инти и пожаловался на грубость со стороны Маркоса. Я взорвался и сказал Маркосу, что если это так, то он будет изгнан из отряда. На это он ответил, что предпочитает быть расстрелянным...

Вечером вернулись разведчики (не выполнив приказа. — *И. Г.*), и я устроил им крупный разнос... Собрание было бурным и взрывчатым. Окончилось оно нехорошо»³².

Видимо, эти настроения заставили Че поспешить с началом боевых действий. 23 марта была устроена первая засада, в которую попал армейский патруль. Результаты этого первого боя с войсками таковы: у противника 7 убитых, 18 человек партизаны взяли в плен, в том числе двух офицеров — майора и капитана (Че велел провести с пленными политбеседу и отпустить их); кроме того, партизаны захватили 16 винтовок с 2000 патронов, 3 миномета с 64 минами, 2 базуки, 3 автомата с 2 дисками к каждому, 30-миллиметровый пулемет с 2 лентами. В руках партизан оказался также план операций, согласно которому армия должна продвигаться по обе стороны реки Ньянкауасу и затем сомкнуть клещи вокруг партизанского лагеря.

Первый бой партизан с правительственными войсками оказался успешным, но в то же время осложнял их положение. Этот бой ознаменовал начало войны, к которой партизаны еще не были достаточно подготовлены. Судя по некоторым свидетельствам его соратников, Че рассчитывал скрытно продержаться в районе реки Ньянкауасу до конца 1967 г. и только тогда приступить к боевым действиям.

К тому времени должны были начать действовать партизанские базы в Перу и на севере Аргентины. Теперь же организаторы этих будущих баз находились в отряде, и оставалось мало надежды, что они смогут выбраться отсюда.

К тому же первые выстрелы, первая кровь смертельно напугали некоторых политически нестойких боливийских добровольцев из группы Мойсеса Гевары. Их трусость выводила Че из себя, он вынужден был наказать четырех боливийцев: приказал прекратить выдачу им табака и пригрозил оставить без еды за невыполнение приказов. Был сменен кубинский командир авангарда³³.

25 марта состоялось собрание бойцов, на котором было решено именовать отряд Армией национального освобождения Боливии, а также распространить сводку³⁴.

27 марта эфир заполнили сообщения о сражении с партизанами в районе реки Ньянкауасу. Правительство, пытаясь «спасти лицо», заверяло, что партизаны потеряли в бою «на одного убитого больше», что они расстреливали раненых солдат, что солдаты взяли в плен четырех партизан, из коих двое иностранцы. Из правительственных реляций следовало, что властям хорошо известен состав отряда — дезертиры и пленный немало рассказали полиции.

Несколько дней прошло относительно спокойно, но в отряде продолжались нарушения дисциплины, конфликты между кубинцами и боливийцами. 29 марта Че с горечью фиксирует в дневнике, что в последние дни его приказы много раз нарушались³⁵.

1 марта 1967 г. правительственные войска перешли к наступательным действиям: подвергли пустое ранчо минометному обстрелу и бомбардировке с воздуха, а затем захватили его.

Подводя итоги за март, Че писал: «Месяц изобиловал событиями. Можно набросать следующую панораму. Сейчас проходит этап консолидации и самоочищения партизанского отряда, которое проводится беспощадно. Состав отряда растет медленно за счет некоторых бойцов, прибывших с Кубы, которые выглядят неплохо, и за счет людей Гевары, моральный уровень которых очень низок (два дезертира, один

сдавшийся в плен и выболтавший все, что знал; три труса, два слабака). Сейчас начался этап борьбы, характерный точно нанесенным нами ударом, вызвавшим сенсацию, но сопровождавшийся и до и после грубыми ошибками... Начался этап контрнаступления противника, которое до сих пор характеризуется: а) тенденцией к занятию ключевых пунктов, что должно изолировать нас; б) пропагандистской компанией, которая ведется в национальных рамках и в международных масштабах; в) отсутствием до сих пор боевой активности армии; г) мобилизацией против нас крестьян.

Ясно, что нам придется сниматься с места раньше, нежели я рассчитывал, и уйти отсюда, оставив группу, над которой будет постоянно нависать угроза. Кроме того, возможно, еще четыре человека предадут. Положение не очень хорошее»³⁶.

Че крайне тяготило пребывание Дебре и аргентинца Бустоса в отряде. Ни тот, ни другой в партизаны не годились, к тому же не скрывали своего желания покинуть отряд. Однако обеспечить им безопасный выход было нелегко.

Вскоре, 10 апреля, произошли еще два столкновения с правительственными войсками, закончившиеся победой партизан. Как и в первый раз, две войсковые колонны попали в партизанские засады. Результаты первого боя: 3 солдата убиты, 6 взяты в плен, включая унтер-офицера — командира колонны. Во втором бою потери противника составили: 7 убитых, 24 пленных. Итого за два боя — 10 убитых, 30 пленных, среди них майор Рубен Санчес. Победы были омрачены гибелью кубинца Рубио (капитана Хесуса Суареса Гайоля). Пленных и на этот раз отпустили³⁷.

Однако новости, заполнявшие эфир, были менее приятны. Правительственное радио сообщало, что в лагере повстанцев обнаружено фото Че, а также раскрыт один из тайников.

Настойчивые попытки Че сплотить боливийцев и кубинцев, несмотря на одержанные победы, не приносили желаемых результатов. 12 апреля он записывает в дневнике:

«В полседьмого утра собрал всех бойцов (кроме четверки подонков), чтобы почтить память Рубио и подчеркнуть, что первая пролитая кровь — кубинская кровь. Это необходимо было сделать, так как среди бойцов авангарда прослеживается тенденция пренебрежительно относиться к кубинцам.

Это проявилось вчера, когда Камба заявил, что он все меньше доверяет кубинцам... Я вновь призвал к единению, как единственной возможности увеличивать наше войско, которое усилило свою огневую мощь и уже закаляется в боях, но не только не растет, а, наоборот, в последние дни сокращается»³⁸.

15 апреля была получена шифровка из «Манилы», в которой сообщалось, что Хуан Лечин³⁹ находится в Гаване, что он обещал сделать публичное заявление в поддержку Че и рассчитывает через 20 дней нелегально вернуться в Боливию.

Отряд продолжал оставаться в районе реки Ньянкауасу, не отрываясь от своих тайников. Несколько человек из бойцов отряда и гостей заболели (среди них Таня и Мойсес). В этих условиях Че принимает решение покинуть зону, оставив здесь на несколько дней лишь часть бойцов под командованием Хоакина, всего 13 человек, в их числе 4 лишенных партизанского звания боливийцев, а также больных Алехандро и Таню. Че был вынужден пойти на этот шаг, чтобы дать возможность выбраться Дебре и Бустосу⁴⁰.

Но жизнь распорядилась иначе — Хоакин и Че уже не встретятся...

Че все больше беспокоило отношение местных крестьян к партизанам. Боевые действия продолжались уже около месяца и в основном успешно, но крестьяне, как правило, уклонялись от сотрудничества с партизанами. 17 апреля он записывает в дневнике: «Из всех крестьян, которых мы встречали, лишь один — Симон — согласился помочь нам, но и он был явно испуган»⁴¹. В сложившихся же условиях маневренной войны поддержка крестьян становилась решающим фактором.

17 апреля 1967 г. в Гаване по радио передавалось послание Че Организации

солидарности народов Африки, Азии в Латинской Америки, известное под названием: «Создать два, три... много Вьетнамов—вот лозунг дня». Че предсказывал многолетнюю, кровопролитную вооруженную борьбу с империализмом и призывал революционеров отбросить фракционную борьбу, объединиться и единым фронтом сражаться против общего врага. Послание заканчивалось словами: «Наш каждый шаг —это боевой призыв в борьбе против империализма и боевой гимн в честь народного единства против величайшего врага человечества — Соединенных Штатов Америки. Если смерть внезапно настигнет нас, мы будем приветствовать ее в надежде, что наш боевой клич будет услышан и другие руки подхватят наше оружие и другие люди запоют гимны под аккомпанемент пулеметных очередей и боевых призывов к войне и победе»⁴².

В анализе событий месяца Че отметит: «... после опубликования в Гаване моей статьи (речь идет о послании. — *И. Г.*) едва ли у кого есть сомнения в том, что я нахожусь здесь»⁴³.

19 апреля партизаны задержали англичанина Георга Роса, выдававшего себя за журналиста. Рос смахивал на агента ЦРУ, во всяком случае, он уже успел поработать инструктором «Корпуса мира» в Пуэрто-Рико. Рос заявил, что прибыл в Боливию из Чили с целью написать репортаж о местных партизанах. Боливийские офицеры показали ему захваченный в одном из тайников дневник Браулио, в котором последний рассказывал, как он прибыл в Ла-Пас и другие подробности. Это сообщение возмутило Че. «Обычная история, — отмечает он в своих записях. — Кажется, главной побудительной причиной действий наших людей стали недисциплинированность и безответственность»⁴⁴. Так как в дневнике Браулио Че фигурировал под кличкой Рамон, то теперь он сменил ее на Фернандо.

Англичанина отпустили. Вместе с ним, с согласия Че, покинули отряд Дебре и Бустос.

День спустя стало известно, что все трое задержаны боливийскими властями. Их арест явился серьезным ударом для Че, который записывает в дневнике: «Дантон и Карлос⁴⁵ стали жертвами собственной спешки, почти отчаянного желания выбраться, а также моего недостаточного сопротивления их планам. Таким образом, прерывается связь с Кубой (Дантон), а мы потеряли разработанную нами схему борьбы в Аргентине (Карлос)»⁴⁶.

В течение следующих десяти дней отряд Че находился в постоянном движении. Местное население по-прежнему относилось к бойцам с опаской и недоверием. В одной из стычек с солдатами погиб Роландо, бывший связной Че во время похода Четвертой колонны в Лас-Вильяс в период Кубинской революции. Че был очень к нему привязан⁴⁷. В эти же дни от отряда отбился Лоро. Ряды партизан медленно, но постоянно редели, а надежды на приток новых бойцов не было. Во всех селениях, через которые прошли партизаны, к ним не примкнул ни один из местных жителей. Не примкнул к ним и ни один рабочий с близлежащих нефтепромыслов, принадлежавших американцам.

Че, однако, полагал, что это временное явление. Апрельский месячный анализ, основу которого составляет весьма трезвая оценка недочетов и ошибок партизан, в целом пропитан оптимизмом. Вот наиболее примечательные разделы этого анализа:

«Дела идут более или менее нормально, хотя нам пришлось оплакать гибель двух наших бойцов: Рубио и Роландо. Потеря последнего была особенно суровым ударом для нас, так как я собирался поставить его во главе второго фронта (самостоятельно действующего отряда.—*И. Г.*). Мы провели еще четыре боя. Все они в целом дали хорошие результаты, а один из них даже очень хороший...

В итоге: это был месяц, в течение которого все развивалось в пределах нормы, принимая во внимание случайности, неизбежные в ходе партизанской войны. Моральный дух всех тех бойцов, что успешно прошли предварительный экзамен на звание партизана, на высоте»⁴⁸.

В мае отряд продолжал рейд. Скучная и недоброкачественная пища и в особенности недостаток воды в этих местах, а также усталость, нервное напряжение — все это не могло не сказаться на физическом состоянии партизан, в частности и самого Че. Почти все страдали от расстройства желудка, многих лихорадило. О состоянии Че можно судить по его дневнику⁴⁹. Однако, несмотря на слабость, он не только продолжает вести дневник изо дня в день, но и не забывает отметить в нем дни рождения своих детей и ближайших родственников.

В мае произошли стычки с войсками, закончившиеся победой партизан. 8 мая в перестрелке были убиты два солдата и младший лейтенант, взяты в плен десять человек, которых отпустили после беседы. 30 мая в новой стычке партизан с солдатами последние потеряли трех человек убитыми и одного раненым. В этих столкновениях партизаны не понесли потерь⁵⁰.

Во время похода партизаны проследовали через два селения — Пириренду и Карагуатаренду, где общались с жителями, знакомили их со своей программой, намерениями, призывали желающих присоединиться к партизанскому движению. Но боливиенцы то ли боялись, то ли не понимали партизан, то ли находились под влиянием правительственной пропаганды, преподносившей населению соратников Че как иностранных захватчиков, грабителей и насильников. Как бы там ни было, но местные жители отнеслись к партизанам весьма недоверчиво. Крестьяне, правда, проявляли большее, чем прежде, дружелюбие, но не вступали в отряд.

Всевозраставшее беспокойство вызывало у Че отсутствие каких-либо следов отряда Хоакина. Теплилась надежда, что Хоакин заблудился. Всякие контакты с Ла-Пасом у партизан также прервались, и какой-либо надежды на их восстановление не вырисовывалось. Более того, 16 мая Че получил шифровку из «Манилы», лишь подтвердившую, как записал он в дневнике, полную изоляцию, в которой оказались партизаны⁵¹. Это могло означать только одно — подпольный аппарат поддержки, действовавший в Ла-Пасе, оказался парализованным.

В июне отряд Че продолжал действовать все в той же зоне между Санта-Крусом и Камири, не отрываясь от тайников и все еще надеясь на встречу с группой Хоакина. 14 июня 1967 г., в день своего рождения, Че записывает в дневнике: «Мне исполнилось 39 лет, годы неизбежно бегут, невольно задумаешься над своим партизанским будущим. Но пока я в форме»⁵².

Действительно, Че был тогда в своей «наилучшей» форме. Тело его было истощено насекомыми, астма вновь душила его, мучил желудок. Но воля пламенного революционера держала это слабое, уставшее тело на ногах, подавляя малейшую жалобу, малейшее проявление слабости. Разум его был ясным и трезвым, доказательством чему служат страницы дневника, где с точностью и поразительной беспристрастностью он фиксирует плюсы и минусы, действия, возможности и перспективы борьбы, зная которой он поднял в Боливии и которое он все еще думал победоносно пронести по Латинской Америке.

В итогах за июнь Че записывает: «...крестьяне по-прежнему не присоединяются к нам. Создается порочный круг: чтобы набрать новых людей, нам нужно постоянно действовать в более населенном районе, а для этого нам нужно больше людей...

Армия с военной точки зрения действует малоэффективно, однако она ведет работу среди крестьян, которую мы не можем недооценивать, так как при помощи страха или лжи относительно наших целей она вербует среди местных жителей доносчиков...»⁵³.

«За жителями нужно охотиться, чтобы поговорить с ними, они точно зверьки»⁵⁴, — с горечью отмечает Че 19 июня. И все-таки среди крестьян время от времени попадались люди, готовые сотрудничать с партизанами. Так, например, Паулино, молодой крестьянин, помог отряду разоблачить вражеских лазутчиков, выдававших себя за торговцев.

Че поручил Паулино добраться до Кочабамбы, встретиться с женой Инти и передать ей послание в «Манилу», ибо к тому времени передатчик перестал работать и рация

могла только принимать сообщения. Че послал с Паулино и четыре сводки о боевых действиях отряда. Но молодому крестьянину так и не удалось добраться до Кочабамбы: по пути его арестовали, послания Че попали в руки врагов...

26 июня в перестрелке с солдатами был ранен Помбо и убит кубинец Тума. К скромному, отважному бойцу Туме {Карлос Коэльо, 1940 г. рождения, участник Кубинской революции, боец личной охраны Че в его бытность министром промышленности⁵⁵} Че относился тепло и нежно, как к сыну, и глубоко переживал его гибель. Противник тоже понес потери: четыре человека убитыми и три ранеными. Но потери противника были легко восполнимы, в то время как для партизан потеря каждого человека, по словам Че, была равносильна серьезному поражению.

Правительственное радио утверждало, что среди партизан находятся опытные вьетнамские командиры, громившие в свое время «лучшие американские полки»⁵⁶.

30 июня Че принял сообщение с Кубы о том, что в Перу пока нет надежды на развитие партизанского движения, хотя там и создана партизанская организация. Че без комментариев регистрирует эти сведения в «Боливийском дневнике».

В июле положение отряда ухудшилось. Хотя стычки с войсками все еще заканчивались в пользу партизан, однако и потери отряда были ощутимыми: два человека убиты—кубинец Рикардо (Хосе Мария Мартинес, он же Папи и Чинчу, родился в 1936 г.), сражавшийся на Сьерра-Маэстре и в Конго, а также в Гватемале, и боливиец Рауль Киспайя; двое партизан серьезно ранены и не могут самостоятельно передвигаться⁵⁷. В одной из стычек партизаны потеряли 11 рюкзаков с медикаментами, биноклями и прочим снаряжением, а главное — с магнитофоном, на который записывались шифровки из «Манилы». Че, с его почти постоянными приступами астмы, остался без крайне необходимых ему лекарств.

В резюме за июль Че отмечал:

«Продолжают действовать те же отрицательные моменты, что и в прошлом месяце. Невозможность установления контактов с Хоакином и с нашими друзьями, а также потери в личном составе...

Наиболее важные особенности месяца таковы:

1) Продолжающееся полное отсутствие контактов. 2) Крестьяне по-прежнему не вступают в отряд, хотя имеются некоторые ободряющие признаки; наши старые знакомые среди крестьян принимали нас хорошо. 3) Легенда о партизанах распространяется по континенту... 4) Попытка установить контакт через Паулино потерпела неудачу. 5) Моральный дух и боевой опыт партизан растет от боя к бою. Слабо выглядят Камба и Чапако. 6) Армия ведет свои действия неудачно, но некоторые ее подразделения стали более боевыми. 7) В правительстве (Боливии. — *И. Г.*) углубляется политический кризис, но Соединенные Штаты предоставляют ему небольшие займы, которые по боливийским масштабам весьма значительны. Это несколько умеряет недовольство.

Наиболее важные задачи: восстановить контакты, набрать новых добровольцев, достать медикаменты»⁵⁸.

В дальнейшем положение партизан усложнилось. Че оказался выбитым из строя в связи с тяжелыми приступами астмы, приостановить которые можно было только с помощью лекарств, а в близлежащих селениях их не было. 7 августа Че записывает в дневнике: «Сегодня исполняется девять месяцев со дня образования партизанского отряда. Из шести первых партизан двое — мертвы, двое — ранены, один исчез, а я с астмой, от которой не знаю как избавиться»⁵⁹

8 августа на собрании партизан Че говорил о трудностях, которых еще прибавится в будущем, и о необходимости преодолеть испытания и «выдержать экзамен на революционеров. Но для этого нужно превозмочь себя. Кто чувствует, что способен на это, пусть остается, кто не в состоянии — пусть уходит». Все кубинцы и некоторые боливийцы высказались за то, чтобы продолжать борьбу до конца⁶⁰.

Че решает вернуться в старый лагерь, к одному из тайников, где запрятаны

противоастматические лекарства и радиостанция. Восемь человек он посылает вперед, а сам с остальными движется за ними. Он все еще надеется встретиться с группой Хоакина или по крайней мере узнать что-либо о ее судьбе.

В эти тревожные дни в Гаване конференция солидарности приняла Поздравительное послание майору Че Геваре и объявила о символическом создании «латиноамериканской национальности», провозгласив «почетным гражданином нашей общей родины — Латинской Америки дорогого партизана майора Эрнесто Че Гевару». В зале заседаний конференции над трибуной президиума висел огромных размеров портрет Че. Майор Че Гевара как бы незримо присутствовал и председательствовал на этом собрании.

Гаванская конференция изобиловала драматическими моментами. Перед делегатами предстали четыре агента ЦРУ, которые с мельчайшими подробностями поведали о том, как по поручению разведки США готовили убийство Фиделя Кастро. Таких диверсантов и убийц США засылали на Кубу с 1959 г. Разумеется, это давало кубинцам моральное право участвовать в освободительной борьбе, точнее, в партизанских действиях в Латинской Америке против империализма США. Работа конференции широко освещалась радиостанциями всех латиноамериканских стран.

Со своей стороны, США оказывали давление на правительства латиноамериканских государств. ОАГ объявила о принятии контрмер против революционной Кубы. Баррьентос призывал к интервенции против Кубы.

¹ В боливийской эпопее участвовали 17 кубинских революционеров, 13 из них сложили там головы. Никто из них не достиг 35-летнего возраста. Вот имена этих героев:

Капитан *Хесус Суарес Гайоль*, он же Феликс и Рубио, погиб 10 апреля 1966 г.

Капитан *Элисео Рейес Родригес*, он же капитан Сан-Луис и Роландо, погиб в бою 25 апреля 1967 г.

Команданте *Антонио Санчес Диас*, он же Пинарес и Маркос, погиб в мае 1967 г.

Лейтенант *Карлос Коэльо*, он же Тума и Тумаини, погиб в бою 26 июля 1967 г.

Капитан *Хосе Мария Мартинес Тамайо*, он же Папи, Рикардо и Чинчу, погиб в бою 30 июля 1967 г.

Команданте *Виталио Акунья Нуньес*, он же Хоакин и Вило, погиб 31 августа 1967 г.

Команданте *Густаво Мачин Оэд*, он же Алехандро, погиб 31 августа 1967 г.

Лейтенант *Исраэль Рейес Сайас*, он же Браулио, погиб 31 августа 1967 г.

Капитан *Мануэль Эрнандес Осорио*, он же Мигель и Исленьо, погиб в бою 26 сентября 1967 г.

Капитан *Альберто Фернандес Монтес де Ока*, он же Пачо и Пачунго, погиб в бою 8 октября 1967 г.

Капитан *Орландо Пантоха Тамайо*, он же Оло и Антонио, погиб 8 октября 1967 г.

Рэне Мартинес Тамайо, он же Артуро, погиб 8 октября 1967 г.

Октавио де ла Консепсьон Педраха, он же Моро, Моронго, Муганга, врач, убит 12 октября 1967 г.

Более подробно о них см. серию статей, опубликованных в связи с десятилетием гибели Че: *Bohemia*, 1977, N 23, 30, 34, 30, 41; см. также: *Rodríguez Herrera M. Ellos lucharon con el Che. La Habana*, 1980.

² Речь идет о Сиро Альгараньясе.

³ Хорхе Васкес Мачикадо Вианья, боливийский студент, он же Лоро, Хорхе.

⁴ Боливийский дневник Че Гевары цитируется по русскому переводу, опубликованному как Приложение к № 42 журнала «Новое время» от 18 октября 1968 г. Записи с 3 мая по 26 сентября 1967 г., не включенные в перевод, цитируются по испанскому тексту дневника; *El diario del Che en Bolivia. La Habana*, 1968.

⁵ Боливийский дневник Че Гевары, с. 4

- ⁶ Там же, с. 5.
- ⁷ Боливийский дневник Че Гевары, с. 6.
- ⁸ Клещи.
- ⁹ Боливийский дневник Че Гевары, с. 5.
- ¹⁰ Там же, с. 6.
- ¹¹ Там же, с. 7.
- ¹² Там же.
- ¹³ Архив Комиссии по увековечению памяти Эрнесто Гевары.
- ¹⁴ *Vasquez Diaz R. Bolivia a la hora del Che. Mexico, 1968, p. 156.*
- ¹⁵ Боливийский дневник Че Гевары, с. 12.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же, с. 13.
- ¹⁸ Там же,
- ¹⁹ Там же, с. 14.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же, с. 15.
- ²² Там же, с. 16.
- ²³ Там же, с. 16—17.
- ²⁴ Там же, с. 17.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же, с. 18.
- ²⁷ Там же, с. 17.
- ²⁸ Там же, с. 18.
- ²⁹ Там же, с. 17—18.
- ³⁰ Там же, с. 19.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же, с. 20.
- ³³ Там же, с. 21—22.
- ³⁴ Че написал четыре сводки о военных действиях партизан, а также манифест Армии национального освобождения, обращенный к боливийскому народу, и послание к боливийским шахтерам. Из этих документов только одна сводка появилась в боливийской печати. Остальные попали в руки властей, и их содержание стало известно только после гибели Че.
- ³⁵ БОЛИВИЙСКИЙ дневник Че Гевары, с. 21.
- ³⁶ Там же, с. 22.
- ³⁷ Там же, с. 24.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Хуан Лечин Окендо — один из основателей Федерации горняков Боливии. Боливии, в 1960—1964 гг. занимал пост вице-президента
- ⁴⁰ Боливийский дневник Че Гевары, с. 25.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² *Che Guevara E. Obras, 1957—1967. La Habana, 1970, t. 2, p. 598.*
- ⁴³ Боливийский дневник Че Гевары, с. 28.
- ⁴⁴ Там же, с. 25.
- ⁴⁵ Имеются в виду Дебре и Бустос.
- ⁴⁶ Боливийский дневник Че Гевары, с. 28.
- ⁴⁷ См.: Там же, с. 27.
- ⁴⁸ Там же, с. 28.
- ⁴⁹ См.: *El diario*,..., p. 181, 182, 185, 187.
- ⁵⁰ *Ibid.*, p. 180—181, 198.
- ⁵¹ См.: *Ibid.*, p. 187.
- ⁵² *Ibid.*, p. 213.
- ⁵³ Боливийский дневник Че Гевары, с. 29.

⁵⁴ El diario..., p. 217.

⁵⁵ Granma, 1982, 27 jun.; *Rodríguez Herrera M.* Op. cit, p. 80.

⁵⁶ El diario..., p. 229—230.

⁵⁷ См.: *Ibid.*, p. 260—262; Granma, 1982, 31 July.

⁵⁸ Боливийский дневник Че Гевары, с. 29—30.

⁵⁹ El diario..., p. 273.

⁶⁰ *Ibid.*, p. 274-275.

Западня

Че стремился как можно быстрее добраться до тайника, где находились спасительные лекарства и продовольствие. Когда партизаны уже были почти у цели, выяснилось, что неприятель опередил их.

«Черный день... — записывает Че в дневнике 14 августа, — ночью из последних известий узнали, что армия обнаружила тайник... Приводятся детали, не вызывающие сомнения в правдивости сообщения. Теперь я осужден страдать от астмы неопределенное время. Радио сообщает также, что найдены различные документы и фотографии. Нам нанесен самый сильный удар. Кто-то нас предал. Кто? Пока это неизвестно».

17 августа радио сообщило, что армия обнаружила четыре тайника в районе главного лагеря¹. Теперь все запасы партизан оказались в руках врагов. Положение отряда и перспективы дальнейшей борьбы резко ухудшились.

«Все получилось скверно», — так начинается дневниковая запись Че от 26 августа. В этот день он потерял над собой контроль и ударил Антонио, преждевременным выстрелом обнаружившего партизанскую засаду.

«День проходит в отчаянных поисках выхода, результаты которых пока не ясны», — так начинается запись следующего дня.

«День сумрачный и несколько мучительный», — начало записи от 28 августа.

«День тяжелый и весьма мучительный»², — записывает Че 29 августа.

Запись от 30 августа: «Положение становилось невыносимым — люди падали в обморок, Мигель и Дарио пили мочу, то же делал и Чино, с печальными последствиями — расстройством желудка и судорогами. Урбано, Бенигно и Хулио спустились на дно ущелья и там нашли воду. Мне сказали, что мулы не могут спуститься, и я решил остаться с Ньято, но Инти принес нам воды, и мы остались втроем есть кобылу. Рация осталась в ущелье, и мы не смогли послушать новости»³.

Этот месяц стал и наименее удачным в отношении военных действий. В единственной стычке с противником партизаны ранили только одного солдата. Результаты действий за месяц и оценка положения сделаны Че, как всегда, с поразительной четкостью и правдивостью:

«Это был, безусловно, самый тяжелый месяц, который мы пережили с того момента, как начали вооруженные действия. Обнаружение армией всех наших тайников с документами и медикаментами явилось для нас очень тяжелым ударом, особенно с психологической точки зрения. Потеря двух бойцов и последовавшие за этим трудные периоды, во время которых мы держались только за счет конины, деморализовали людей. Дело дошло до того, что Камба ставит вопрос об уходе из отряда... Отрицательно сказывается на моральном духе бойцов и отсутствие контактов с Хоакином, а также тот факт, что пленные из его отряда выдали армии все, что знали. Моя болезнь также посеяла среди многих неуверенность, и все это сказалось на единственном нашем бое, в котором мы могли нанести армии серьезные потери, но только ранили одного солдата. С другой стороны, трудные переходы по горам без воды выявили некоторые отрицательные человеческие черты у бойцов.

Наиболее важные характеристики:

1) Мы по-прежнему лишены каких бы то ни было контактов и не имеем надежды установить их в ближайшем будущем;

2) Крестьяне по-прежнему не присоединяются к нам — это естественно, принимая во внимание тот факт, что в последнее время мы мало встречались с ними;

3) В отряде наблюдается упадок духа, но, надеюсь, это временное явление;

4) Армия не действует более эффективно и напористо.

Мы переживаем момент упадка нашего боевого духа. Легенда о партизанах также тускнеет. Наиболее важные задачи — те же, что и в прошлом месяце: восстановить контакты, увеличить свои ряды за счет новых бойцов, обеспечить себя лекарствами и оружием.

Надо указать, что Инти и Коко все более проявляют себя как твердые и боевые революционные кадры»⁴.

Когда Че писал эти строчки, в нескольких десятках километров от его отряда, недалеко от главного лагеря, на реке Рио-Гранде, Хоакин и его бойцы вели последний бой с окружившими их солдатами.

После того как Че с группой партизан отправился в рейд, Хоакин и его люди кружили в районе главного лагеря в ожидании своего командира. Положение группы Хоакина оказалось не из легких. Напомним, что в ней были боль-вые. Боливиец Серапио находился в тяжелом состоянии. Другой проблемой являлись четыре боливийца: Пако, Пепе, Чинголо и Эусебио, которых Че лишил звания партизан, — они могли в любой момент дезертировать.

Боливийские власти разработали план окружения и ликвидации группы Хоакина. В честь дочери генерала Баррьентоса плану было дано кодовое название «Синтия». Кроме войск под командованием полковников Л. Роке Терана и Х. Сентено Анайи преследование отряда Хоакина и его людей было поручено войскам четвертой и восьмой дивпзпй и авиации.

23 мая дезертирует боливиец Пепе: сдавшись в плен, он рассказывает противнику все, что знает о партизанах, однако это не спасает его от смерти. В перестрелке с солдатами гибнут кубинец Маркос (майор Антонио Сачес Диас (Пинарес), участник партизанского движения на Кубе, родился в бедной крестьянской семье в 1927 г., член ЦК КПК⁵) и боливиец Виктор (Касильдо Кондори Варгас). При новой стычке с войсками дезертируют и переходят к противнику боливийцы Эусебио и Чинголо. Предатели сообщают властям месторасположение тайников, подробно информируют о состоянии бойцов отряда. Войска усиливают преследование, хотя и действуют крайне медленно и нерешительно. 9 августа в очередном столкновении с войсками, которые, пользуясь услугами проводников из местных крестьян, вновь напали на след отряда, гибнет от армейской пули 26-летний боливиец Педро (Антонио Фернандес), один из руководителей комсомола Боливии.

Теперь в группе Хоакина всего 10 человек. Они окружены со всех сторон противником, у них нет еды, нет лекарств. Но сдаваться партизаны не намерены. Они все еще надеются соединиться с отрядом Че.

30 августа отряд Хоакина вышел к реке Рио-Гранде в том месте, где стояла хижина крестьянина Онорато Рохаса, которого Че еще во время тренировочного похода партизан интуитивно назвал «потенциально опасным». Тем не менее партизаны Хоакина были вынуждены прибегнуть к услугам Рохаса.

Обремененный большой семьей (у него было восемь детей), Рохас жил в нищете, как и подавляющее большинство крестьян этой зоны. В 1963 г. за «незаконный» убий быка местного помещика (чтобы накормить детей) он просидел 6 месяцев в тюрьме. Казалось, у него не имелось никаких оснований для любви к властям, и он действительно поначалу по поручению партизан покупал и доставлял им продукты, одежду и лекарства в городке Вальегранде. В июне 1967 г. его и еще несколько десятков крестьян арестовали. Специальная команда по борьбе с партизанами подвергла в Вальегранде арестованных допросу и пыткам. Особенно досталось Рохасу:

его били палками, пытали электричеством, но он, не вымолвив лишнего слова, на этот раз выстоял. Его освободили, но некоторое время спустя вновь арестовали и увезли в Санта-Крус, где его допрашивал опытный агент ЦРУ Ирвинг Росс. Он не истязает Рохаса, а предлагает помочь захватить партизан и обещает за это 3 тыс. долл., переезд с семьей в Соединенные Штаты и участок земли там. Рохас не устоял и дал согласие сотрудничать с Россом. Теперь оставалось только ждать, когда партизаны выйдут на связь с предателем.

Когда партизаны Хоакина зашли к Рохасу, тот встретил их точно долгожданных гостей: обещал достать продукты и подыскать подходящий брод через Рио-Гранде, на противоположном берегу которой партизаны, по его словам, смогут найти надежное место для укрытия.

Оставив Рохасу деньги и пообещав прийти на следующий день за продуктами, партизаны покинули его хижину. Не успели они скрыться, как Рохас послал своего 8-летнего сына известить солдат о появлении партизан.

Получив сообщение, капитан Марио Варгас, находившийся в селении Ла-Лоха, приблизительно в 13 км от хижины Рохаса, немедленно выступил во главе отряда по направлению к Рио-Гранде.

На рассвете 31 августа Варгас с отрядом достиг хижины Рохаса и велел ему, дождавшись партизан, отвести их к броду, в 1,5 км от хижины, где их будет подстерегать засада.

Вечером того же дня Хоакин и его бойцы явились к Рохасу, который, вновь разыграв радушного хозяина, накормил их, снабдил продуктами и отвел на условленное место — так называемый брод Вадо-дель-Иесо на реке Икира (или Масикури, при ее впадении в Рио-Гранде). Партизаны стали переходить реку, не приняв никаких мер предосторожности. Первым вошел в воду Браулио, предпоследней шла Таня, последним Хоакин.

Когда все уже были в воде с высоко поднятым над головой оружием, шедший впереди боливийский индеец Серапио, увидев засаду, закричал: «Назад! Здесь солдаты!»⁶. Варгас и его люди открыли по партизанам ураганный огонь. Браулио, раненный, начал отстреливаться, убил солдата, но и сам был убит. Шесть других бойцов, в том числе Хоакин, Таня, Мойсес Гевара, Серапио, нашли здесь смерть. Negro (перуанский врач Хосе Реститутто Кабрера Флорес) сумел скрыться в зарослях. Несколько дней спустя его поймали солдаты и тоже убили. Был убит и еще один пленный, боливец Фредди Маймура (кличка—Эрнесто). В живых остался только Пако, получивший три пулевых ранения. Он рассказал все, что знал, и этим спас себе жизнь. Впоследствии его освободили.

После бойни солдаты стали вылавливать из воды трупы и отвезли их в Вальегранде, где похоронили в общей могиле за городом. Тело Тани нашли только неделю спустя в 3 км от места боя. Сюда на вертолете прибыл сам боливийский президент генерал Баррьентос. Труп Тани, привязав к вертолету, отправили в Вальегранде. Место ее захоронения по сей день не обнаружено⁷.

Онорато Рохас получил от Баррьентоса небольшую ферму около города Санта-Крус, куда он и перебрался с семьей. В 1969 г. он был убит выстрелом в голову неизвестным лицом. Капитан Варгас, произведенный в майоры, вскоре после столь драматических событий сошел с ума.

Обстоятельства гибели отряда Хоакина были восстановлены лишь в 1971 г. корреспондентом «Пренса Латина» в Боливии, который встретился с Пако и проводником Варгаса Хосе Кордоной Толедо, а также получил возможность ознакомиться с дневником Браулио, попавшим в руки противника.

Корреспондент спросил Хосе Кордону Толедо, бедного крестьянина, отца пятерых детей, почему он помогал военным.

— Я надеялся на благодарность, — ответил Кордона. —

Хотя получил от генерала Баррьентоса только 200 песо. Он пригласил меня в Ла-

Пас, обещал подарить ферму. Я поехал, пробыл в столице месяц, израсходовал 700 песо, но, так и не встретившись с президентом, ни с чем вернулся обратно.

— Вы знали, за что сражаются партизаны?

— Военные нам говорили, что партизаны хотят коммунизма, а при коммунизме, как нам объясняли военные, все становятся слугами государства, всех одевают в одинаковую одежду, семьи разрушаются. Нам говорили, что партизаны насилуют женщин, занимаются разбоем, убивают всех, кто не служит им, а главное, нас убеждали, что они прибыли превратить нас в рабов. А я люблю свободу⁸..

На следующий день после гибели отряда Хоакина, 1 сентября вечером, к хижине Рохаса вышли Че и его бойцы. Хижина была пуста. Ничего подозрительного ни в лачуге, ни за ее пределами партизаны не обнаружили. Найдя в доме Рохаса еду, они приготовили нехитрый ужин, подкрепились и двинулись дальше. На следующий день Че и его бойцы встретили поблизости крестьян, но никто из них ни словом не обмолвился о гибели группы Хоакина и причастности к этому Рохаса.

Поймав «Голос Америки», Че услышал, что в районе Камири был разгромлен отряд в составе 10 человек во главе с кубинцем Хоакином. Однако это сообщение показалось Че недостойным доверия⁹. Он не хотел верить, что вся группа Хоакина потеряна, и только в самом конце сентября, когда боливийские радиостанции сообщили подробности гибели группы, в том числе и о смерти Тани, он понял, что это правда, и все же выразил надежду, что «не все погибли и что где-то бродит небольшая группа партизан, оставшихся в живых и избегающих столкновения с армией. Возможно, что сообщение о гибели всех бойцов той группы лживо или по крайней мере преувеличено»¹⁰.

Судя по августовским записям в дневнике, Че чувствовал себя прескверно: его одолевали астма и постоянное расстройство желудка. Но, поев горячей пищи в доме Рохаса он вновь почувствовал прилив сил и бодрости¹¹. В отличие от предыдущего месяца в сентябре он только три раза жалуется в дневнике на состояние своего здоровья.

В сентябре отряд Че продвигается по более населенной зоне, часто натываясь на крестьянские хижины и возделанные поля. Это, с одной стороны, дает партизанам возможность пополнять запас продовольствия, утолять жажду, с другой же — контакты с крестьянами становятся очень опасными. Последние не только не помогают партизанам, но и сотрудничают с армией. Че на этот счет не питает уже никаких иллюзий. В сентябрьском анализе он с присущей ему искренностью запишет, что «крестьянская масса ни в чем ... не помогает, крестьяне становятся предателями»¹².

Но если Че в сентябре, как бы обретая второе дыхание, редко жалуется на состояние здоровья, то некоторые его сподвижники один за другим сдают. Девять месяцев нечеловеческих усилий измотали многих физически и духовно. 12 сентября Че записывает, что Антонио ведет себя как помешанный... Отказался выполнить приказ Чапако. 16 сентября — крупная ссора между Аптонио и Чапако. Эустакио обвинил Ньято в том, что он объедает товарищей, Хулио заподозрил больного врача в симуляции. 18 сентября Бенигно не выполнил приказ. Че его обругал, Бенигно разрыдался.

И все же Че записывает в месячном анализе: «Моральный дух большинства оставшихся у меня людей довольно высок»¹³.

Чтобы дать возможность бойцам отдохнуть хоть немного и запастись пищей, Че вынужден идти на риск и заходить в селения. Крестьяне встречают партизан с недоверием и страхом. Многие отказываются продать им продовольствие. Бойцы пытаются вести политические беседы с населением, но тщетно. 22 сентября партизаны вошли в селение Альто-Секо. Здесь в 50 убогих хижинах ютились крестьяне — индейцы кечуа. Повстанцы устроили в школе митинг. Перед молчаливыми крестьянами, настроенно, но внимательно слушавшими чужаков, выступил Инти, затем Че. Инти

говорил о тяжелой доле индейцев, об эксплуататорах помещиках, о продажных чиновниках, о том, что партизаны борются за лучшую долю крестьян. Че напомнил своим слушателям, в какой нищете они живут. «Увидите, — сказал он, — что после нашего посещения власти впервые вспомнят и о вас. Они пообещают вам построить больницу или еще что-нибудь. Но это обещание будет вызвано единственно тем, что мы действуем в этих местах, но если оно будет выполнено, то вы почувствуете, хоть и не прямым образом, какую пользу принесло вам наше партизанское движение»¹⁴.

26 сентября отряд занял селение Игерас, покидая его, наткнулись на засаду. Короткий бой имел чуть ли не катастрофический исход: Коко, Мигель и Хулио убиты, Бенигно и Паблито ранены, боливийцы Камба и Леон пропали¹⁵.

Вся окрестная зона контролируется войсками; по всем дорогам наблюдается передвижение армейских частей. 28 сентября Че записывает в дневнике: «День кошмаров. Нам даже казалось, что это наш последний день»¹⁶. Вокруг — солдаты. Любая стычка с ними грозит партизанам гибелью. Военные сводки, переданные по радио, сообщают, что Че окружен и в ближайшее время ожидается ликвидация его отряда.

30 сентября Че отмечает в месячном анализе: «Месяц этот напоминает по своим чертам предыдущий, но сейчас армия явно показывает большую эффективность в своих действиях...

Наиболее важная задача — уйти отсюда и искать более благоприятные зоны. Кроме того, надо наладить контакты, хоть весь наш аппарат в Ла-Пасе разрушен и там нам также нанесли тяжелые удары»¹⁷.

Первый день октября прошел спокойно. Утром партизаны добрались до редкого лесочка, где разбили лагерь» выставив у подходов к нему сторожевые посты. Партизаны по-прежнему оставались свидетелями активного передвижения солдат. Только поздно ночью бойцы Че раздобыли воды и смогли поесть. На следующий день они спустились в соседнее ущелье, надеясь там заночевать, но заблудился Ньято. Решили вернуться и поискать его. В результате всю ночь бодрствовали, не разжигая огня и страдая от жажды.

3 октября партизаны смогли приготовить пищу, после чего вновь пустились в путь. Радио сообщило, что Камба и Леон взяты в плен. Че записывает в дневнике: «Оба дали обильную информацию о Фернандо (последний псевдоним Че. —И. Г.), его болезни и всем остальном, не говоря уж о том, что они сказали такое, о чем официально не сообщается»¹⁸

Следующие три дня партизаны продолжали двигаться из одного ущелья в другое, избегая встреч с крестьянами и военными патрулями, время от времени попадавшими в поле их зрения. 7 октября партизаны вошли в каньон Кебрада де Юро. Че пишет в этот день в дневнике:

«Одиннадцать месяцев со Дня нашего появления в Ньянкауасу исполнилось без всяких осложнений, почти идиллически. Все было тихо до полпервого, когда в ущелье, в котором мы разбили лагерь, появилась старуха, пасшая своих коз. Нам пришлось задержать ее. Она ничего внятного о солдатах не сказала, отвечая на все наши вопросы, что ни о чем не знает, что она уже давно в этих местах не появлялась. Она смогла рассказать нам только про дороги. Из ее слов явствует, что мы находимся примерно в одной лиге¹⁹ от Игераса и Хагуэя и в двух лигах от Пукары. В полшестого Инти, Анисето и Паблито отправились в хижину к старухе, у которой одна дочь психически больная, а другая почти карлица. Старухе дали 50 песо и сказали, чтобы она никому ни слова о нас не говорила. Но мы мало надеемся на то, что она сдержит свое обещание. В пять часов мы вышли в путь. Луна еле светила, и переход был очень утомительным. Мы оставили много следов, идя по каньону, в котором не было домов, но были посеы картофеля. Их поливают водой из канав, отходящих от ручья рядом с которым мы располагались до этого. В два часа ночи мы решили отдохнуть, но потом сочли бессмысленным продолжать наш путь. При ночных переходах Чино (стра-

давший сильной близорукостью. — *И. Г.*) превращается в настоящую обузу.

Армия передала странное сообщение о том, что в Серрано расположились 250 солдат, преграждающих путь окруженным 37 партизанам, и что мы находимся между реками Асеро и Оро...»²⁰

На этой записи, которая была сделана между 2 и 4 часами утра 8 октября, обрывается Боливийский дневник Че

Гевары.

Что произошло дальше, мы знаем со слов Инти Передо и Бенигно (Аларкон). Их версии несколько отличаются одна от другой. Вот как об этих событиях рассказывал Инти. В 4 часа утра 17 бойцов отряда Че после двухчасового отдыха вновь пустились в путь. Вдруг в авангарде заметили какой-то свет. Похоже было, что кто-то ходит, освещая себе дорогу электрическим фонарем. Стали наблюдать, но свет исчез. Решили, что им показалось, и возобновили марш. Впоследствии оказалось, что это ходил местный крестьянин, привлеченный, по-видимому, голосами партизан. Он их заметил и немедленно донес солдатам в надежде получить крупную денежную награду, обещанную за информацию об отряде Че. Еще до него солдатам сообщила о движении партизан крестьянка, которую они встретили накануне.

С рассветом партизаны увидели, что каньон покрыт лишь низким кустарником, а его склоны — редкими деревьями.

Че понял, в каком опасном положении оказался отряд, и поспешил послать нескольких бойцов вперед по каньону, а также на холмы справа и слева разведать обстановку. Вскоре с правого фланга сообщили, что каньон окружен войсками. Че не знал, известно ли о присутствии здесь партизан войскам, или они пока что действуют вслепую. Поэтому он приказал своим бойцам замаскироваться и никоим образом не выдавать себя, надеясь, что с наступлением темноты отряду удастся прорвать окружение.

Где-то в полдень солдаты открыли по партизанам ураганный огонь из винтовок, пулеметов и гранатометов. Стрельба продолжалась до сумерек. Что происходило внизу в каньоне, сверху не было видно. Около семи часов вечера, когда утихла стрельба, бойцы, находившиеся на флангах, выждав немного, спустились в каньон в надежде встретить там Че. Но ни Че, ни других товарищей они не обнаружили. Решив, что Че отступил в условное место встречи, они направились туда. На дороге Инти обнаружил измятую алюминиевую тарелку, которой обычно пользовался Че, и разбросанную еду, в частности рассыпанную муку, что особенно заставило его насторожиться, так как Че ни при каких обстоятельствах не разрешал бросать пищу. Среди следов, которые вели к условленному месту встречи, бойцы легко различили следы Че, который в отличие от своих товарищей носил сшитые из сыромятной кожи мокасины. Поэтому они все еще рассчитывали на встречу с ним. Но в условленном месте ни Че, ни его спутников не оказалось. Инти и находившиеся с ним бойцы обеспокоились. Они продолжали идти по следам Че, которые привели их в Ла-Игеру. Они устроили короткий привал в кустах, неподалеку от сельской школы, не подозревая, что в это самое время в одной из комнат школы в руках неприятеля находился раненый Че.

Более подробно описал последнее сражение Че Бенигно, один из немногих уцелевших бойцов интернационального отряда, действовавшего в Боливии:

«... в 6 часов утра мы подошли к месту, где сходились три ущелья. Это на северо-востоке Боливии. Тогда мы не знали, как они называются. Да и сегодня известно название только одного из них. Оно навсегда вошло в историю человечества, потому что здесь дал свой последний бой Эрнесто Гевара де ла Серна, скромный человек, чье имя стояло на бумажных деньгах Кубы... человек, ставший легендарным олицетворением отваги, мужества, революционной стойкости. Это имя знали даже неграмотные крестьяне горных районов Кубы, где он прошел революционной поступью» с призывами к освободительной войне и возгласами победы. ..

Итак, мы двигались по ущелью. Я — впереди отряда, в головном охранении. За

мною — Паблито. Раздалась команда остановиться, и я увидел, что Че подходит к нам

— Как ты чувствуешь себя, Бени? — спросил он меня

— Нормально, хорошо себя чувствую.

— Хорошо или не очень?

— Нет, хорошо, хорошо.

Почему он спросил меня об этом?

Дело в том, что как-то раз, когда раздалась команда остановиться, я от неожиданности как стоял, так и сел — прямо в лужу с ледяной водой, доходившей мне выше колен. Поэтому-то Че, правда несколько иронично, и справился о моем здоровье. С чего это вдруг человеку садиться в лужу? Но Че знал (это записано в «Дневнике»), что после ранения, полученного в бою 26 числа, я потерял много крови. Лекарств не было. Мне в рану вылили содержимое единственной ампулы пенициллина — вот и все лечение. Это помогло ненадолго, и если бы не креолин... Когда нужно было преодолевать препятствия на этой адской земле, первыми шли на самых трудных участках Инти и Урбано. Они бросали веревку, меня привязывали и тянули вверх, потому что правая рука у меня бездействовала, а в левой я держал винтовку и транзистор Коко — оставшаяся о нем память.

Че смотрит на меня: кажется, я не так уж плохо выгляжу, несмотря на рану, — и говорит:

— Ты можешь идти в разведку?

— Конечно, могу, Фернандо, — отвечаю я.

— Послушай, Бени, — говорит Че, — ты должен провести разведку по всему фронту и постараться определить расположение противника. Нам надо знать самое слабое место в их рядах и постараться ночью вырваться из окружения. Мы должны прорваться любой ценой, сделать это надо ночью, но сначала необходимо хорошенько изучить расположение их войск и определить наименее укрепленный участок, на котором мы и будем действовать. Понимаешь?

— Понимаю, Фернандо.

— Обстановка становится все более критической, и мы должны уйти отсюда во что бы то ни стало. С тобой пойдет Пачо.

— Хорошо.

— Это не все. Может быть, стоит послать еще кого-нибудь?

— Да, было бы неплохо.

— Кому, по-твоему, можно поручить обследовать этот район?

— Паблито и Урбано.

— Хорошо, но им нужны напарники. С Урбано пойдет Ньято, а с Паблито...

— А, черт! — восклицаю я. — У Паблито же сломана нога...

— Действительно, — говорит Фернандо. — Тогда вместо Паблито пойдет Анисето и с ним Дарио.

За прошедшие месяцы Че хорошо изучил людей, которых не знал раньше.

Поэтому он назвал Анисето, проявившего себя хорошим разведчиком. Дарио из-за своих ребяческих выходов, с которыми нам еще предстоит столкнуться, не вызывал полного доверия, но это был тот случай, когда могла пригодиться его недюжинная физическая сила — ведь разведчик

должен быть физически выносливым, ловким, должен обладать быстрой реакцией.

Че послал за выделенными товарищами. Мы собрались, и он объяснил нашу задачу. В разведку ушли тремя парами. Мы с Пачо отправились в правое ущелье, Анисето и Дарио — в среднее, а Урбано и Ньято — в левое.

Че вернулся к оставшейся группе. Их было десять, он — одиннадцатый. На перекрестке трех ущелий он решил сделать привал. Мы с Пачо прошли метров пятьсот, как вдруг вдали, на верху склона, увидели очертания человеческой фигуры. Было еще очень рано. Поэтому сначала, увидев, что какой-то человек встал и пошел к вершине горы, мы решили, что это крестьянин, направляющийся в Пукара,

ближайшую деревню. Мало-помалу вся гора заполнилась людьми. Мы плохо различали их в утренних сумерках, но и так было ясно, что все они не могут быть крестьянами, идущими в Пукара.

Солнце начало всходить. Солдаты, сидевшие в засаде, замерзли, поэтому теперь искали освещенные солнцем участки, чтобы погреться в его первых лучах.

Это была целая колонна солдат. Они расположились полукругом на вершине склона. Удачно расположились, ничего не скажешь. Видно, их командиры знают, что делают.

Так, спрятавшись в кустарнике среди камней, мы с Пачо просидели около часа, наблюдая за противником и стараясь найти хоть малейшую брешь в их расположении, но напрасно. Здесь прорваться невозможно.

Из нашего укрытия были хорошо видны два других ущелья, куда ушли Урбано, Ньято, Анисето и Дарио. Мы внимательно осмотрели их, чтобы доложить Че.

Мы вернулись приблизительно через час с сообщением, что, во-первых, вся местность оцеплена солдатами; во-вторых, ущелье, которое мы обследовали, резко углубляется, спуски сложные, склоны крутые, в конце ущелья — высохший водопад. Наверху находится ранчо, но людей не видно, солдат тоже. Центральное и левое ущелья тесно сходятся. Вся вершина занята правительственными войсками.

Че немедленно посылает связных к двум разведгруппам с приказом вернуться. Через некоторое время мы снова собираемся вместе, все семнадцать. Че предлагает спрятаться где-нибудь и спокойно дожидаться ночи, когда можно будет попытаться прорвать окружение.

Оставаться дольше в этом месте означало, что рано или поздно враг обнаружит нас.

Другого выхода нет, поэтому ночью надо выходить из окружения. Это приказ Че.

Днем решаем отсидеться в самом глубоком ущелье Юро, которое обследовали мы с Пачо.

На месте слияния ущелий Че организовал засаду из четырех человек: Антонио, Пачо, Артуро и Вилли. Мы расположились в ущелье Юро метрах в 50 от них. В 8 часов утра Че приказывает мне подняться по правому склону, спрятаться там и в течение дня вести наблюдение за перемещениями противника. На этом склоне росло единственное на всю местность дерево, правда засохшее, но с пышной кроной. Лучшего места для наблюдательного пункта не придумаешь. Со мной идут Инти и Дарио.

Это дерево росло почти на верху склона, метрах в 15—20 от того места, где расположился Че с основными силами. Какое из кубинских деревьев оно напоминает? Пожалуй, хагуэй... да, именно хагуэй. Его ствол был ненамного шире человека, поэтому для того, чтобы спрятаться всем троим, мы делали так: пока один вел наблюдение, двое других сидели, прислонившись к дереву, скрючившись, буквально между ног наблюдающего.

Несколько дней мы почти не спали, поэтому дежурили по очереди, чтобы хоть немного вздремнуть. Мы — это Инти и я, потому что нельзя было доверить наблюдение такому безответственному парню, как Дарио. Если бы ему вдруг захотелось покурить, то ему ничего не стоило бы пойти стрельнуть сигарет у солдат и, как будто это так и надо, заодно сообщить им, что хочет преподнести сюрприз своим ребятам и угостить их, когда проснутся, сигаретами. От Дарио можно было ждать любой глупости!

Но так как он всегда шел — или хотел идти — в строю рядом со мной, Че и послал его вместе со мной на задание. Поэтому мы с Инти не доверяли ему наблюдение.

Я дежурил на наблюдательном пункте, как вдруг заметил странное перемещение в лагере противника. До этого солдаты были заняты оборудованием лагеря. Теперь же они осторожно двигались по направлению к нам.

Я тотчас же в полный голос сообщил об этом Че. Солдаты были еще на таком расстоянии, что не могли слышать нас, а Че, как я говорил, находился метрах в 15 от

нас. Он спросил, в каком направлении они перемещаются, и я ответил, что они со всех сторон двигаются к нам.

Это сообщение не встревожило Че. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Мы знали, что он умеет сохранять спокойствие даже в самые критические моменты.

Я прочитал в глазах Че немой вопрос и высказал предположение, что противник, должно быть, заметил Анисето и Дарио, когда они ходили в разведку. Я видел, как они чуть не столкнулись с солдатами. Позднее мы узнали, что нас видел и выдал войскам сын алькальда деревни Ла-Игера (помните, запись в «Дневнике» Че о том, что мы здорово наследили в ущелье, где были крестьянские посадки картофеля?). Че приказал внимательно следить за продвижением противника. Когда солдаты приблизились на расстояние 300 метров, я снова сообщил:

«Они подходят, Фернандо». Он знаком показал, чтобы я продолжал наблюдать. Я неподвижно следил за тем, как противник заходит справа, окружая нас. Около 11, стараясь говорить как можно тише, я передал Че, что солдаты уже находятся метрах в 100 и теперь могут меня слышать.

Я не мог пойти к Че сам или послать с донесением кого-то из товарищей: стоило выйти из-за дерева, как мы оказывались на виду у противника.

Никогда не забуду, как росло наше напряжение. Наше состояние легко было понять. Мы видели, как цепи солдат с убийственной медлительностью, естественной для людей, прекрасно осведомленных о нашем расположении и понимающих, что столкновение неизбежно, приближаются к нам. А мы занимаем позицию, во всех отношениях невыгодную для ведения боя.

Соотношение сил просто чудовищное: приблизительно 3 тыс. солдат против 17 человек, из которых Помбо, Пачо и я ранены; у Паблито сломана нога; Чино, Эустакио и еще двое боливийцев, врач и сам Че больны. Все, ну решительно все против нас. Мы уже едва осмеливаемся дышать.

Я смотрю на Че и вижу, что, несмотря ни на что, он совершенно спокоен. Он отдает мне приказ — последний приказ, и вижу я его тоже в последний раз. На его лице не заметно ни тени волнения. Он говорит обычным голосом, с расстановкой, необычайно спокойно. По крайней мере мне так показалось тогда, в те незабываемые минуты. Он сказал, что все в порядке, что я должен любой ценой удержаться на своей позиции и первым не стрелять, отвечать только на огонь противника. Но и в этом случае следует учитывать, стреляют ли они вслепую, прочесывая местность, или действительно обнаружили нас. Если стреляют вслепую, то не отвечать, чтобы не обнаружить себя.

Че приказал во что бы то ни стало удерживать занимаемую нами позицию, так как отходить удобнее по правому ущелью, используя преимущества его рельефа.

Я знал, что Че спокоен: опытный партизан никогда не думает о смерти. Думать о смерти — значит думать о поражении, а партизан не имеет права думать о поражении.

Ни в Сьерре, ни в Лас-Вильясе, ни в одном бою мне ни разу не приходила в голову мысль о том, что меня убьют. Наоборот, я всегда знал, что убивать буду я. Буду стрелять и уничтожать врага.

В те минуты я думал о том, что рядом с Че я был всего лишь учеником. И не только я, все мы считали себя его учениками. Сам главнокомандующий Фидель назвал Че непревзойденным мастером ведения партизанской войны.

И вот теперь Че, спокойный, как никогда, отдает мне последние приказы и прикидывает, где лучше всего прорвать окружение, да так, чтобы нанести противнику ощутимые потери (в своем «Дневнике» Че отметил, что, кроме боя 26 сентября, мы всегда наносили противнику большие потери) и отойти на более выгодные боевые позиции. Еще никогда мы не были в столь безвыходном положении. Принято считать, что бой начался в час дня. Мы с Инти, следя за временем перемещения противника, то и дело посматривали на часы. Последний раз я взглянул на них, когда стрелки показывали 11.30 утра. Именно в этот момент я услышал, как солдаты закричали: «Они в этом ущелье!»

Мы спрятались за дерево: я стоял впереди, Инти прислонился к дереву, а Дарио устроился между ног, моих и Инти. Мы приготовились к бою. Земля вдруг задрожала, как будто тысячи разъяренных диких зверей сорвались с места и несутся на нас. Солдаты открыли плотный огонь по тому месту, где находился Че с товарищами.

Рвущиеся гранаты, оглушительный треск пулеметов, несмолкаемый грохот ружейных залпов и минометных выстрелов — вся эта лавина смерти обрушилась на то место, где мы оставили Че, метрах в 25—30 от нас. Вдруг какой-то солдат крикнул: «Одного убили!» Я обернулся и увидел, что это Анисето.

Я приставляю карабин М-2 к левому плечу (вы помните, что правое—раненое, но я хорошо стреляю с обеих рук) и беру на прицел капитана, командующего силами противника. Надо выполнять приказ Че, раз они обнаружили отряд. И убили Анисето...

Стреляю и убиваю капитана. Он падает перед своими солдатами, что вызывает их откровенное удивление, так как со дна ущелья, по которому они стреляли, трудно вести прицельный огонь.

Я и дальше придерживаюсь этой тактики: замечаю, кто принимает командование вместо капитана, убиваю его, и это вносит замешательство — потеряв командира, солдаты начинают стрелять беспорядочно.

Выстрел за выстрелом я расстрелял все 30 патронов магазина и 3, которые нашел в карманах. У Дарио и Инти были тяжелые винтовки „гаранд". Стрелять из них с раненым плечом, да еще из такого невыгодного положения я не мог. Кроме того, патроны „гаранда" не подходили к моему карабину.

Я старался стрелять одновременно с солдатами. Звук моего выстрела совпадал со звуками их залпов, поэтому нас не могли обнаружить, что давало нам некоторое преимущество. Я стрелял по солдатам, спускавшимся по противоположной стороне ущелья, метров с 30, т. е. они были в пределах досягаемости моих выстрелов.

Это было невероятно. Солдат за солдатом падал после моего очередного выстрела, а противник никак не мог сообразить, что стреляют с противоположного склона, а песо дна ущелья.

Что же они предприняли? Стараясь занять позиции для защиты от огня снизу, они подставили под прицел моего карабина свои тылы и тем самым облегчили мою задачу.

Убитые солдаты скатывались со склона на дно ущелья. Как всегда, я стрелял по корпусу, чтобы уж наверняка. Но два или три раза мне пришлось выстрелить вторично, потому что сначала я только ранил солдата, а раненый человек, как и зверь, становится еще более опасным. Он изо всех сил борется со смертью. Это хорошо знают охотники на тигров и других диких зверей. Поэтому надо стрелять наверняка с первого раза. Но из карабина М-2 с его маленькими пулями трудно сразу попасть. Из „гаранда" легче вести прицельный огонь, но держать винтовку одной рукой невозможно.

Бой в ущелье Юро запомнился мне как самый кровопролитный из всех партизанских боев, в которых мне приходилось участвовать как на Кубе, так и в других местах. Неравенство сил было громадным: против нас бросили пять батальонов солдат, отряды рейнджеров, которые стойко держались и продолжали драться даже раненые.

Впоследствии станет известно, как наши товарищи, навеки обессмертившие себя, во главе со своим героическим командиром дрались со свойственным им мужеством. Герои Сьерры и освободительной войны на Кубе, закаленные в десятках боев, плечом к плечу с другими бойцами, на протяжении 11 месяцев демонстрировавшими свою выдержку, сражались так, как это умеют делать только люди, борющиеся за правое дело.

Так и должен был сражаться интернациональный отряд, сформированный и руководимый Че.

Условия местности мешали нам больше, чем численное превосходство противника, не говоря уже о перенесенных лишениях, голоде, жажде, постоянном недосыпании, отсутствии белковой пищи, одежды, медикаментов для больных и раненых. В тот

момент только 9 из 17 были по-настоящему боеспособны.

Как не хватало нам в тот момент группы Хоакина, таких бойцов, как майор Пинарес, Исленьо, Мануэль Эрнандес Осорио, сам Хоакин, майор Вило Акунья! Все они были участниками десятков боев в Сьерра-Маэстре. Пинарес и Мануэль воевали в составе партизанских колонн вторжения № 2 и № 8, которые под командованием Камило и Че выполняли грандиозную по своим масштабам военную задачу, пройдя с боями всю страну с востока на запад. Каждый из них стоил сотни рейнджеров. Но рейнджеры, как я уже говорил, тоже умели воевать.

Одного за другим я выводил из строя солдат противника, но тут наш приятель Дарио выкинул очередной номер... Чувствую какое-то движение и, как это ни странно, слышу храп. Это Дарио выпал из-за дерева и на виду у противника храпит! Храпит в адской перестрелке! Кто поверит в это? Думаю, что за всю историю войн это был первый и последний случай, когда солдат в самый разгар жестокого боя заснул и, как ни в чем не бывало, мирно похрапывал.

Вот они, выходки Дарио, но, чтобы понять их, надо знать самого Дарио.

— Черт возьми, Дарио! — крикнул я ему. — Да проснись же ты, болван, тебя убьют!

В этот момент я сделал неосторожное движение и обнаружил себя. Меня заметил солдат и дал автоматную очередь. Пуля попала в один из магазинов — уже пустой, висевших у меня на поясе, и вошла в пах, но неглубоко. Это была пуля, выпущенная из карабина М-2. Так, с двумя пулями — этой и другой, полученной при ранении 26 сентября и застрявшей в шейной области, я прошагал тысячи километров по земле Боливии, и извлекли их только здесь, на Кубе. Все это время мы были неразлучными спутниками.

Не знаю, что подумал солдат, стрелявший в меня; возможно, он стрелял наугад, но, так как Дарио тотчас проснулся и мы опять спрятались за дерево, противник, вероятно, по-прежнему был уверен, что стреляли со дна ущелья. Этот тип, очевидно, ничего не сказал своим, и больше в меня не стреляли.

Зато стрелял я, причем метко. К пяти часам вечера я израсходовал 22 патрона и вывел из строя 14 солдат, 8 убитыми (как мы узнали позднее) и 6 тяжело ранеными, некоторые из них потом умерли.

В это время офицер, командовавший солдатами (они обращались к нему «мой лейтенант, мой лейтенант»), безуспешно пытался связаться с вышестоящим начальством, а именно с полковником Сентено Анайей. Лейтенант так кричал в аппарат, что мы слышали имя полковника.

Он просил разрешения оставить занимаемую позицию, так как, по его словам, кругом партизаны и он несет большие потери. Где-то между 17.30 и 18.00 лейтенант получил наконец приказ отступить и так поспешно убрался, что даже не удосужился вынести со дна ущелья убитых и раненных мною солдат, бросив их умирать.

Когда мы увидели, что противник отступает, нас захлестнула безудержная радость. Я гордился тем, что выполнил приказ, и в тот момент чувствовал себя самым удачливым человеком на земле. Мне удалось, думал я, обратить противника в бегство. Теперь Че и другие товарищи смогут выбраться из ущелья. Я даже надеялся, что Анисето жив, ранен, но жив. Я и представить не мог ту грустную картину, которая через некоторое время открылась перед нашими глазами.

«Черт возьми, все мои хитрости, все, чему учил меня Че, не пропало даром—мы их победили!»—думал я, переполненный гордостью.

Да, со мной был Инти, опытный партизан, но с занятой нами перед началом боя позиции только я, поскольку был выше Инти, мог стрелять почти без промаха. Не скрою, в тот момент я чувствовал себя самым сильным человеком.

Мы прорвали кольцо окружения, как того хотел Че.

«Идемте, идемте к Че»,—сказал я Инти и Дарио. И втроем мы стали быстро спускаться, чтобы сообщить эту новость. Мы представляли, как все обрадуются...

Но вместо радости встречи нам пришлось пережить самое жестокое потрясение.

На дне ущелья лежали изуродованные до неузнаваемости тела наших дорогих товарищей Антонио, Пачо, Артуро и Анисето. Ни Че, ни других товарищей не было. Что с ними случилось? Мы стояли с опущенными головами, глядя на печальную картину, раздавленные собственным бессилием. Все было напрасно. Теперь я все видел и ощущал иначе. Я чувствовал себя самым одиноким и несчастным человеком в мире. Более одиноким, чем окружавшие нас камни. Более несчастным, чем Антонио, капитан Оло Пантоха, мой друг с первых дней борьбы в Сьерра-Маэстре, впоследствии боец колонны вторжения № 8, которой командовал Че. Он по крайней мере погиб в бою, а я остался жив, и теперь сердце мое обливалось кровью. Я чувствовал себя как загнанная лошадь, которая вот-вот упадет.

Я никак не мог прийти в себя, подавить боль и растерянность, вызванные гибелью четырех товарищей и исчезновением остальных. Вдруг слышу, кто-то стонет. Бегу туда, откуда доносится стон. Может быть, это наши и их еще можно спасти...

И что же вижу? Это раненные мною солдаты. Они лежали в нескольких метрах от наших товарищей. Первое, что мне приходит в голову, — отомстить. Отомстить за друзей. Перестрелять их... Но я не смог. Этого не понять тем, кто воюет не за свой народ, а за деньги или просто из желания убивать. Я не смог, я пожалел их.

Некоторые были так же молоды, как Артуро и Паблито, кубинец и боливец, самые молодые в нашей Освободительной армии. Как все умирающие на войне, раненые просили пить. Они уже и так пострадали от меня: одни — убиты, другие — ранены. И я дал им напиток из фляги.

А что сделали их офицеры, их товарищи?

Бросили умирать, не оказав медицинской помощи, хотя у них были хорошие врачи, инструменты, необходимые медикаменты. При виде одного умиравшего, совсем молодого солдата, я, позабыв о погибших товарищах, был искренне возмущен офицерским сбродом, командовавшим этими ребятами. Могли же вывезти раненых на вертолетах... Теперь они умирают здесь, брошенные. А их офицеры бежали, как крысы, в казармы, подальше от опасности.

Еще никогда я так не презирал американский империализм и их так называемых советников, обучающих искусству убивать солдат и офицеров марионеточных правительств по всему миру. Им дела нет до своих убитых и раненых.

И тут я вспомнил, как под градом пуль я нес раненого Коко. Одна пуля пробила его рюкзак, прошла навывлет грудь с правой стороны (эта рана оказалась для Коко смертельной) и застряла у меня в спине. Моя одежда пропиталась кровью, нашей кровью — его и моей. А когда-то мы вместе мечтали о свободной Америке, независимой хозяйке своей судьбы.

Здесь, на поле боя, мы еще раз доказали, что воюем не для того, чтобы убивать, а для того, чтобы люди могли жить. Все люди. Если бы мы хоть что-нибудь понимали в медицине, мы бы оказали им первую помощь, постарались бы спасти... Вот в чем отличие революционного солдата от солдата-наемника. Так нас застали Помбо, Урбано и Ньято. Они появились из другого ущелья, куда их посылал Фернандо. Я сразу спросил их, что с Че.

— Не знаем, — ответили они, — думали, что он здесь, с вами... От отчаяния я потерял всякое самообладание. Рассвирепев, я кричал на них. Как это они не знают, где Че и другие? Раз уж они оставались с Че, то должны знать, где он, где остальная группа. Правда, я быстро спохватился, понял по их грустным лицам, что наговорил лишнего. Я был не прав. Они не могли знать, где наши товарищи, потому что, выполняя приказ, защищали другую позицию.

Мы вспомнили, что на случай, если рассеемся во время боя, Че дал нам два места встречи. Вшестером мы отправились к первому. Мы добрались туда только в десятом часу вечера. Было условлено, что первый, кто придет, должен ждать до девяти. Если больше никто не появится к этому времени — двигаться дальше, ко второму месту встречи.

Обессилевшие и измученные неизвестностью, мы отправились туда. Мы совершили большую ошибку, не захватив с собой спичек и зажигалки, чтобы можно было легче найти следы. Наконец мы их нашли, характерные следы, оставляемые абарками, обувью из сыромятной кожи. Именно такие, из шкуры козленка, сделал Ньято для Че, когда у того развалились ботинки.

У нас снова появилась надежда, мы несколько приободрились. Значит, Че где-то здесь, рядом. Он прождал до девяти и пошел дальше, как было условлено, к апельсиновой плантации, расположенной на берегах реки Санта-Элена. По пути нам попался вещевой мешок Че, разорванный, а вещи валялись рядом, разбросанные. Сначала мы решили, что Че, сам раненый, нес на себе кого-то, поэтому бросил рюкзак, чтобы тот, кто пойдет следом, подобрал его.

Но нас взяло сомнение — почему разбросаны вещи? Если бы мешок оставил сам Че, он был бы цел, а вещи не валялись бы. Напрашивалось другое предположение: должно быть, солдаты, прошедшие раньше нас, перетрясли мешок». ища, чем бы поживиться или какие-нибудь секретные документы, представлявшие интерес для высшего командования.

Однако предчувствие, в котором мы не хотели признаться друг другу, настойчиво подсказывало, что произошло нечто ужасное, жестокое, чудовищно непоправимое для всех нас. Зная, что Че с товарищами прорывался из окружения в районе ущелья Юро, я предложил свернуть направо. Здесь мы могли пробраться через позиции противника, не подвергая себя большой опасности. Предложение было принято.

Второе место встречи... называлось Наранхаль. Там действительно была апельсиновая плантация, поэтому оно так и называлось. Мне очень хотелось добраться туда. Я мысленно представил, как Че переправляется через Рио-Гранде. Кто знает, может быть, он ранен или несет раненого и нуждается в нашей помощи. А может быть, у него опять приступ астмы. В последнее время она сильно мучила его, а лекарств уже не было.

Мы идем молча. Думаю, что моих товарищей терзает тот же вопрос, что и меня. Идти очень трудно. Местность такая пересеченная, что за оставшуюся часть ночи мы проходим километра четыре. С началом нового дня мы подошли к какой-то деревне. Партизан в сельве становится похожим на зверя, он приспосабливается к образу жизни лесных обитателей, ведет себя, как они. В ту ночь я походил на раненую пуму или тигра, старающихся затаиться, раствориться в темноте, чтобы выжить. 9 октября. На рассвете мы подошли к деревне Ла-Игера. До нее метров 400. Мы быстро спрятались в зарослях кустарника, как прячутся в свои норы звери. Но наше убежище было не очень надежным.

Мы стали наблюдать за тем, что происходило в деревне. Здесь было много военных, а это означало, что в деревне размещается штаб противника. Это предположение подтвердилось, когда над нами пролетели вертолеты и сели в Ла-Игере.

Мы считали, что Че уже в Наранхале, ждет нас... Нам и в голову не могло прийти, что он арестован и теперь находится в этой самой деревне. Если бы мы знали, мы бы попытались освободить его или умерли бы вместе с ним. Но мы допустить этого не могли.

Из нашего укрытия мы видели, как солдаты вытащили несколько трупов. Мы решили, что это тела наших героически погибших товарищей — Антонио, Анисето, Артуро и Пачо — и восьмерых убитых мною солдат, которых они бросили умирать, не оказав медицинской помощи. Значит, думал я про себя, они все-таки вернулись за своими убитыми.

Как мы ни хотели поскорей добраться до Наранхала, было бы безумием пускаться в путь среди бела дня, когда нас могли обнаружить и с вертолетов, и из Ла-Игеры. Так что весь день 9 октября мы были вынуждены просидеть в укрытии, спрятавшись в траве.

У меня был небольшой транзистор Коко, которые он подарил мне перед смертью.

Около 10 утра я предложил послушать и узнать последние новости. Я включил транзистор на минимальную громкость, и мы все склонились над ним. Поймали какую-то радиостанцию. Передавали приметы Че: имя, особенности телосложения, обут в абарки, цвет носков, описание часов, его и Тумы. И тут мы все поняли. .. Все радиостанции — „Радио Альтиплано“, „Радио Санта-Крус“, „Радио Бальмаседа“ — передавали одну и ту же страшную новость о том, что партизанский командир Рамон, легендарный майор Эрнесто Че Гевара, погиб в бою в ущелье Юро.

В эту минуту я представил Че выходящим из-под огня в ущелье Юро; я видел его в момент приступа астмы, вечно мучившей его, но, будучи человеком железной воли, он побеждал свой недуг, преодолевая трудности. Я представлял *его* именно таким. С расстояния 300—400 метров я смотрел на солдат, но ясно видел только Че.

Вот он идет, избегая случайных встреч с крестьянами, которые могут выдать его противнику, указать, что он направляется к Санта-Элене, второму месту сбора. Че идет, выбирая безопасные места, и вдруг рядом с ним я вижу себя: правая рука на перевязи, в левой несу карабин, его карабин, которым он пользовался на протяжении всей боливийской кампании и который он дал мне, когда я был ранен потому что карабин был легкий и я мог стрелять из него с одной руки. Я ни на шаг не отхожу от Че, нет, теперь уж ни на шаг, думаю я с решимостью. Куда он — туда и я, несмотря ни на что. Кругом полно солдат, поэтому идти вдвоем безопаснее.

Вот уже несколько дней у нас крошки во рту не было, и нас мучает голод. Страшно хочется спать, пить, физически мы истощены донельзя. Ноги разбиты в кровь, ведь мы столько прошли по сельве, преодолели столько спусков и подъемов, продираясь сквозь колючие заросли и рискуя жизнью, перебрались через столько скал. И как болит рана!

А радио продолжает передавать: „... командир партизан был одет в куртку такого-то цвета, носил две пары часов... две пары...“. И я вспомнил Туму, лейтенанта Карлоса Коэльо, и то, кем он был для Че. Все эти годы он был рядом с ним, преданный, самоотверженный... Поэтому Че не захотел расстаться с вещами, которые Тума оставил ему. Перед смертью он уже не мог говорить, но Че понял его. Он носил его часы и при первой возможности хотел переслать сыну Коэльо, родившемуся, когда тот был уже в Боливии. ..

Но, может быть, это ловушка, говорю я себе. Может быть, это дезертиры, Камба и Леон, бежавшие 26 августа, рассказали, во что одет Че, что, оставшись без ботинок, носил абарки, имел две пары носков и две пары часов... Но все подробности описания, передаваемые радиостанциями, настолько соответствуют действительности... я чувствовал это всем своим нутром, а когда поднял глаза, увидел, что все плачут. Почему? Потому что всем ясно, что убили Рамона, Фернандо, нашего героического командира, что Че погиб в ущелье Юро.

Я хотел убедить себя, что Че жив, но слезы на лицах моих товарищей не оставили мне никакой надежды — его убили. Все разлетелось на куски, как после мощного взрыва.

Мы уже не чувствовали ни усталости, ни голода, ни жажды, не хотелось спать, ничего не хотелось»²¹.

На следующий день, 10 октября, все радиостанции стали передавать подробные сообщения о взятии в плен и гибели Че. Последние сомнения рассеялись, Бенигно и его товарищи были вынуждены признать, что Че действительно уже больше нет в живых. По радио они узнали, что войска продолжают преследовать оставшихся в живых десять партизан. Из этого они заключили, что, кроме них, сохранилась еще одна группа бойцов, а вместе с Че погибли или попали в плен шесть человек.

12 октября Бенигно и его спутники услышали по радио, что в стычке с войсками у истоков реки Миске погибли кубинский врач Моро (Октавио де ла Консепсьон Педраха), боливиец Паблито (Франсиско Уанка Флорес), перуанец Эустакио (Луисо Гальван Идальго — радиотехник) и боливиец Чапако (Хайме Арана Комперо). Теперь в живых осталась только группа Бенигно.

Маленький отряд, командиром которого стал Помбо, прорвался сквозь два кольца окружения и 13 ноября вышел в район шоссе Кочабамба—Санта-Крус. Здесь произошла очередная стычка с преследовавшими его по пятам войсками, в которой погиб общий любимец Ньято — 30-летний боливийский коммунист Хулио Луис Мендес. Но теперь партизаны действовали в зоне, где у них имелись друзья. И хотя правительство Боливии обещало награду в 10 млн.

боливийских песо (около 430 тыс. американских долл.) за поимку партизан, никто из крестьян их не выдал. Весть о героическом партизане Че, отдавшем свою жизнь за народное дело, дошла уже до всех уголков Боливии, и теперь многие крестьяне считали своим святым долгом оказывать помощь оставшимся в живых бойцам.

Весть о том, что Инти и его товарищи находятся в районе шоссе Кочабамба—Санта-Крус, дошла до их единомышленников в этих городах, и те решили сделать все возможное, чтобы спасти преследуемых. По шоссе стали курсировать автомашины с друзьями, искавшими контакта с партизанами. На одну такую машину наткнулся Инти. Это было спасение. Вскоре вся пятерка перебралась в Кочабамбу и укрылась у надежных товарищей. В феврале 1968 г. кубинцы Помбо, Бенигно и Урбано достигли западной границы Боливии и перешли в Чили. В Чили их арестовали, но вскоре выслали на о-в Пасхи, откуда самолетом они вылетели по тихоокеанскому маршруту в Париж. Прошло

еще несколько дней, и они вернулись в родную Гавану.

Инти и Дарио остались в Боливии и решили продолжать вооруженную борьбу. 9 марта 1969 г. в Ла-Пасе полиция напала на дом, в котором скрывался Инти. В завязавшейся перестрелке этот верный сподвижник Че погиб. 31 декабря того же года в перестрелке с полицией погиб и Дарио — Давид Адриасоля.

Полицейский агент, руководивший ликвидацией группы Инти, некий Роберто Кинтанилья, был в награду назначен боливийским консулом в Гамбурге. Но это не спасло его. В апреле 1971 г. полиция обнаружила труп Кинтанильи с тремя пулями в нем.

¹ El diario del Che en Bolivia. La Habana, 1968, p. 279, 282.

² См.: Ibid., p. 290—293.

³ Ibid., p. 294.

⁴ Боливийский дневник Че Гевары: Приложение к журналу «Новое время» от 18 октября 1968 г., с. 30.

⁵ Granma, 1982, 1 jun.

⁶ Granma, 1982, 31 julio

⁷ Granma, 1982, 30 ag.

⁸ Cuba Internacional, 1971, Sept.

⁹ El diario..., p. 299—301.

¹⁰ Ibid., p. 335. 11 Ibid., p. 299.

¹² Боливийский дневник Че Гевары, с. 31.

¹³ Там же

¹⁴ Vasquez Diaz R. Bolivia a la hora del Che. Mexico, 1966, p. 221;

Granma, 1982, 22 sept.

¹⁵ Granma, 1982, 26 sept.; El diario..., p. 329.

¹⁶ El diario..., p. 331.

¹⁷ Боливийский дневник Че Гевары, с. 31.

¹⁸ Там же, с. 32.

¹⁹ Лига — мера длины, около 4 км.

²⁰ Боливийский дневник Че Гевары, с. 32

²¹ См.: Куба, 1981, № 10, с. 21—29

Рене Баррьентос Ортуньо, слывший опытным политическим интриганом, пришел к власти в результате целой серии предательств. Он родился в 1919 г. недалеко от Кочабамбы, его отец был испанским эмигрантом, мать — индианка. От нее он унаследовал хорошее знание кечуа. В годы учебы в военно-авиационном училище Баррьентос принимал участие в подпольном революционном националистическом движении, за что был исключен из училища. В 1946—1949 и 1950 гг. он несколько раз арестовывался, сидел в тюрьме. Однако в 1952 г. Баррьентос вновь вступил в армию (в авиацию) в чине лейтенанта. Когда в том же году к власти пришла партия Националистическое революционное движение (НРД) (в результате поддержки восставшими шахтерами), Баррьентос вылетел в Буэнос-Айрес, откуда вернулся с лидером этой партии—будущим президентом Пасом Эстенсоро. Рвение лейтенанта было оценено по заслугам новым правителем Боливии. Баррьентос получил повышение в чине, а затем был послан в США на длительную учебу.

Когда Че знакомился в 1953 г. в Ла-Пасе с «достижениями» боливийской революции, его будущий противник находился в Оклахоме (США), изучая летное дело и английский язык. Пребывание в Янкиландии, как латиноамериканцы называют США, пошло на пользу Баррьентосу: он заимел там надежных покровителей, которые с тех пор не упускали его из виду. На родине Баррьентос продолжал успешно продвигаться по службе. Он стал генералом, командующим авиацией.

Пас Эстенсоро оставался у власти все положенные ему конституцией четыре года, и в 1956 г. он передал на следующие четыре года бразды правления своему единомышленнику Эрнану Силесу Суасо. В 1960 г. президентское кресло вернулось к Пасу Эстенсоро. К тому времени НРД — партия Паса Эстенсоро — раскололась. Ее левое крыло под руководством рабочего лидера Хуана Лечина перешло в оппозицию. Ополчился против Паса Эстенсоро и Силес Суасо, не говоря уже о других политических группировках. Чтобы удержаться у власти, Пасу Эстенсоро пришлось поклониться штыкам, взять себе в напарники генерала Баррьентоса, который со времени событий 1952 г. считался его доверенным человеком в армии. Так Баррьентос стал вице-президентом Боливии.

Теперь генерал был не прочь сделать шаг, отделявший его от президентского кресла, тем более что ему была обеспечена поддержка покровителей из США. Последних все больше раздражали боливийские шахтеры, еще сохранявшие в своих руках оружие, некогда данное им Пасом Эстенсоро. Янки опасались, что 20 тыс. вооруженных, хоть и плохими, старенькими ружьями, шахтеров, все громче поговаривающих о провозглашении своих шахт «свободной территорией Боливии», смогут превратить Боливию во вторую Кубу. Армия, по мнению Вашингтона, должна была заменить Паса Эстенсоро надежным «гориллой». В Пентагоне и госдепартаменте на роль «гориллы» выдвинули жаждавшего власти Баррьентоса. Но провести такую замену оказалось весьма не просто. Баррьентос контролировал только авиацию; сухопутные войска подчинялись генералу Овандо Кандии, который считал себя не менее Баррьентоса достойным титула президента. Чтобы заручиться его поддержкой, пришлось титул президента разделить пополам между ним и Баррьентосом. 4 ноября 1964 г. Пас Эстенсоро был свергнут и выслан в Перу, власть перешла в руки двух «сопрезидентов» — Баррьентоса и Овандо.

Двух «горилл» оказалось слишком много даже для Боливии. Грызня между ними продолжалась почти полтора года. В конце концов Баррьентос отгеснил на второй план, по крайней мере на время, своего соперника. Выдавая себя за демократа, реформатора и даже революционера, Баррьентос сколотил собственную политическую организацию — «Боливийский революционный фронт». Этот генерал, владевший английским языком не хуже, чем кечуа, явно импонировал американцам. Под давлением начальника службы ЦРУ в Боливии, военного атташе посольства США в Ла-Пасе полковника Эдварда Фокса, Овандо был вынужден уступить, получив клятвенные заверения Баррьентоса и Фокса, что через четыре года его допустят к

власти. В качестве гарантии за Овандо был оставлен пост командующего армией.

В июле 1966 г. Баррьентос был избран президентом страны, а его сподвижник по НРД Силес Салинас стал вице-президентом; в августе того же года они официально приступили к своим обязанностям. Однако политическая напряженность в стране не уменьшилась. Газеты открыто писали, что Овандо «недоволен» и может в любой момент «убрать» Баррьентоса.

Пока шла грызня среди претендентов на пост первого «гориллы» Боливии, все упорнее становились слухи о готовом вот-вот вспыхнуть партизанском движении и о присутствии в стране Эрнесто Че Гевары. Баррьентос, отличавшийся крайней самоуверенностью и хвастливостью, решительно опровергал эти слухи. 11 марта 1967 г. он заявил журналистам в Ла-Пасе: «Я не верю в привидения. Я убежден, что Че Гевара на том свете вместе с Камило Съенфуэгосом и другими жертвами режима Кастро»¹.

Но именно в этот день, 11 марта, из «Каламины» бежали Висенто Рокабадо Террасас и Пастор Баррера Кинтана. Как выяснилось позже, первый из них был старым полицейским шпиком, второй — просто дезертиром. Оба они надеялись в Ла-Пасе дорого запродать имевшуюся у них информацию — присутствие кубинцев в партизанском отряде и то, что его возглавляет сам Че Гевара; они знали его кличку Рамон и даже дату его прибытия в Боливию. Кроме того, они видели в лагере Дебре, Бустоса, Танию, Чино. Предатели были задержаны в Вальенгранде, где их 14 и 15 марта допрашивала военная разведка².

В правительственных кругах сообщение о присутствии Че в районе реки Ньянкауасу на первых порах показалось чистой фантастикой. Тем не менее был отдан приказ немедленно захватить «Каламину», что и было сделано 16 марта. В «Каламине» были обнаружены улики, подтверждавшие присутствие в зоне партизан. 17 марта военными был захвачен другой участник отряда, Салустино Чоке Чоке, который оказался не менее болтливым, чем два первых предателя. Новые детали добавил Варгас, который засек Маркоса и, идя по его следу, вывел солдат на партизанский лагерь.

О показаниях Рокабадо, Барреры, Чоке Чоке и Варгаса стало известно во время процесса над Дебре. На этом процессе выявилась и роль доносчика соседа «Каламины» — Альгараньяса.

Действия осведомителей привели к тому, что 23 марта 1967 г. произошло первое крупное вооруженное столкновение с партизанами, в котором боливийская армия теряет 6 убитых и 14 пленных. Спасшиеся бегством добрались до Камири, где доложили в штабе четвертой дивизии о бое с партизанами, преувеличив в несколько раз их численность.

Из Камири спешно полетела шифровка в Ла-Пас, о содержании было доложено начальнику штаба генерал-майору Хуану Хосе Торресу, который немедленно сообщил полученные новости командующему армией генералу Альфредо Овандо и начальнику военной разведки Федерико Аране. Овандо передал новость президенту Баррьентосу, а Арана — дежурному американскому советнику из Службы военной помощи США, действовавшей при генштабе боливийской армии.

Баррьентос и американский советник, в свою очередь, проинформировали о событиях посла США в Боливии Дугласа Гендерсона, который, не теряя времени, отправил соответствующую шифровку в Вашингтон, где с нею сперва ознакомился Уильям Боудлер, советник президента Джонсона по латиноамериканским делам, а затем Уолт Уитмен Росту, советник президента по неотложным, особо важным зарубежным делам, который при содействии ЦРУ и Пентагона стал вырабатывать соответствующие предложения президенту США.

Пентагон в лице начальника генштаба генерала Джонсона и командующего «Сауткомом» (так называемая Группа южного командования вооруженных сил США с местопребыванием в зоне Панамского канала) генерала Роберта У. Портера настаивал

на немедленной интервенции в Боливию, рекомендуя создать для этого ударную группу под названием «Командование региональной помощи». Разведка в лице директора ЦРУ Ричарда Холмса предлагала поручить группе ликвидацию отряда Че.

На первых порах Вашингтон, а за ним и боливийские военные сделали все возможное, чтобы скрыть от общественности, что на территории Боливии действует международный партизанский отряд, возглавляемый прославленным партизанским командиром Эрнесто Че Геварой. Власти США и Боливии сделали вид, что им все еще неизвестно, что Че находится в этой стране. Когда боливийские газеты сообщили, что партизан возглавляет Че, местные власти поспешили разъяснить, что речь идет не о Че, а о его однофамильце шахтерском вожаке Мойсесе Геваре.

Такое поведение тех, кто, казалось бы, получив неопровержимые данные о пребывании Че во главе партизанского отряда в Боливии, должен был оповестить об этом весь мир, может показаться странным. Необычность ситуации заключалась в том, что, получив такой повод для посылки войск в Боливию, как пребывание Че во главе партизанского отряда в этой стране, правящие круги США не использовали его.

США на этот раз отказываются воспользоваться подвернувшимся предлогом потому, что интервенция в Боливию могла бы действительно создать «второй Вьетнам» в Латинской Америке, о чем говорил Че. За американскими войсками в Боливию поспешили бы, вероятно, ввести свои войска Аргентина и Бразилия, давно уже соперничавшие между собой за влияние на эту страну. Присутствие же в Боливии американских, аргентинских и бразильских войск было бы чревато самыми разнообразными осложнениями. Тройственная интервенция могла вызвать среди боливийцев взрыв возмущения, не говоря уже о том, что Чили и Перу восприняли бы такую интервенцию крайне отрицательно, опасаясь, что дело кончится разделом Боливии.

Таким образом, решившись на посылку войск в Боливию, Вашингтон действовал бы на руку Че. Но президент Джонсон не пылал желанием создать «второй Вьетнам». С него достаточно было интервенции в Доминиканскую Республику, вызвавшей огромную волну протестов не только по всей Латинской Америке и на других континентах, но и в самих США. Во всяком случае, спешить с посылкой войск в боливийские джунгли президенту США не хотелось.

С другой стороны, признание присутствия Че могло ускорить развитие революционного кризиса в стране и привести к свержению Баррьентоса, что тоже было нежелательно для обитателя Белого дома. Поэтому в Вашингтоне решено было избавиться от Че иным способом — руками самих боливийцев.

Арест в апреле Дебре, Бустоса и Роса подтвердил, что Че располагал весьма ограниченными средствами, и еще глубже убедил вершителей судеб Боливии и их вашингтонских покровителей в необходимости как можно меньше разглаживать о Че.

Внимание послушной печати, а через нее и части общественного мнения Боливии и других стран было сосредоточено на Дебре. С его арестом 20 апреля боливийские власти обрели необходимого им «злодея». Ему даже была сшита специальная полосатая роба каторжника с огромным номером «001» на спине, что должно было означать «враг № 1». Дебре, если верить официальной пропаганде боливийского правительства, являлся идейным вдохновителем партизанских действий, «убийцей» боливийских солдат, его казни требовали «простые люди» (полицейские агенты в штатском), осаждавшие офицерский клуб в Камири, где он пребывал под арестом. Правда, в Боливии смертная казнь была отменена, но Баррьентос обратился в парламент с требованием восстановить ее и надеялся применить ее к узнику. Генерал — президент Боливии, конечно, мог приказать прикончить Дебре «при попытке к бегству». Но за жизнь Дебре вступился Де Голль, и Баррьентос был вынужден считаться с президентом Франции. Баррьентос рассчитывал «цивилизованно», «законно» лишить Дебре жизни.

Против Дебре лихорадочно готовился показательный процесс. А так как Дебре проявлял «несговорчивость», то было решено судить вместе с ним и сверхсговорчивого Бустоса, который не только рассказал абсолютно все, что знал о Че и его пребывании в Ньянкауасу, но даже нарисовал (он был художник-любитель) портреты всех, кого он видел и с кем общался в партизанском лагере. Вслед за Бустосом на скамью подсудимых были посажены Рекабадо и Баррера, Чоке Чоке и Сиро Альгараньяс, которым было приказано разыгрывать из себя «раскаявшихся» партизан. В числе обвиняемых фигурировал и Хорхе Васкес Мачикадо Вианья. На процессе он не присутствовал — «по болезни», а в действительности потому, что его уже не было в живых — он погиб, не выдержав полицейских пыток. Но правительство «стеснялось» признаться в этом, и во время процесса прокурор неоднократно обещал представить его суду. Судьи были вынуждены заявить о его «побеге», что дало им возможность приговорить умершего «заочно» к тюремному заключению.

Но подготовка процесса над Дебре, длившаяся около пяти месяцев, и сам процесс были не в состоянии покончить с Че. Необходимо было физически ликвидировать его лично и его отряд, а добиться этого Баррьентос оказался неспособным.

Все бои с партизанами, вплоть до августовской расправы при Иесо, где погиб отряд Хоакина, боливийская армия проигрывала. Создавалось впечатление, что партизаны непобедимы и, по крайней мере, имеют немалые шансы вызвать падение правительства Баррьентоса, чего жслали многие политические противники генерала-президента.

Характерно, что появление партизан во главе с Че было встречено весьма благожелательно боливийским общественным мнением, если не считать правительственных кругов. Достаточно привести по этому поводу следующее высказывание Виктора Паса Эстенсоро: «Партизанское движение — это логическое следствие развития событий в Боливии. Мы, представители Националистического революционного движения, с симпатией относимся к повстанцам...»³. Правда, эта симпатия проявлялась только на словах, но высказывание свидетельствовало, что даже такие прожженные политиканы, как Пас Эстенсоро, не исключали возможности того, что партизаны могут добиться успеха.

Генерал Овандо пытался использовать наличие партизанского движения для укрепления своих позиций в борьбе за власть с Баррьентосом, доказывая, что президент не способен подавить геррилью. Баррьентос боялся своего командующего армией больше, чем партизан, но сместить его не мог—тому противился посол США в Ла-Пасе Гендерсон.

Угрозы боливийского министра внутренних дел А. Аргедаса Мендиеты в адрес партизан были вызваны, как теперь стало известно, не столько его воинственностью, сколько желанием замести следы своих связей с ними. Таким образом, из трех ведущих членов правительства только Баррьентос стремился поскорей избавиться от партизан. Овандо не проявлял в этом отношении особого пыла, а Аргедас стремился, насколько мог в тогдашней обстановке, помешать деятельности того и другого.

Но если в преследовании партизан правительство не могло до августа похвастаться особыми успехами, иначе обстояло дело с преследованием других антиправительственных сил. Забастовки и демонстрации подавлялись быстро и решительно. Виновных бросали за решетку, ссылали или попросту убивали.

25 июня 1967 г. правительственные войска предприняли наступление на шахтерскую зону Катави-Уануни, где устроили настоящую бойню. 80 шахтеров были убиты, сотни ранены. Шахтеров обезоружили, «свободная шахтерская зона» перестала существовать, так ничем и не поспособовав партизанскому отряду Че. Шахтеры оказались неспособными не только на наступательные действия, но даже на успешное сопротивление войскам. Падение шахтерской «республики» так расхрабрило Баррьентоса, что он разрешил командиру 4-й дивизии Луису Роке Терану заявить 5 июля о присутствии Че в зоне действий его дивизии, крайне преувеличив его силы —

около 400 партизан! — а также позволил в тот же день журналистам проинтервьюировать Дебре.

Несколько дней спустя оптимизму властей был нанесен серьезный удар, когда стало известно о захвате партизанами городка Самаипаты, в 350 км от Камири. То, что партизаны въехали в Самаипату на грузовике и что местный гарнизон не оказал им сопротивления, вызвало уныние в правительстве и среди его американских покровителей. Посол Гендерсон заявил в Вашингтоне, выступая перед одной из сенатских комиссий, что боливийскому правительству будет очень трудно расправиться с партизанами, а «Нью-Йорк таймс» писала в те дни, что партизаны с военной точки зрения набирают силы и имеются основания сомневаться, в состоянии ли режим Баррьентоса покончить с ними.

Обстановка в стране накалялась — не прекращались антиправительственные выступления студентов, бастовали учителя, ходили слухи о возникновении партизанских очагов в других районах. В августе в Камири начался процесс против Дебре, но стремление правительства использовать его для упрочения своих позиций путем разжигания ультранационалистических страстей не увенчалось успехом. Общественное мнение склонялось не в пользу правительства. Следствием этого было то, что конгломерат разношерстных политических группировок» поддерживавший Баррьентоса, так называемый «Боливийский революционный фронт», распался. В эти дни Че, следивший по радио за развитием событий, с сожалением констатировал, что у него в такой момент не было еще 100 человек⁴.

Американцы еще более энергично, чем в прошлом, стремились сейчас не допустить развития революционного антиимпериалистического движения на континенте, вмешиваясь во внутренние дела латиноамериканских стран. Вашингтон продолжал душить блокадой Кубу и через ЦРУ лихорадочно готовил физическую расправу над вождем Кубинской революции Фиделем Кастро, что было выявлено во время конференции солидарности в Гаване. С другой стороны, Пентагон усиленно добивался создания объединенных межамериканских вооруженных сил, под вывеской которых могли бы осуществляться прямые вооруженные интервенции против «строптивых» латиноамериканских республик.

Боливия была наводнена американской агентурой, которая внимательно следила за развитием события в стране. В Вашингтоне была создана Специальная оперативная группа (СОГ) по ликвидации отряда Че. Ее возглавил бригадный генерал авиации Уильям К. Скер, начальник разведки южного командования («Саутком») в зоне Панамского канала, владевший испанским языком и набивший руку на подавлении партизанских движений в Перу, Колумбии и Венесуэле. Его заместителем был назначен подполковник Редмонд И. Уебер, командир 8-го полка специальных сил, размещавшегося в той же зоне Панамского канала. Уебер создал из своих «специалистов»-диверсантов подвижное тренировочное подразделение в составе 50 человек под началом 38-летнего майора Ральфа У. Шелтона по прозвищу Паппи — бывшего начальника «антипартизанских школ» в Лаосе и Доминиканской Республике, которому и было поручено подобрать из боливийцев и подготовить отряд «рейнджеров» в 600 человек. На это ему было дано два месяца. Одновременно тот же Паппи должен был организовать интенсивную переподготовку трех пехотных рот для борьбы с партизанами. На это ему отпустили месяц. В конце апреля эти части были спешно переброшены на расположенную в 100 км к западу от Санта-Круса сахарную плантацию «Эсперанса», превращенную в тренировочный лагерь.

При подготовке отборных частей для борьбы с партизанами важная роль отводилась разведывательной работе, которую должны были вести специальные разведгруппы при соединениях «рейнджеров». В задачу этих групп входила не только вербовка агентуры среди местного населения, но и вкрапливание в местную среду профессиональных осведомителей, выдававших себя в сельской местности за сантехников, охотников, купцов, учителей, родственников местных жителей, сборщиков

налогов, агрономов, студентов и просто туристов. На базе близ Санта-Круса эти «науки» преподавали агенты ЦРУ кубинские контрреволюционеры капитаны Эдуарде Гонсалес, Феликс Рамос и капитан пуэрториканец Маргарите Крус. Особого внимания заслуживает Гонсалес, выступивший в роли «главного агента» ЦРУ в Боливии. Его подлинное имя — Густаво Вильольдо Самнера. Он — участник высадки наемников на Плайя-Хирон в апреле 1961 г. и американской вооруженной интервенции в Санто-Доминго в 1964 г., а также войны во Вьетнаме. Гонсалес отличался коварством и беспощадностью. Его очень ценили в ЦРУ. В Боливии он успешно сотрудничал с полковником Андресом Селичем, тоже работавшим на ЦРУ⁵.

В начале августа подготовленные «рейнджеры» были распределены в зоне действия партизанского отряда Че. А Рамос, Гонсалес и «консультант» министерства внутренних дел, некий Габриэль Гарсия, тоже кубинец, были прикомандированы к штабу 4-й дивизии, расположенному в Камири, где взяли под свой контроль всю разведывательную работу. Они лично допрашивали Дебре и других арестованных, подозреваемых в связях с партизанами, инструктировали осведомителей. Начальник разведки 8-й армейской дивизии Арнальдо Сауседо заявил 22 июля 1968 г. суду, рассматривавшему дело А. Аргедаса: «Во всех действиях против партизан мы с ними (Гонсалес, Рамос, Гарсия.—И. Г.) широко сотрудничали, так как знали, что они служили Соединенным Штатам — стране, являвшейся нашей союзницей в антипартизанской борьбе»⁶.

Подполковник Андрес Селич — командир 3-го батальона «рейнджеров», участвовавших в последнем сражении с отрядом Че, показал на том же суде: «Находившиеся в районе боевых действий агенты ЦРУ осуществили важную работу. Хочу особо отметить, что они предоставили нам фотографии действовавших в этом районе партизан, сообщили их приметы и, таким образом, позволили узнать о них все до их поимки»⁷.

Офицер боливийской контрразведки Мойсес Баскес, со своей стороны, заявил тому же суду, что «вся информация министерства внутренних дел, прежде чем поступить в разведывательный отдел армии, направлялась в американское посольство через сотрудника Центрального разведывательного управления Соединенных Штатов капитана Хьюго Мэррея. Эта информация предоставлялась его агентами, работавшими в министерстве внутренних дел...»⁸.

Заместитель начальника разведывательного отдела министерства внутренних дел Боливии подполковник Роберто Китанилья, в свою очередь, подтвердил, что Рамос, Гонсалес и Гарсия «передавали информацию своему посольству в обход министра внутренних дел, прежде всего информацию, касающуюся вербовки осведомителей. Это они делали сами, скрывая от нас»⁹.

Такого рода беспардонная деятельность агентов ЦРУ, в Боливии началась гораздо раньше действий партизанского отряда Че. ЦРУ, по признанию А. Аргедаса, опутало Боливию своими щупальцами еще в 1957 г., т. е. за два года до победы Кубинской революции и за десять лет до начала партизанских действий в этой стране.

29 сентября 1967 г. американские агентства сообщили из Камири, что боливийские войска обнаружили отряд Че Гевары в 128 км к северо-западу от этого города и что к этому месту перебрасываются из Санта-Круса части «рейнджеров». Американцы были столь уверены, что их подручным удастся на этот раз расправиться с Че, что «Нью-Йорк таймс» уже 7 октября публикует статью под названием «Последнее сражение Че Гевары», в которой звучат фанфары по поводу его неминуемой гибели.

8 октября сержант Уилка, захватив в плен Че и Вилли, сообщил об этом командиру отряда «рейнджеров», действовавшего в ложбине Юро, капитану Гари Прадо. Это были первые пленные (Чино схватили несколько часов спустя), и, естественно, Прадо поспешил взглянуть на них. Он сразу же узнал в одном из раненых Че. «Я был так поражен, что чуть не лишился сознания», — признался он впоследствии журналистам. Прадо немедленно связался по радио с командующим дивизией полковником Сентено,

которому передал закодированное сообщение, означавшее: «Че пленен».

Вслед за тем Че и Вилли под усиленной охраной были отправлены в Ла-Игеру, куда они прибыли ночью, там их поместили в маленькую школу. Несколько часов спустя военный санитар Фернандо Санко продезинфицировал рану Че на ноге.

С рассветом в Ла-Игере начинают приземляться вертолеты с важными персонами на борту. Первым появляется полковник Андрес Селич и полковник разведки Мигель Аноро, затем полковник Хоакин Сентено, командующий армией генерал Альфредо Овандо, контр-адмирал Орасио Угартече, «доктор» Гонсалес и другие агенты ЦРУ. Все они входят в комнату к Че, пытаются разговаривать с ним.

Кубинский контрреволюционер на службе ЦРУ «доктор» Гонсалес пытался учинить допрос, но Че молчал.

В полдень все, кроме Селича и Аноро, покинули Ла-Игеру и направились в Вальегранде. Они увезли с собой документы из рюкзака Че, в том числе и его дневник.

К тому времени в комнате, где содержался Билли, уже находился и Чино. Около половины второго 9 октября 1967 г. к Вилли и Чино вошли «рейнджеры» и в упор из автоматов расстреляли обоих. Вилли успел крикнуть перед смертью:

«Я горд, что умираю вместе с Че!».

Вслед за тем к Че ворвался младший лейтенант Марио Теран и в упор застрелил его. После чего появился Гонсалес, который выпустил очередь из автомата в бездыханное тело Че ¹⁰.

Существуют и другие версии о последних часах жизни Че. Они отличны в деталях, но совпадают в основном: после пленения Че был хладнокровно расстрелян в упор, и в этом преступлении повинны как высшие боливийские, так и американские власти. Вот еще одна из таких версий.

Военный журналист Хорхе Торрико Винсент, который первым прибыл в деревню Ла-Игера, беседовал с 22-летней учительницей Хулией Кортес. Она оказалась последней собеседницей Че Гевары перед его смертью. Хулия Кортес:

«Войдя в класс, я увидела человека с длинными волосами и спутанной бородой. На нем была грязная вонючая одежда. Видеть все это было неприятно. Он бросил на меня пронизательный взгляд и спросил — учительница ли я. Когда я ответила утвердительно, он начал меня расспрашивать» сколько детей ходит в школу, привыкли ли они к учебе, получают ли в школе завтраки. Потом он стал мне рассказывать о Кубе, о том, что там для деревенских детей построили новые прекрасные школы. Я сказала в ответ, что Боливия бедная страна, на что он сразу же ответил: «Однако господа из правительства и генерального штаба ездят в роскошных „мерседесах"».

Хорхе Торрико Винсент на основе рассказов свидетелей описал последние минуты Че Гевары так: «Марио Теран взял свою американскую автоматическую винтовку М-2 и вошел в класс. Спокойным приветливым голосом он сказал Че Геваре, чтобы тот сел. «Зачем? — спросил пленник. — Застрелить меня ты можешь и так». Солдат растерялся. Он пошел было к двери, но потом вдруг обернулся и дал очередь. Че Гевара инстинктивно поднял руку, как бы пытаясь защититься. Пули пробили ему руку и прошли через грудную клетку, поразив сердце. На стене школьного класса остались следы от пуль... Че Гевара умер не сразу. Несколько минут он лежал в агонии. В помещение вошел старший лейтенант Перес, вынул пистолет и в упор выстрелил умирающему в затылок» ¹¹.

¹ *James D. The Guevara: A biography. L., 1970, p. 236.*

² Не исключено, что ЦРУ располагало сведениями о деятельности Че в Боливии значительно раньше. Во всяком случае, бывший

министр внутренних дел Боливии Антонио Аргедас Мендиета утверждает, что ЦРУ знало об этом еще 20 февраля 1967 г. Выступая перед судом в Ла-Пасе 14 января

1969 г., А. Аргедас заявил:

«У меня есть реальные основания подозревать, что разведывательная служба Соединенных Штатов знала о подготовке партизанского очага в Боливии еще до того, как наши власти получили самые первые сведения об этом. Когда к нам попали документы ЦРУ, я обнаружил одно донесение, датированное 34 днями раньше первого столкновения в Ньянкауасу. В этом донесении содержались сведения о всех передвижениях Дагнино Пачеко, который являлся казначеем партизан (Д. Пачеко в Боливийском дневнике Че Гевары фигурирует под именем Санчес.—И. Г.)...».

³ Vasquez Diaz R. Bolivia a la hora del Che. Mexico, 1968, p. 167.

⁴ El diario del Che en Bolivia. La Habana, 1968, p. 244.

⁵ Bohemia, 1976, N 20, p. 69.

⁶ Лит. газета, 1970, № 25, с. 14.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Лит. газета, 1970, № 26, с. 15.

¹⁰ Bohemia, 1976, N 20, p. 69.

¹¹ Куба, 1979, № 8, с. 47.

Бессмертие

Враги убили Че, так как страшились открытого суда над ним. Держать же его без суда за решеткой был о для них не менее опасно. Весь мир поднялся бы на его защиту, и, пока Че оставался бы в темнице, ни «гориллы» в Ла-Пасе, как и в других странах Латинской Америки, ни их дрессировщики в Вашингтоне не имели бы и минуты покоя. Только с его смертью они вновь надеялись обрести покой и уверенность в себе.

Враги убили Че еще и потому, что были уверены: их отвратительное преступление останется нераскрытым. Когда труп Че был доставлен вертолетом в Вальегранде и сдан в местную больницу на предмет констатации смерти, представители боливийского командования заявили журналистам, что он скончался от ран, полученных в бою.

Но именно журналисты и помогли разоблачить эту ложь. Во-первых, еще до того, как была пущена в ход версия относительно гибели в бою, Овандо успел заявить журналистам, будто, оказавшись в плену, Че сказал: «Я потерпел поражение». И врачи, осматривавшие труп Че в Вальегранде, и журналисты, которым было предоставлено такое же право, и сделанные ими снимки неопровержимо свидетельствуют, что на теле было девять пулевых ран, из которых по крайней мере две были смертельные: в сердце и в шею. Из этого следовало, что, если Че получил эти раны в бою, то он не мог сделать заявление, которое приписывал ему Овандо, если же он сделал такое заявление, то, значит, он был убит, уже находясь в плену.

Во-вторых, журналисты разыскали свидетелей, которые подтвердили, что в Ла-Игеру Че был доставлен с одним пулевым ранением в ногу, что там его пытались допрашивать, что он говорил с учительницей, наконец, что его убил Марио Теран. Никто не подвергал сомнению и того факта, что Вилли и Чино были расстреляны в комнате рядом с Че, хотя о них тогда меньше всего сообщалось в печати.

Отвечая на вопросы журналистов по поводу всех этих фактов, представители боливийских властей с каждым новым «пояснением» и «опровержением» больше запутывались и выдавали тех, чьи руки были обгажены кровью Че.

Главным ответственным — из боливийцев — за убийство Че все называли президента генерала Баррьентоса, который счел необходимым опровергнуть возводимые на него обвинения, лицемерно заявив корреспонденту «Вашингтон пост»:

«Солдаты, захватившие Че, не обращались в Ла-Пас за инструкциями и не получали от нас приказа убить его. В этом не было необходимости. Военные части уже получили к тому времени приказ не брать пленных. Слишком часто партизаны, обещая сдаться в

плен, встречали их огнем. Лично я предпочел бы иметь его пленником, чтобы навсегда развеять миф Гевары. И так как я президент и обязан изыскивать средства, чтобы помогать Боливии, я рассмотрел бы любое предложение передать его живым Фиделю Кастро или кому другому за, скажем, 20 миллионов долларов».

Когда стало очевидным, что утаить правду об убийстве Че становится все труднее, боливийские власти пошли на новое преступление: они скрыли труп Че. 10 октября труп исчез, из Вальегранде. По одним заявлениям Баррьентоса и Овандо, Че был похоронен в Боливии в только им известном месте, по другим их же заявлениям — тело подверглось кремации, а прах — захоронению. Ходили слухи и о том, что труп Че был передан ЦРУ, агенты которого увезли его в американскую зону на Панамском канале¹.

Одно несомненно — прежде чем избавиться от тела Че, носившего на себе доказательства их вины, убийцы сняли посмертную маску и отрубили ему кисти рук, заспиртовав их. Нужны были доказательства, что жертва убийц — действительно Че. Они опасались, что народы не поверят, что эти пигмеи смогли одолеть такого гиганта, как Че.

Кубинская печать, начиная с 10 октября, изо дня в день публиковала сведения о трагических событиях в Боливии, в том числе различные подробности и версии о гибели Че. Хотя они печатались без комментариев, народ понимал, какую страшную правду они несут.

15 октября 1967 г. Фидель Кастро, выступив по телевидению и радио, подтвердил сообщения о смерти и осветил некоторые обстоятельства гибели Че. Вот что он сказал:

«Мы, люди, которые близко знаем Эрнесто Гевару, — мы говорим „знаем“, так как об Эрнесто Геваре никогда нельзя будет говорить в прошедшем времени, — должны сказать, что накопили достаточно наблюдений о его характере, о его темпераменте. И как бы трудно ни было себе представить и как бы ни казалось нелогичным, чтобы человек его размаха, его авторитета, его личных качеств погиб в стычке партизанского патруля с армейскими силами, однако те, кто его хорошо знает, не видят в этом ничего удивительного. Потому что всегда, на протяжении всего времени нашего знакомства, он отличался необыкновенным бесстрашием, абсолютным пренебрежением к опасности, постоянной готовностью в любой трудный и опасный момент совершать наиболее трудные и опасные дела. И так он поступал во многих случаях на протяжении всей нашей борьбы. Так он поступал в Сьерра-Маэстре, так поступал в Лас-Вильясе. Много раз нам приходилось принимать различные меры, чтобы уберечь его. Неоднократно нам приходилось предостерегать его от каких-то действий, которые он хотел предпринять. И особенно по мере того, как мы узнавали его великолепные качества бойца и его способности служить делу Революции в выполнении самых важных стратегических задач, мы старались уберечь его от опасности погибнуть в бою, не имеющем особо важного стратегического значения. Но такой момент настал, он был назначен командиром одной из колонн вторжения, которой предстояло выполнить трудную задачу, совершить беспрецедентный подвиг — вторжение в провинцию Лас-Вильяс. И те, кто был с ним в походе, знают, как он действовал в этой обстановке. И мы должны сказать, что всегда беспокоились, что его характер, его привычка быть в самых опасных местах могут привести его к гибели в любом бою. Никто никогда не мог быть уверен, что он примет хотя бы минимальные меры предосторожности. Очень часто он шел впереди с каким-нибудь разведывательным патрулем.

С другой стороны, возможно, он, сознавая значение возложенной задачи, важность своих действий, думал — а так он думал всегда — об относительной ценности людей и о непревзойденной ценности личного примера. Вот из таких черт был сложен его характер.

Нам бы хотелось прежде всего видеть его творцом великих побед народов, а не только их предвестником. Но, к сожалению, человек такого темперамента, таких личных качеств, такого характера, такой реакции на определенные обстоятельства

призван быть скорее предвозвестником, чем творцом побед. И конечно, предвозвестники также являются творцами побед, причем самыми великими творцами побед! ...»².

В заключение Фидель прочитал постановление Совета министров Кубы, в котором отмечались заслуги Че в борьбе кубинского народа и народов Латинской Америки за их освобождение от империалистического гнета; объявлялся 50-дневный траур, а 8 октября провозглашалось Днем героического партизана. Учреждалась комиссия во главе с Хуаном Альмейдой по проведению траурных мероприятий и увековечению памяти Че.

18 октября 1967 г. в 8 часов вечера на площади Революции в Гаване, где народ столько раз приветствовал Че, десятки тысяч жителей кубинской столицы в глубоком молчании слушали слова Фиделя Кастро о героических подвигах и трагической гибели того, кто жил, боролся и отдал свою жизнь за свободу и счастье народов Латинской Америки.

В Гавану нескончаемым потоком шли послания с соболезнованием от коммунистических партий и других прогрессивных организаций, от деятелей международного рабочего движения.

17 октября 1967 г. Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза направил в адрес Центрального Комитета Коммунистической партии Кубы товарищу Фиделю Кастро телеграмму следующего содержания:

«Коммунисты Советского Союза с глубокой скорбью восприняли весть о героической гибели товарища Эрнесто Че Гевары.

Товарищ Че Гевара погиб за великое дело освобождения народов от гнета и эксплуатации. Он навсегда останется в нашей памяти как мужественный революционер, человек

высокой душевной чистоты и беспримерной самоотверженности»³.

В Латинской Америке гибель Че вызвала такую волну возмущения и гнева против империализма США и его боливийских слуг, такое глубокое чувство солидарности с подвигом Че, которые по своему накалу и эмоциональности можно было сравнить с волной солидарности, захлестнувшей континент в связи с победой Кубинской революции в 1959 г.

Смерть Че породила тысячи и тысячи новых врагов империализма в странах Латинской Америки, еще более обострила классовые противоречия в этих странах. Даже многие буржуазные газеты США и Латинской Америки писали, что гибель Че не есть решение проблемы, ибо, пока народы континента будут пребывать в нищете, здесь неизбежны новые социальные потрясения, появление еще более мощных революционных движений.

Убийство Че потрясло миллионы людей и за пределами континента. О нем узнали те, кто раньше не очень интересовался проблемами Латинской Америки.

Когда погиб Че, в Камири все еще продолжался процесс над Дебре, Бустосом и другими участниками партизанского движения. Со смертью Че отпала необходимость для боливийских властей в продолжении фарса — 17 ноября военный суд приговорил Дебре и Бустоса к 30 годам тюремного заключения каждого, провокаторы тоже получили «сроки», что не помешало им сразу же обрести свободу.

Дебре и Бустос пребывали в заключении в Камири до января 1971 г., когда после смены власти были амнистированы и высланы в Чили. Месяц спустя Дебре отправился на Кубу и вскоре вернулся во Францию.

В июле 1968 г. Фидель Кастро объявил в Гаване, что кубинское руководство получило из Боливии от одного доброжелателя фотокопию дневника Эрнесто Че Гевары и, убедившись в его подлинности, решило издать его большим тиражом на Кубе для бесплатного распространения. Было решено также безвозмездно передать зарубежным издательствам копию этого дневника для публикации за границей. 3 июля 1968 г. Фидель Кастро, выступив по гаванскому телевидению, представил для

всеобщего обозрения фотоконии дневника Че, а также других документов, захваченных боливийскими властями при его пленении.

Сомнений быть не могло: дневник Че и другие документы из его рюкзака, до сих пор хранившиеся за крепкими замками в сейфах президента Боливии и в ЦРУ, оказались в Гаване, и теперь революционная Гавана, а не Ла-Пас и Вашингтон обнаружит их.

Через несколько дней президент Боливии Баррьентос был вынужден признать, что Гавана действительно обладает фотокониями подлинных документов Че. Ответ на вопрос, кто их передал в Гавану, не заставил себя долго ждать. 19 июля 1968 г. из Боливии бежал в Чили министр внутренних дел А. Аргедас, один из самых доверенных людей боливийского президента. Аргедас заявил чилийским журналистам, что на протяжении ряда лет являлся агентом ЦРУ и что именно он, решив порвать со «зловещей бандой, которая плетет заговор против человечества», переслал документы Че в Гавану.

Из Чили Аргедас направился в Лондон, потом в Нью-Йорк, потом в Лиму. Всюду он делал различного рода заявления, часто противоречившие друг другу. В Лиме он неожиданно объявил, что возвращается в Ла-Пас, где готов предстать перед судом и ответить за свои действия. И он действительно вернулся в Ла-Пас, где был арестован. Его судил высший военный трибунал при закрытых дверях, и какое-то время оставалось тайной, о чем там шла речь. Стало известно лишь, что суд не вынес никакого решения по делу, а самого Аргедаса освободил.

Год спустя Аргедаса пытались убить в Ла-Пасе, он был ранен, лечился в госпитале, по выходе из которого укрылся в мексиканском посольстве.

В сентябре 1969 г. власти разрешили Аргедасу покинуть Боливию, и он с семьей отбывает в Мексику, а через некоторое время обосновывается на постоянное жительство в Гаване.

Вскоре после этих событий фотоконии тайного судебного дела Аргедаса попали за границу, и выдержки из него стали появляться в печати разных стран Латинской Америки и Европы⁴. Затем протокол этого процесса был полностью опубликован в книге аргентинского публициста Грегорио Сельсера «ЦРУ в Боливии». Аргедас в показаниях перед судом разоблачал подрывные действия ЦРУ и его агентуры в Боливии. Объясняя свои действия, Аргедас заявил:

«Я покинул страну, так как, выполняя обязанности министра внутренних дел, убедился в том, что моя родина в значительной степени лишилась своего национального суверенитета, что североамериканские службы являются в Боливии всемогущими... Я стал жертвой правительства Соединенных Штатов»⁵.

Аргедас признал, что именно он передал дневник Че в Гавану и сделал это безвозмездно, из патриотических побуждений. «Из бесед с североамериканскими чиновниками, — говорил Аргедас, — я выяснил, что североамериканское правительство хотело вызвать широкий интерес к содержанию походного дневника майора Эрнесто Гевары, дабы затем дать дневнику собственную версию и внести значительные изменения в оригинал с целью оправдать многостороннюю вооруженную агрессию против Кубы и массовые репрессии внутри страны. То есть была задумана провокация с выпуском фальшивого — или далекого от подлинного текста — дневника»⁶.

Публикация подлинного дневника Че сорвала эти планы. Публикация Боливийского дневника Че Гевары вызвала многочисленные комментарии в международной печати, в том числе и в советской. Вот что писал журнал «Латинская Америка»: «Если подходить к Геваре с такой же меркой, как ко всем остальным людям, то невозможно себе объяснить, как мог этот человек, мучительно страдавший от приступов астмы, натолкнувшийся на множество непредвиденных препятствий и, наверное, ясно понимавший в последние месяцы безысходность, даже обреченность своего положения, систематически вести дневник, воссоздавший весь драматизм боливийской

эпопеи. Сколько самообладания, упорства, мужества надо было проявить, чтобы не бросить перо и записную книжку. Даже зная, что его записи могут попасть в руки врагов, он упорно вел летопись последней схватки с ними, веря, что эти заметки, эти крупницы накопленного им революционного опыта понадобятся грядущим поколениям революционеров. И он опять не ошибся. Почти невероятный случай — прямое содействие Аргедаса, бывшего в то время министром внутренних дел Боливии, — помог спасти для человечества дневник Че, уже ставший достоянием ЦРУ. Но не является ли эта случайность выражением огромного уважения и симпатии всех более или менее порядочных людей на земле к Геваре?»⁷.

Но Аргедас, проявивший немалое личное мужество во всей этой истории, передал кубинцам не только документы из рюкзака Че. Фидель Кастро в 1970 г. на митинге в честь 26 июля, говорил:

«Я хочу сообщить вам следующее: после истории с дневником д-р Аргедас продолжал бороться и старался переправить в нашу страну гипсовый слепок с лица Че, маску, которая была сделана там в день, когда он был убит, и, кроме того, он сохранил и переправил в нашу страну кисти рук Че Гевары.

Руки Че хорошо сохранились. Кубинские специалисты приложили для этого особые усилия.

Традиции нашей страны известны. Она хоронит своих сынов. Это традиция. У каждого народа есть свои традиции. Масео, Марти были похоронены. И так мы будем поступать всегда. Но мы задались вопросом: „Что делать с руками Че?“

Это его плоть, единственное, что у нас осталось от него. Нам даже неизвестно, удастся ли нам когда-нибудь найти его останки. Но у нас есть руки, которые практически в целости и сохранности.

И именно поэтому мы желаем задать народу вопрос, каково его мнение по этому поводу. (Возгласы: „Сохранить их!“)

Сохранить? Тогда мы хотим вынести на суд народа такое предложение: уже сделана копия с маски, и мы можем сделать таким способом много репродукций и сохранить оригинал маски. Можно также хранить руки Че в стеклянной урне и поставить ее здесь, у статуи Марти, в каком-нибудь зале в день очередной годовщины его гибели. Это руки, в которых он держал оружие, ведя борьбу за освобождение, руки, которыми он писал, излагая свои блестящие мысли, руки, которыми он работал на плантациях сахарного тростника, в портах, на стройках. И можно сделать нечто вроде музея Че, если вы захотите, нечто вроде временного музея.

Че не принадлежит пашей стране. Че принадлежит Америке. И в один прекрасный день эти руки будут находиться там, где пожелают народы Америки. А пока наш народ будет хранить их и будет заботиться о них...

Перед началом митинга здесь была Алейдита. Я разговаривал с ней, и я сказал ей об этом, чтобы не застать ее врасплох. Ее глаза немного покраснели, из них выкатилось несколько слезинок, но она сказала: „Да, хорошо...“

Так или иначе, мы всегда будем крайне признательны д-ру Аргедасу за то, что он сделал.

Че убили, но не смогли помешать, тому, чтобы его дневник попал на Кубу. Старались сделать так, чтобы его тело исчезло, но не смогли помешать тому, чтобы его руки оказались па Кубе. Неизвестно, для чего сделали его маску, но ничто не могло помешать тому, чтобы она попала и руки кубинского народа.

Справедливая идея, дело Че, его достоинство, его величие сделали то, что казалось невозможным. Человек, который официально был в составе боливийского правительства, ведшего борьбу против Че, рисковал жизнью не один, а много раз, чтобы спасти дневник Че и переправить его на Кубу, а затем чтобы спасти руки и маску Че и переправить их нам.

Вот об этом я хотел сказать вам»⁸.

* . * *

Прошли годы. В 1978 г. дом вдовы Че Алейды Марч посетила болгарская журналистка Пиринка Хаджиева. Вот что она рассказала об этом на страницах журнала «Болгария»:

«На фоне скромной изысканной обстановки неповторимым образом выделяется синяя стена с портретами Че Гевары — они различны по размерам и доминируют над всем. В этом доме зримо ощущается его присутствие. Глядя на его одухотворенное лицо, я успокоилась. Начало беседы прозвучало как своеобразный ультиматум — нас познакомят с тремя из пятерых детей Че при условии, что мы не станем задавать им никаких вопросов об их отце. Алейда Марч объяснила, что ее дети впервые в жизни встретятся с журналистами и не стоит нарушать принятый в их семье принцип воспитания, который остался как завет их отца, — „они не должны ничем отличаться от других детей Кубы, должны иметь то же самое и лишаться того же, что имеют или чего лишаются дети простых людей. Наша семья обязана помнить это и бороться за это“.

Эти слова Алейда Марч по ходу беседы зачитала нам из статьи Гевары „Социализм и человек на Кубе“. Она привела также и ряд других цитат, стараясь избежать собственных оценок его личности, его роли и значения как революционера и одного из руководителей Кубы, а тем более как отца и супруга.

Беседа принимала совсем конкретный характер, когда речь заходила о конкретных исторических фактах и событиях, связанных с Че Геварой или Кубинской революцией. При упоминании о конкретных случаях лицо ее оживлялось, ярче становилась речь, выразительнее жесты, ускорялся ритм, усиливалось волнение... В таком духе шел весь ее рассказ, начиная с первого знакомства с Че в конце ноября 1958 года... Именно тогда она пошла в рядах партизанской колонны „Сиро Редондо“ сражаться плечом к плечу с ним за освобождение Кубы. Ей довелось принять участие в боях за Санта-Клару...

Старшая дочь Че Ильдита родилась в Мексике от первого брака тогдашнего доктора Эрнесто Гевары с перуанкой Ильдой Гадеа. Сейчас Ильдита — студентка, Алюша — тоже, Камило служит в армии, а Селия и Эрнесто учатся в школе имени Ленина. Селия хочет стать учительницей, а Эрнесто — космонавтом или ... партизаном, как отец...»⁹.

Еще в 50-е годы, находясь в Гватемале, Че написал такие строки:

Хочу собрать в котомку то, что дорого, —

заветные желания души,
отринув прочее, что без толку
надежду отравляло мне в тиши.

По дорогам очень длинным,
как вечный путник-пилигрим,
До цели я дойду непобедимым,
до той звезды, что светит и другим ¹⁰.

Че погиб в борьбе за освобождение Латинской Америки от оков империализма, но пример его живет в сердцах миллионов людей, продолжающих его дело. Подвиг героя оказался сильнее смерти...

¹ Опасаясь, что школьное здание, где были убиты Че и его товарищи Вилли и Чино, станет местом паломничества, его по приказу Баррьентоса разрушили и на том месте выстроили не менее жалкую хижину, только под другим названием — «санитарный пункт». После смерти Баррьентоса в этом здании вновь открыли школу.

² Куба, 1977, № 10, с. 17.

³ Правда, 1967, 18 окт.

⁴ Выдержки из этого дела были опубликованы К. Карениным летом 1970 г. в «Литературной газете» (см.: Лит. газета, 1970,

№ 25, 26).

⁵ Лит. газета, 1970, № 25, с. 14.

⁶ Там же, № 26, с. 15.

⁷ Лат. Америка, 1978, № 6, с. 87.

⁸ Granma, 1970, 27 de jul

⁹ Болгария, 1979, № 2, с. 16—17.

¹⁰ См.: Gadea H. Che Guevara: Anos decisivos. Mexico, 1972, p. 221.

Ветры революции

Революционная деятельность Эрнесто Че Гевары, его боливийская эпопея и особенно гибель породили большую литературу, в которой имеются труды, воздающие ему должное и восхваляющие его подвиг, есть работы, осуждающие его и даже написанные с клеветническими целями, чтобы опорочить его имя и выгородить убийц его, есть поверхностные книги, эксплуатирующие интерес к теме, и т. д.

Как же все это выглядит в свете тех событий, которые произошли в Латинской Америке с того времени? И как отразилось в них влияние идей и действий Че?

Отметим в первую очередь одно важное обстоятельство. Че вовсе не был только сторонником военных действий против империалистов, как утверждают «леваки» по подсказке тех же империалистов. Я надеюсь, что из нашей книги это с предельной ясностью следует. Че предпочитал заниматься мирным трудом, строительством нового общества на Кубе, искал путей сотрудничества с теми же США. Об этом свидетельствует, в частности, его деятельность на Конференции в Пунта-дель-Эсте. Почему же он отправился в Боливию и начал там партизанскую войну? Отчасти потому, что видел, что США любыми средствами пытались ликвидировать Кубинскую революцию — путем посылки наемников, убийств ее руководителей и т. п. методами.

Совпадала ли тактика Че с позицией коммунистов по этому вопросу?

Еще до победы Кубинской революции, в конце 1958 г. в Сантьяго (Чили) состоялась встреча представителей компартий стран Латинской Америки. Отметим: эта встреча проходила задолго до бескровной победы на президентских выборах в Чили социалиста Сальвадоре Альенде. На встрече было принято следующее заявление:

«Представители коммунистических партий Аргентины, Боливии, Кубы, Чили, Парагвая, Перу, Уругвая и Венесуэлы, которые собрались в Сантьяго в связи с 11-м Национальным съездом Коммунистической партии Чили, на основе своего национального опыта и с учетом общих интересов латиноамериканских народов и их борьбы за аналогичные цели выражают удовлетворение в связи с тем фактом, что в странах Латинской Америки, благодаря действиям рабочего класса и самых различных прогрессивных групп, восстановлена или восстанавливается демократическая законность.

Эти представители отметили, что процесс демократизации имеет сейчас основное значение для борьбы за национальное освобождение, за социальный прогресс и за всеобщий мир. Именно поэтому империалисты и их агенты пытаются сдержать этот процесс; поддерживают всеми силами сохраняющиеся террористические правительства; затрудняют действия конституционных правительств; усугубляют своей поддержкой непрочность конституционной власти в различных странах; замышляют государственные перевороты; пытаются осуществлять преступное вмешательство, как это было сделано в Гватемале, и толкают власть имущих на новые преступления, направленные против рабочего класса и самых стойких патриотов.

В этих условиях международная и латиноамериканская солидарность приобретает решающее значение. Таким образом, становится более чем когда-либо необходимой мобилизация демократических и прогрессивных сил в каждой стране, направленная

против этих планов, и поддержка борьбы латиноамериканцев за демократию, международную независимость и мир. Эта солидарность становится еще более необходимой в настоящий момент в отношении Кубы, лишения свободы Альбису Кампоса¹, в отношении политических заключенных и арестованных профсоюзных деятелей Аргентины и всех других борцов, оказавшихся жертвами преследований в различных латиноамериканских странах.

Несмотря ни на какие перипетии в этой борьбе, процесс демократизации и национального освобождения будет неудержимо осуществляться и впредь, потому что он отвечает важнейшим интересам и сокровенным чаяниям латиноамериканских народов.

Представители коммунистических партий горячо приветствуют рост сознательного стремления к миру в наших странах и развитие дипломатических, культурных и торговых отношений с социалистическими странами, которые представляют собой эффективную и необходимую поддержку делу укрепления национальной независимости, прогресса и благосостояния наших народов.

Понимая, что поддержание мира тесно связано с борьбой за независимость наших народов, они подтверждают отказ своих народов от предоставления военных баз, заключения региональных пактов и передачи национальных богатств. Они вновь подчеркивают решение своих народов добиться целостности своих территорий, нарушенной в результате этих антинациональных действий. Они выступают за полное восстановление отношений с социалистическими странами и за более широкую торговлю между странами Латинской Америки.

Они требуют запрещения атомного оружия, окончательного прекращения атомных испытаний и общего соглашения о разоружении. Они осуждают военные провокации на Среднем и Дальнем Востоке, заявляют об активной солидарности народов Западного полушария с освободительной борьбой Алжира и других стран, сражающихся за свою независимость, и предостерегают трудящихся, молодежь и всех латиноамериканских патриотов против провокаций и шовинизма, стимулируемых империализмом с целью вызывать конфликты между латиноамериканскими странами.

Коммунистические представители, подписавшие этот документ, осуждают активизировавшееся наступление североамериканского монополистического капитала, рассчитанное на то, чтобы добиться новых нефтяных концессий и других источников получения сырья в Латинской Америке. Они отмечают и приветствуют широкие действия в защиту этих богатств и национального суверенитета, осуществляемые трудящимися и народами Латинской Америки, в особенности в Аргентине, Боливии, Чили, Перу, Уругвае и Венесуэле, и выступают с горячим призывом к единству и боевому духу рабочего класса и всех патриотов для того, чтобы разгромить империалистов и положить конец расхищению этих богатств.

Они также осуждают реакционное наступление на систему образования и национальные культуры и поддерживают действия студенчества, преподавателей и демократической интеллигенции, присоединяющихся к своим народам, чтобы воспрепятствовать унижению национального духа и оказать защиту прогрессивной традиционной культуре.

Народы Латинской Америки, стремящиеся к достижению этих высоких целей, черпают вдохновение в достижениях социализма, сил, выступающих за мир и независимость...»².

Содержание этого документа не утратило своей злободневности по сей день. Коммунисты и их союзники, истинные патриоты всех оттенков продолжают и сегодня выступать за те же идеалы, за ту же программу, что намечена в этом историческом заявлении: за мир и социальный прогресс. И не их вина, если агрессивный курс империалистов заставляет их братья за оружие, как то сделал в свое время Че.

Это Заявление — яркое свидетельство мирного курса на национальное освобождение, которого всегда придерживались коммунисты Латинской Америки, в

том числе и кубинские.

Какие же перемены произошли в Латинской Америке с момента гибели Эрнесто Че Гевары, подтвердили ли они этот тезис?

Перемен произошло много. В ночь со 2 на 3 октября 1968 г. в Перу взяло власть в свои руки высшее командование армии, образовавшее правительство во главе с генералом Хуаном Веласко Альварадо. Прогрессивная общественность встретила переворот в Перу настороженно, однако вскоре новые власти своими действиями доказали, что они совершили его вовсе не для защиты интересов помещиков и иностранных монополистов. Правительство Веласко Альварадо в короткие сроки национализировало собственность американской «Интернэшнл петролеум компани», осуществило радикальную аграрную реформу, установило дипломатические отношения с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

В 1975 г. Веласко Альварадо был смещен. К власти пришли консервативные армейские силы. Через несколько лет состоялись выборы. Президентом Перу был избран Белаунде Терри, тот самый, которого в свое время сверг генерал Веласко Альварадо. В стране сохраняется напряженная обстановка, хотя парламент функционирует и компартия действует легально. В положении перуанских трудящихся не наблюдаются улучшения, более того, нищета и безработица растут, а это создает дополнительные условия для социальных столкновений, которые подавляются при помощи вооруженных сил. Само собой разумеется, что такое «решение» социального вопроса может только ожесточить трудящихся ...

В 1970 г. в Чили на президентских выборах победил блок Народного единства, объединивший все прогрессивные/ революционные силы страны, включая коммунистов. Президентом Чили стал лидер блока социалист Сальвадор Альенде. Впервые демократическим путем, через избирательные урны в одной из стран Латинской Америки к власти пришли революционные силы. Чилийская реакция в тесном союзе с ЦРУ организовала убийство военного министра генерала Шнейдера; прибегнув к террору, эти круги стремились спровоцировать гражданскую войну, по их происки потерпели провал. Правительство президента Сальвадора Альенде, опираясь на единство революционных сил и поддержку трудящихся, укрепило свои позиции и приступило к осуществлению преобразований: национализировало главное богатство страны — медь, ускорило проведение аграрной реформы, начало осуществлять независимую внешнюю политику, восстановило дипломатические отношения с Кубой и другими социалистическими странами.

«Тысяча дней, — пишет об этом периоде Луис Корвалан, Генеральный секретарь Коммунистической партии Чили, — правительства Народного единства были результатом усилий самых широких масс. Эти дни стали реальностью благодаря многолетней борьбе рабочего класса и всего народа, отмеченной бесчисленным множеством забастовок, общенациональных стачек, занятием земель для сооружения жилья, захватами латифундий крестьянами, студенческими битвами за реформу высшего образования и другими выступлениями масс.

С самого начала Деятельности этого правительства трудящиеся почувствовали себя непосредственными участниками происходящего и творцами будущего своей родины. В эти годы возникли новые формы организаций трудящихся и народа, призванные помочь им выполнять ту роль, которую они начинали играть в управлении государством и экономикой страны. Каждая из этих организаций превращалась в зародыш новой власти, государства нового типа, которое они намеревались построить»³.

Однако это мирное развитие было прервано 11 сентября 1973 г. фашистским переворотом во главе с генералом Пиночетом. Этот переворот был совершен под непосредственным руководством американского правительства во главе с тогдашним президентом Никсоном. «Когда читаешь мемуары Киссинджера, испытываешь ощущение, что точнее было бы говорить о государственном перевороте Киссинджера,

а не Пиночета»⁴, — заявляет Л. Корвалан. Заговорщики убили президента Альенде, страна была залита кровью. Десятки тысяч человек — противников тирании погибли в ее застенках. Пиночет установил режим зверской диктатуры, он повел «внутреннюю войну» против чилийского народа. Противники режима подвергались преследованиям как внутри страны, так и за ее пределами. Генерал Карлос Пратс и его жена погибли от рук агентов пиночетовской охраны в Буэнос-Айресе, Бернардо Летельер, министр иностранных дел в правительстве Народного единства Чили, вовсе не коммунист, а левый демохристианин и его секретарша — американка по рождению — стали жертвами наемных убийц в Вашингтоне, и т. д.

В стране за прошедшие годы крепло единство всех демократических сил. В настоящее время против протестующих масс населения, выступающих под лозунгом «Демократия сейчас!», Пиночет вновь пытается бросить армию, но сегодня он уже не в состоянии удерживаться у власти с помощью лишь террористических методов.

«В этих условиях,—отмечает Луис Корвалан, — американский империализм, который поставил Пиночета у власти и поддерживал его на протяжении минувших десяти лет, пытается подпереть кровавый режим, побуждая его подгримироваться, внося некоторые изменения в стиль правления. Цель очевидна—преградить путь народному движению, сбить нынешний накал борьбы и в конечном счете гарантировать — с Пиночетом или без него — защиту интересов империализма и его ближайших союзников. Для этого империалисты стремятся поддерживать изо всех сил ту систему правления, которая была установлена после путча 11 сентября 1973 года, сохранить реакционный характер вооруженных сил и спасти механизм своего экономического господства»⁵.

В распоряжении режима Пиночета армия, силы подавления. Его империалистические хозяева могущественны. Но это — шаткий режим, потому что его политика в корне противоречит национальным интересам чилийского народа.

Уолл-стрит, Пентагон, ЦРУ и их компаньоны из местной финансовой олигархии поставили перед Пиночетом задачу установить такую систему, которая гарантировала бы им надежное, стабильное, без кризисов, развитие капиталистической экономики в Чили и подчинение рабочего класса, ликвидацию коммунистической партии и других демократических организаций. Эта задача оказалась непосильной.

Сегодня антагонистические противоречия в стране обострены, как никогда прежде, кризис режима усилился до предела, экономика страны терпит крах, обострились все существующие проблемы. А коммунистическая партия и другие демократические партии живы, они закалились в жестоких битвах.

Чилийский народ борется за свободу. Он сознает стоящие перед ним трудности и демонстрирует решимость добиться победы. На земле О'Хиггинса, Альенде и Неруды фашизм не смог пустить глубокие корни. И сегодня на повестке дня стоит задача положить конец тирании⁶.

Чилийский народ всегда ощущал солидарность всех народов мира с его борьбой за свободу. В свою очередь он откликнулся на борьбу народов Никарагуа, Сальвадора и Гватемалы, всех, кто борется против империализма.

Эти события не прошли бесследно и для Аргентины. Правительство этой страны, возглавляемое генералом Лануссе, высказалось вопреки планам Пентагона за сотрудничество с Перу и Чили на основе взаимного невмешательства и уважения суверенитета.

В 1973 г. президентом страны был избран Кампора, а затем повторно генерал Перон, который обещал осуществить социальные преобразования, ограничить деятельность иностранного капитала, Аргентина восстановила дипломатические отношения с Кубой. Смерть Перона усложнила положение в стране, обострила противоречия в перонистском движении, многоплановом по своему социальному составу. В марте 1976 г. власть в стране снова захватили военные...

Не менее знаменательные события произошли за эти годы в Боливии. 27 апреля

1969 г. президент Баррьентос погиб в авиационной катастрофе. Его место занял вице-президент Силес Салинас. Пять месяцев спустя, 26 сентября того же года, в результате очередного военного переворота президентом стал генерал Альфредо Овандо Кандия. Он уже не мог править страной методами своих предшественников.

Чтобы удержаться у власти, Овандо был вынужден не только говорить о защите национальных интересов, но и сделать кое-что реальное в этом направлении. Так, он национализировал собственность «Боливиэн галф ойл компа-ни» — филиала крупной американской нефтяной монополии «Галф ойл корпорейшн»; установил дипломатические отношения с Советским Союзом.

Овандо пытался возложить всю ответственность за гибель Че Гевары на Баррьентоса. Более того, он заявил о позитивном вкладе Эрнесто Че Гевары в развитие боливийской революции.

Поведение Овандо вызвало резкое недовольство в Вашингтоне. В конфиденциальном докладе правительства США сенатской комиссии по иностранным делам Овандо был назван «оппортунистом без идеологии и политических убеждений».

Однако действия Овандо не обеспечили ему поддержки внутри страны, в частности среди офицерства, на которое он рассчитывал в первую очередь.

Американская агентура в армии, особенно офицеры, принимавшие непосредственное участие в карательных антипартизанских акциях, считали Овандо чуть ли не предателем, в то же самое время для патриотически мыслящих офицеров Овандо, правая рука Баррьентоса, оставался одиозной фигурой, руки которого обгажены кровью Че.

Лишившись поддержки тех и других, 6 октября 1970 г. Овандо был свергнут. Некоторое время в стране царил неразбериха. Одновременно шесть военных объявили себя президентами страны. Дело кончилось тем, что в президентском дворце в Ла-Пасе утвердился генерал Хуан Хосе Торрес, который при Баррьентосе был начальником генерального штаба⁷.

Будучи президентом (октябрь 1970 г. — август 1971г.). генерал Торрес занимал прогрессивные позиции. За короткий период его пребывания у власти был принят ряд мер в интересах трудящихся, увеличена заработная плата горнякам. созданы условия для широкой профсоюзной и политической деятельности, в государственный сектор возвращены некоторые горнорудные предприятия, улучшены отношения Боливии с социалистическими государствами. Он восстановил демократические свободы, освободил политических заключенных, в том числе и Р. Дебре⁸. Торрес даже позволил себе одобрительно высказаться о Че⁹.

Против этой патриотической и антиимпериалистической политики восстали реакционные круги и правые элементы вооруженных сил, которые были поддержаны империализмом США. Торрес был свергнут и выслан из страны. Но и в эмиграции он оказывал постоянную поддержку антифашистской борьбе боливийского народа¹⁰. Демократические силы Боливии, раздробленные тогда, оказались не в состоянии оказать действенное сопротивление реакции. Знаменательно, что в дни борьбы за власть па стороне народа выступал полковник Рубен Санчес, который в одной из стычек 10 апреля 1967 г. был взят в плен партизанами Че. По-видимому, этот эпизод сыграл положительную роль в жизни этого военного, ставшего одним из ближайших соратников генерала Хуана Хосе Торреса.

В начале июня 1976 г. бывший президент Боливии генерал Хуан Хосе Торрес был убит в Буэнос-Айресе. Убийство Торреса, занимавшего видное место в борьбе против реакции, явилось составной частью организованной агентами ЦРУ кампании террора, направленной против рабочего и массового движения на континенте. Факты неопровержимо свидетельствуют, что расправа с бывшим боливийским президентом была хладнокровно подготовлена.

Смерть Торреса вызвала взрыв всеобщего возмущения. Трудящиеся и студенты объявили забастовки протеста. Господствовавшая тогда в Боливии военная хунта

цинично назвала выступления горняков частью «подрывного плана». Было введено чрезвычайное положение, после чего начались массовые аресты, были высланы из страны сотни профсоюзных, студенческих и политических деятелей, совершались другие беззакония. Однако массовое движение продолжалось.

Таким образом, надежды реакции и империализма на то, что с переворотом в Чили будет приостановлен революционный процесс в Латинской Америке, не оправдались. Ряд стран континента — в их числе Аргентина, Перу, Панама — в начале 70-х годов восстановили дипломатические и экономические отношения с Кубой. В самих Соединенных Штатах ширилось движение за нормализацию отношений с островом Свободы. Тем не менее США продолжали свои враждебные действия против Кубы. Как стало известно, ЦРУ в 1971 г. разработало и осуществило план переброски на Кубу бацилл свиной чумы, что вызвало на острове эпизоотию. Показательно, что «операция» с бациллами чумы была осуществлена ЦРУ после того, как США вместе с другими государствами выступили в ООН за запрещение применения химического и бактериологического оружия и Белый дом официально запретил использование этих видов оружия¹¹.

«Гусанос» по указаниям ЦРУ убивали кубинских дипломатов в США, Аргентине, Италии, других странах. Развернув в последнее время фронтальное наступление против каких бы то ни было контактов США с Кубой, они устроили налеты на кубинское представительство при ООН в Нью-Йорке, а также на здание в Вашингтоне, где работали представители Кубы в США. Прогрели взрывы в помещениях бюро путешествий, в редакциях газет, высказывавших на своих страницах симпатии по отношению к Кубе. Взлетела на воздух даже аптека в Нью-Джерси: террористы заподозрили, что ее владельцы «причастны» к отправке медикаментов на Кубу.

«Прекрасно известно, — говорил на VI Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран Фидель Кастро, — официально признано и опубликовано в Соединенных Штатах, что власти этой страны годами не прекращали методичных попыток организовать убийство руководителей Кубинской революции, пуская в ход наиболее изощренные средства из арсенала заговоров и преступлений. Однако, хотя связанные с этим факты расследовались и были преданы гласности американским сенатом, правительство Соединенных Штатов до сих пор не снизошло до того, чтобы попросить даже малейшего извинения за эти злонамеренные и варварские акции»¹².

Почти 20 лет длилось вооруженное сопротивление никарагуанцев сомосизму¹³. Прав был Че, когда писал: «Если трудной была война за освобождение на Кубе с ее двумя годами постоянных сражений, неуверенности, маневров — то бесконечно более трудными будут новые битвы, которые ждут народ в других районах Латинской Америки»¹⁴.

Во второй половине 70-х годов в Никарагуа стали шириться вооруженные действия партизан. Для них подвиг Че являлся вдохновляющим примером. Участники партизанского движения неоднократно воспевали Че в своих стихах. Национальный герой Никарагуа Лионель Ругама, погибший 15 января 1970 г. в возрасте 20 лет в бою с гвардейцами Сомосы, одно из своих стихотворений назвал «Че»¹⁵.

Когда партизанская борьба против сомосизма стала нарастать, в Белом доме забеспокоились. Часть американских руководителей считала, что им самим следует избавиться от Сомосы, слывшего самым ненавистным человеком в Никарагуа и поэтому уже ставшего балластом для интересов США в этой стране. Подобные «операции» в Латинской Америке не были чем-то новым для Вашингтона. Ведь ЦРУ в свое время «убрало» доминиканского диктатора Леонидаса Трухильо, тоже превратившегося из союзника в «балласт» для США. И все же в Вашингтоне возобладала другая точка зрения, а именно оказать максимальную поддержку Сомосе, а параллельно усилить всякого рода подрывные действия против революционной Кубы. Снова посыпались из Вашингтона обвинения в адрес Гаваны в том, будто она

«вмешивается во внутренние дела» Никарагуа, вооружает и чуть ли не руководит сандинистскими повстанцами. Одновременно проамериканская пропаганда «не забывала» и Советский Союз, утверждая, что он якобы «вооружает» Кубу и к тому же содержит там свои войска. Одним словом, в событиях в Никарагуа оказывались виновны не кровавые злодеяния Сомосы, не американцы, являвшиеся его главной опорой, а Куба и находящийся от нее за тысячи километров Советский Союз.

Но революцию питает не чья-то «пропаганда» или «подрывная деятельность», как о том любит кричать империалистическая пресса. Революцию питает сама действительность, невыносимые условия жизни, в которые поставлены народы, вмешательство, интервенции империалистов. В этом ее глубочайшие и неистребимые корни, и только в этом ее причины. И любые попытки преградить дорогу прогрессу, подорвать с помощью террора и репрессий стремление к свободе лишь усиливают возмущение народных масс.

В США правящие круги придерживаются на этот счет противоположного мнения. Они присваивают себе исключительное право вмешиваться в дела любой страны, в то же время считают «преступлением» любое проявление солидарности с жертвами их политики, исходящие от кого бы то ни было. Разумеется, выступая в роли мирового жандарма, США не могут рассчитывать, что несогласные с ними народы станут по стойке «смирно» и будут слепо повиноваться их прихотям. Времена не те. И это подтвердили никарагуанские события, где 19 июля 1979 г. был свергнут ненавистный сомосистский режим и победила народная антиимпериалистическая сандинистская революция.

В Вашингтоне события в Никарагуа расцениваются как серьезный удар по позициям США в Западном полушарии. Теперь в Белом доме, где место демократа Картера занял с 1981 г. республиканец Рейган, стали разрабатывать планы изоляции неудобной для США Новой Никарагуа и свержения ее революционного правительства. Вместе с тем еще более усилился нажим на Кубу.

США поддерживают террористический режим в Сальвадоре, где убиты уже десятки тысяч человек и разгорается освободительная народная война. Рейган «опасается», как бы революционный «пожар» не перекинулся сюда из соседней Никарагуа. Все это облекается в форму дымовой завесы из воплей о вмешательстве теперь уже не только Кубы, Советского Союза, но и самой Сандинистской Никарагуа в дела Сальвадора, хотя единственной страной, которая открыто и беззастенчиво вмешивается в дела других стран, являются сами Соединенные Штаты.

Руководители вашингтонской администрации и не думают скрывать своих взглядов на этот счет. Вот что писала, например, небезызвестная мадам Дж. Киркпатрик, постоянный представитель США в ООН, в статье «На этот раз мы знаем, что происходит», опубликованной в «Вашингтон пост» в конце 1983 г.: «Пусть это звучит невыносимо старомодно, по налицо план создания коммунистической Центральной Америки. Этот план, если его претворить в жизнь, будет иметь серьезнейшие последствия для нашей безопасности и безопасности наших европейских союзников, для положения Израиля на международной арене и для несчастных народов Центральной Америки... Теперь мы знаем, что представляет собой правительство Никарагуа и каковы его намерения в Сальвадоре, Гондурасе, Коста-Рике, Нью-Йорке (?) и Иерусалиме (?). Мы знаем, кто такие партизаны в Сальвадоре, откуда и как они получают оружие, каковы их планы и кто их друзья».

Но вот незадача. «Конгресс до сих пор, по-видимому, не склонен серьезно попытаться предотвратить — средствами иными, нежели война, — эти человеческие и стратегические катастрофы».

В статье приводится целый каталог «грехов», совершенных руководством Никарагуа: оно выпустило «новую марку с изображением Карла Маркса и цитатами из Манифеста Коммунистической партии» (!), устанавливает контроль над органами массовой информации, отказало епископам католической церкви в праве выступить с

мессой по телевидению на страстной неделе, не ладит с индейцами из племени мискито, затягивает проведение обещанных выборов. И уж совсем ужасно — сандинисты «ввезли в страну много тысяч кубинских преподавателей, инструкторов и инспекторов, включая минимум 2 тыс. военных советников». Сами «ввезли», не спросив США, «руководствуясь научными доктринами революции, марксизмом-ленинизмом», а должны были бы спросить, зная, как кубинцы волнуют Вашингтон.

С католической церковью дело сложнее. После нападков на священнослужителей, коими лично президент Р. Рейган ознаменовал им же провозглашенный «год Библии», советовать как-то неловко. И пример Сальвадора, где американские выученики убили архиепископа Ромеро во время богослужения, лучше не поминать.

«Мы, — продолжает свое кривляние Дж. Киркпатрик, --содержим большую постоянную армию и имеем колоссальный оборонный потенциал. Мы размещаем войска в отдаленных местах, выделяем миллиарды долларов на экономическую и военную поддержку правительств всякого рода в Азии, Африке, на Ближнем Востоке». Касаясь положения в Сальвадоре, она вопрошает: почему «высказываются сомнения даже в самом праве этого правительства на дальнейшее существование», если оно «изо всех сил старается удовлетворить американские требования»? ¹⁶

В свою очередь, в том же 1983 г. президент Рейган заявил, что «правительство Сальвадора находится на передовом рубеже битвы (!), которая нацелена на самое сердце Западного полушария и в конечном счете Соединенных Штатов». И это утверждается, несмотря на то что население США превосходит по численности население Сальвадора по крайней мере в 50 раз! Но это не смущает хозяина Белого дома. Он пытается любыми правдами и неправдами запугать как своих, так и чужих граждан. Но правду не скроешь. Газета «Нью-Йорк таймс» в начале апреля 1983 г. опубликовала текст документа Совета национальной безопасности «Американская политика в Центральной Америке и на Кубе на 1984 финансовый год включительно», в котором прямо говорится: «... в Никарагуа сандинисты испытывают усиленный нажим в результате наших тайных действий (выделено нами.—Я. Г.)». Таковы факты.

В Латинской Америке политика санкций, всякого рода провокаций и угроз в адрес Никарагуа встречает растущее сопротивление. Так называемая Контадорская группа стран, в которую входят Мексика, Панама, Венесуэла и Колумбия, требует политического решения — путем переговоров со всеми заинтересованными сторонами — положения в Центральной Америке. США же настаивают только на военном решении. Они пытаются сколотить военный союз в составе Сальвадора, Гватемалы и Гондураса, противостоящий Никарагуа. В последнее время наемники бомбят никарагуанские города, устраивают запугивающие военные маневры у границ Никарагуа, пытаясь дестабилизировать внутреннюю обстановку и тем самым облегчить захват власти противниками сандинистов. Подобная политика Белого дома вызывает возмущение ряда западноевропейских стран, лидеров Социалистического интернационала, руководителей церкви.

Даже среди таких традиционных консервативных организаций, как ОАГ, до недавнего времени служивших проведению агрессивной политики США в Латинской Америке, в последние годы наблюдается нежелание оставаться послушным инструментом в руках Вашингтона.

Еще более решительно правительства стран Латинской Америки выступают против агрессивного курса Белого дома на других международных форумах. В марте 1983 г., когда Совет Безопасности ООН обсуждал обстановку в Центральной Америке, крайне обострившуюся в результате вооруженных вылазок из Гондураса банд сомосовцев против Никарагуа, США оказались в политической изоляции, что вызвало крайнее раздражение американской делегации. Дж. Киркпатрик вновь разразилась нападками на Никарагуа.

Ответил ей представитель Кубы в ООН Р. Роа Коури. Атакуя всех, кто выразил свою солидарность с пародом Никарагуа, сказал он, американский делегат старательно

обходит факты. Соединенные Штаты присвоили себе «право вмешиваться в дела любой части мира под предлогом „защиты“ своих интересов».

В свою очередь, советский представитель в ответ на лицемерное заявление Дж. Киркпатрик на конкретных примерах показал подлинную суть «миролюбивой» политики США в Латинской Америке. В 10 странах этого региона, отметил он, США совершили 81 интервенцию. Они, в частности, 14 раз использовали силу против Мексики, 13 раз — против Кубы, 11 раз — против Панамы, 10 раз — против Никарагуа¹⁷.

Другой пример: представители стран Латинской Америки собрались в начале 1984 г. в Кито (Эквадор) для обсуждения экономических проблем. В принятой ими «Декларации Кито», подписанной пятью главами государств и правительств, тремя вице-президентами, министрами и личными представителями президентов стран Латинской Америки, особый акцент делается на тягчайших последствиях финансовой зависимости многих стран Латинской Америки от развитых капиталистических держав. Прежде всего это выражается в образовавшейся сейчас в целом у развивающихся стран внешней задолженности на сумму более чем в 700 млрд. долл. Американский журнал «Тайм» называл эту задолженность «бомбой замедленного действия», все более громко, зловеще тикающей под зданием современного капитализма.

В «Декларации Кито» справедливо указывается на то, что восстановление экономического роста развивающихся стран является единственным способом гарантирования платежей по внешней задолженности.

На долю стран Латинской Америки приходится почти половина такой задолженности — 300 млрд. долл. Между тем в 1982 г. общий валовой национальный продукт этих стран упал — впервые за последние 40 лет — на 1 %. Не улучшилось положение и в 1983 г. Но «Декларация Кито» не ограничивается этим. Она требует уважения суверенного права народов жить и работать в условиях мира и свободы, без какого-либо вмешательства извне. Документ отвергает интервенцию, «пример которой недавно имел место в регионе» (речь идет о вторжении военизированной армии США на Гренаду). Участники совещания высказались за решение путем переговоров проблем Центральной Америки¹⁸.

Провокационная политика Белого дома встречает растущий отпор и в самих США. Так, американская газета «Прогрессив» писала о ней в 1982 г. следующее: «Когда Рейган обращает взор на юг, он видит революционную Кубу, за два десятилетия надежно укрепившую свои завоевания, а также Никарагуа и Гренаду, обещающие быть столь же стойкими. Видит он, что в Сальвадоре повстанцы добились немалых успехов, несмотря на существенную помощь, оказываемую Соединенными Штатами правящему режиму, а в Гватемале левые силы образовали Объединенный фронт партизанских соединений. Правда, сколь бы влиятельны ни были эти страны и движения, ясно, что они не представляют какой-либо военной опасности для США. Вовсе не мысли о военной угрозе Соединенным Штатам в Западной полушарии преследуют президента Рейгана и его политических советников. Революции и вызываемые ими перемены в Центральной Америке и Карибском бассейне были с самого начала навязчивой идеей администрации Рейгана. Из официальных заявлений явствует, что намерения США состоят в конечном счете не столько в том, чтобы «предотвратить падение костяшек домино» в регионе, сколько в том, чтобы положить начало осуществлению собственной «стратегии падающего домино», т. е. покончить с партизанским движением в Сальвадоре, расправиться с Сандинистской революцией в Никарагуа и, наконец, покончить с режимом Фиделя Кастро на Кубе»¹⁹.

«Тайные действия Соединенных Штатов в Центральной Америке, — указывала «Нью-Йорк таймс», — начатые примерно с год назад с ограниченными целями, превратились в самую широкую военную и политическую деятельность, какую ЦРУ вело в течение последнего десятилетия». Однако США действуют и в открытую, как

уже давно не действовали. Вновь оказывается военная помощь правому режиму Гватемалы. Американские советники в Коста-Рике, стране, не имеющей армии, натаскивают гражданскую гвардию. Вооруженные силы США неоднократно проводили маневры в Центральной Америке и районе Карибского моря.

Подобные демонстрации военной силы, такие, как, например, маневры американских ВВС неподалеку от Кубы, призваны вызывать у Фиделя Кастро тревогу, особенно когда при этом раздаются угрозы «добраться до истоков», т. е. усилить блокаду Кубы. Уже сам факт существования этого государства не дает Вашингтону покоя. Как сказал У. Смит, специалист по Латинской Америке, в знак протеста ушедший в отставку с американской дипломатической службы, Куба действует на администрацию США, как «луна на волков».

Эти «волки», однако, не только воют... Когда дело касается Карибского бассейна и Центральной Америки — «мягкого подбрюшья» США, они сразу же начинают размахивать большой дубинкой²⁰.

Позиция Советского Союза и других социалистических стран, в том числе самой Кубы, по этим вопросам предельно ясна и хорошо известна. Советский Союз считал и считает недопустимым, более того преступным, любое вмешательство извне с целью подавления суверенной воли революционного народа. Равным образом коммунисты не являются и сторонниками «экспорта революции». Революция вызревает в конкретной исторической обстановке. Как и когда она возникает, какие формы и методы будут при этом использованы — это дело самого народа той или иной страны.

Разумеется, ни Куба, ни Советский Союз, ни любая другая социалистическая страна никогда не скрывали и не скрывают своей солидарности с народами, борющимися за свою свободу, независимость, социальную справедливость. И если США рассчитывают, что они могут безнаказанно угрожать вторжением неудобным им правительствам, вооружать всякую контрреволюционную нечисть и вести себя в международных делах, подобно слону в посудной лавке, то они горько ошибаются. Ни одна уважающая себя страна не потерпит такого рода угроз в свой адрес. Однако из этого не следует, что какая-либо из социалистических стран вооружила революционеров в Никарагуа или делает это в Сальвадоре. В этом не было и нет никакой надобности, ведь в Никарагуа в прошлом и в Сальвадоре теперь борцы против тирании вооружаются сами за счет оружия своих противников, оружия, кстати, американского производства.

Озлобление Белого дома понятно. Оно вызвано серьезными срывами и поражениями американского империализма в последние годы на международной арене. Однако, вместо того чтобы искать мирного решения сложных международных вопросов, правящие круги США бьют в барабаны войны, размахивают своей пресловутой дубинкой, угрожают всем и каждому страшными наказаниями в случае неповиновения.

Агрессивная политика США в отношении событий в Центральной Америке встречает сегодня решительное сопротивление даже таких стран, как Франция и Мексика, которые никак нельзя упрекнуть в проведении «кубино-советской линии».

О возрастании влияния демократических кругов свидетельствует то, что при содействии Контадорской группы в начале 1984 г. удалось достигнуть соглашения Никарагуа с Гондурасом, Сальвадором, Гватемалой и Коста-Рикой. Этот факт так комментировала «Вашингтон пост»:

«Пять стран Центральной Америки одобрили план мирного урегулирования, цель которого — положить конец насилию в этом районе. Достигнутое соглашение представляет собой модификацию предложений, выдвинутых за две недели до этого „контадорской группой" в составе Венесуэлы, Панамы, Мексики и Колумбии». Таким образом, посредническая миссия этих стран, представители которых впервые собрались на острове Контадора близ побережья Панамы в январе 1983 г., принесла ощутимые результаты. Созданы потенциальные предпосылки для урегулирования

положения в Центральной Америке.

Достигнутое соглашение предусматривает учет вооружений, баз и численности военнослужащих в каждой из пяти стран Центральной Америки, а впоследствии — установление контроля над вооружением и его сокращение, направленное на обеспечение «разумного равновесия сил в районе». Запланированы также перепись иностранных военных советников в каждой из этих стран и установление сроков сокращения их численности до полной высылки.

Соглашение также предусматривает принятие законов, гарантирующих проведение свободных выборов, соблюдение прав человека» а также другие меры, направленные на восстановление демократии в этом районе.

Министр иностранных дел Никарагуа Мигель Д'Эското назвал это соглашение «самым важным событием с тех пор, как „контрадорская группа" начала свою деятельность»²¹.

Разумеется, никто не переоценивает значения такого соглашения, более того, вскоре американские самолеты, базируясь на Гондурасе, стали бомбить Никарагуа...

Примером лицемерия администрации Вашингтона может служить и вооруженный конфликт между Аргентиной и Англией из-за Мальвинских (Фольклендских) островов, разыгравшийся в 1982 г. Вопреки своей пресловутой доктрине Монро, юбилей которой столь громко праздновал официальный Вашингтон в 1983 г., и пакту Рио-де-Жанейро (1942 г.), обязывавшему США оказать поддержку любой американской стране в случае агрессии извне, Соединенные Штаты выступили на стороне Англии, раскрыв тем самым еще раз перед всем миром истинную суть их болтовни о панамериканской солидарности. Этот шаг Вашингтона открыл глаза и многим буржуазным деятелям Латинской Америки на подлинную природу американского империализма, всегда готового пожертвовать странами континента во имя своих корыстных интересов. Тут уж действительно можно сказать, что США сами себе роют яму, ведь не обвинишь Москву или Гавану в том, что США пошли на союз с имперской Англией против Аргентины.

А что показала бандитская оккупация войсками США в октябре 1983 г. маленького острова Гренада, население которого составляет всего лишь 110 тыс. человек? Ради чего была «наказана» крохотная Гренада? Только ради того, чтобы добиться «победы» Рейгана в преддверии президентских выборов 1984 г. Этим агрессивным действиям предшествовало убийство Мориса Бишопа и других видных деятелей национально-освободительного движения Гренады, совершенное не без участия ЦРУ.

Военная оккупация США Гренады вызвала во всем мире волну возмущения и осуждения. Большинство правительств мира в ООН потребовало немедленного отзыва американских войск с острова. ТАСС еще 26 октября 1983 г. от имени Советского правительства высказал такое же мнение. Оно неоднократно повторялось и главой Советского государства:

«Накалена обстановка в Центральной Америке, где администрация США покушается на независимость суверенных государств. Те, кто утверждает, что в мире будто бы „ничего опасного не происходит", видимо, хотят стереть из памяти людей и американскую агрессию в отношении Гренады. Ведь ясно, что Соединенные Штаты хотят сломить народовластие, силой оружия вернуть ненавистных диктаторов — ставленников США. Все это принято в Белом доме называть „борьбой за права человека". Большого цинизма представить себе невозможно.

Империалистический разбой чинят и в других районах мира. Такова реальная ситуация. Она острая и опасная. Недопустимо проявлять ее недооценку.

Спрашивается, с какой же целью нынешняя обстановка в мире сознательно искажается в заявлениях американских руководителей? Прежде всего для того, чтобы попытаться рассеять растущую с каждым днем озабоченность народов милитаристской политикой Вашингтона, сбить волну усиливающегося противодействия такой политике.

То, что люди повсюду лучше осознают опасность миру, то, что они понимают, откуда эта опасность исходит, — факт, несомненно, большого значения. Борьба миллионов людей за мир — это тоже объективная реальность сегодняшних дней»²².

На оккупированной войсками США Гренаде свирепствует террор. «Сначала арестованных избивают, — рассказывает бывший генеральный прокурор Гренады Радикс, чудом вырвавшийся из концлагеря. — Потом им завязывают глаза и бросают в вертолеты, на которых отправляют во внутренние районы страны. Во время полета их просто подталкивают к открытой двери...»

Сотни жизней унесла кровавая авантюра вашингтонской администрации. Всего лишь за несколько недель в одной только городской больнице Сент-Джорджеса скончалось от огнестрельных ран 206 гренадцев.

В первые же дни американской интервенции, начавшейся 25 октября 1983 г., «рейнджерами» и морскими пехотинцами США было схвачено свыше 2 тыс. сторонников народной власти. И это на острове, где всего-то проживает 110 тыс. человек!

Оккупанты арестовывают не только членов партии Новое движение ДЖУЭЛ, но и сочувствующих им бойцов вооруженных сил республики и народной милиции, бывших работников национализированных предприятий и кооперативов.

Облавы на Гренаде ведут главным образом американские спецподразделения. Пентагоновские вояки останавливают на дорогах автомашины и «вытряхивают» пассажиров, заставляя их часами стоять с поднятыми руками под Знойным тропическим солнцем. Щедрое вознаграждение выдается за поимку видных деятелей правительства Бишопа. Большинство их уже брошено в тюрьмы.

«Никому, в том числе и адвокатам, не разрешают встречаться с заключенными, — свидетельствует побывавший на Гренаде британский лейборист Джерми Корбин. — Остров покрылся могилами неопознанных жертв».

«Арестованных заставляли раздеваться донага и били. Их принуждали ложиться лицом в грязь, в навоз или в муравейники. Гренадцев сгоняли в загон для скота, окружали сворами свирепых собак, которые при малейшем движении бросались на людей. Группы заключенных, доставленных на американские военные корабли „Гуам“ и „Сайпан“, запирали в металлических клетках в котельных. Там, в невыносимой жаре и грохоте, их держали по несколько дней», — рассказывает побывавшая на острове преподаватель колледжа из Нью-Йорка М. Самад-Мэтиас.

Кошмары «грязной войны» Пентагона в Индокитае повторяются на Гренаде с поразительной точностью, признают те, кому удалось посетить Сент-Джорджес после захвата острова вояками Рейгана. Но гримасы «нового порядка» по-вашингтонски — это не только полицейский террор, жесткая цензура печати и запреты на собрания и демонстрации. Это еще и руины зданий, вспыхнувшие на острове эпидемии, запустение на улицах городов и поселков, хаос в экономике и государственном аппарате.

В местечке, где строился международный аэропорт с целью увеличить приток туристов на Гренаду, сейчас вотчина пентагоновских саперных подразделений. Они ведут подготовительные работы по созданию военно-воздушной базы США. Рядом зияет пустыми глазницами окоп недостроенное здание аэровокзала. Там американские мародеры разграбили склад с дорогостоящей электроникой и растащили все то, что было привезено для сооружавшегося объекта английской фирмой «Плесси эйрпортс», — телевизоры, динамики, мониторы, миникомпьютеры и калькуляторы.

Опустели корпуса американского медицинского колледжа. Большинство студентов, мнимой опасностью для жизни которых прикрывалась агрессия, теперь отказываются вернуться в Сент-Джорджес, протестуя против чинимого оккупационными властями произвола.

В центре гренадской столицы руины отеля «Холидей инн», уничтоженного американской корабельной артиллерией. В соседнем отеле разместилось истинное правительство оккупированной страны — посольство США. Как известно, его сюда

никто не приглашал. Но глава американской миссии Чарлз Гиллеспи не испытывает по этому поводу никаких угрызений совести. Напротив, он публично заявил, что сделает все возможное, чтобы Гренада «никогда больше не свернула влево».

Эти факты подтверждаются и в докладах представителей американских квакеров, побывавших на острове. Квакеры констатируют, что в стране попираются элементарнейшие нормы гражданских прав. Десятки людей без суда и следствия до сих пор содержатся в тюрьмах, концентрационных лагерях. Многих из них подвергают беспрерывным допросам, избивают.

Упразднены бесплатная медицинская помощь, система образования, сельскохозяйственные кооперативы — достижения правительства М. Бишопа. «Интервенция и оккупация США прямо противоречат долгосрочным интересам народа Гренады» — таков вывод еще одного обличительного документа, составленного американскими врачами, представляющими различные медицинские, общественные организации. На Гренаде они увидели пустующие больницы. В медицинском центре «Хэппи хилл», например, не осталось ни одного доктора.

В короткий срок безработица на острове достигла 30%. Сокращен экспорт главной сельскохозяйственной культуры на острове — мускатного ореха, что давало работу, постоянный заработок многим гренадцам²³.

И все же ни репрессии, ни тактика «выжженной земли» не достигают на Гренаде своей главной цели. Жители острова не прекращают борьбы за вывод оккупационных войск, за восстановление национальной независимости и суверенитета, в стране активизируется революционное подполье. В горных районах то и дело завязываются перестрелки с карателями. «Даже буржуазия, поначалу восторженно встретив шая интервентов, теперь раздражена грубостью, с какой американцы правят страной», — заявила бывшая сотрудница министерства финансов Гренады Пегги Нэсфилд.

Сотни гренадцев, вопреки угрозе ареста, не снимают значков с портретом покойного премьер-министра М. Бишопа, бережно хранят его брошюры и книги, по ночам расклеивают на фасадах зданий плакаты с изображением лидера гренадской революции.

Пытаясь искоренить в народе Гренады память о революции, оккупационные власти прибегают к изощренным маневрам и фальсификациям. ЦРУ направило на остров группу экспертов из пресловутого «корпуса мира», занявшихся там массовой обработкой общественного мнения. В Сент-Джорджес прибыл уполномоченный так называемого «Американского института свободных профсоюзов» Майк Донован, который лично руководит допросами арестованных рабочих руководителей.

Массовый геноцид, циничное попрание общепризнанных норм международного права, гражданских свобод и элементарных понятий о человечности — вот что несет американский «новый порядок» странам Центральной Америки и Карибского бассейна²⁴.

Факты свидетельствуют, что США не только не думают выводить свои войска с Гренады или идти на смягчение международной обстановки в других странах и регионах, но, при Рейгане во всяком случае, идут на ее дальнейшее обострение.

Летом 1983 г. глава Белого дома создал комиссию в составе 12 «апостолов мира» — так окрестила их западная пресса — во главе с бывшим государственным секретарем Г. Киссинджером. Это назначение вызвало в американских политических кругах удивление и скепсис, чему во многом способствовала сомнительная «миротворческая» репутация председателя...

Но Рейган знал, куда, когда и кого назначать. Пентагон начал крупнейшие военные маневры в Гондурасе, установил морскую блокаду никарагуанского побережья. Одновременно конгресс урезал военную помощь Сальвадору, а палата представителей воспротивилась поддержать никарагуанских «контрас». Таким образом, двухпартийность оказалась весьма кстати для создания видимости «объективности» и для того, чтобы заткнуть рот противникам агрессивного курса администрации. Что же

касается личности председателя комиссии, то та роль, которую он сыграл в свержении правительства Альенде в Чили, в разжигании войны на Ближнем Востоке и в других черных делах Белого дома, говорила сама за себя. Кому, как не Киссинджеру, можно доверить столь щекотливое дело — доказать «наличие рук Москвы и Гаваны», обосновать необходимость вооруженного вмешательства США в странах Центральной Америки?

Комиссия провела 42 заседания, встретила более чем с 500 деятелями, связанными с американской внешней политикой и проблемами Центральной Америки, нанесла визиты во все страны региона. Переговоры, как правило, велись с теми, кто так или иначе поддерживает курс нынешней администрации.

Доклад комиссии ничего принципиально нового не предложил. С большим скрипом в докладе признаются политические, экономические и социальные причины центральноамериканского кризиса. Но главный упор вновь делается на мифическом «конфликте между Востоком и Западом». И следует обычный в таких случаях вывод — события в регионе создают стратегическую опасность Соединенным Штатам, так как с ростом «марксистско-ленинских» правительств возникнет угроза южным границам США, их морским путям в Карибском бассейне, включая Панамский канал, и будет нанесен урон престижу Вашингтона в мире.

Как же спасти Америку?

Довести до 400 млн. долл. помощь режиму Сальвадора, ускорить милитаризацию Гватемалы и Гондураса — предлагает Киссинджер (кстати, это идея не его, а Пентагона). А на экономическое развитие региона выделить... 8 млн. долл.

США, говорится в этом документе, ни в коем случае «не должны допустить победы сальвадорских патриотов, обязаны сделать все, чтобы повернуть вспять развитие Никарагуа». Но силу предлагается применить лишь «как последнее средство». А чтобы до этого не дошло, сальвадорским партизанам рекомендуется подключиться к «демократическому процессу», никарагуанцам — «провести свободные выборы», а Кубе — «отказаться от экспорта своей революции».

В этом суть программы бывшего государственного секретаря, легко уловившего, каких советов от него ждут в Белом доме. Теперь Киссинджер убеждает американцев, что только его рецепты гарантируют успех. Подобный чилийскому? Гренадскому? Ливанскому или намибийскому? А может, тому, что готовит Вашингтон народам Западной Европы?

Народы мира отнюдь не жаждут этого сомнительного «успеха»²⁵.

Как бы предваряя этот доклад, сандинистское правительство еще ранее сообщило о решении провести в 1985 г. прямые президентские выборы и выборы в конституционную ассамблею сроком на шесть лет. Ассамблея в первые два года одобрит новую конституцию страны. Все граждане Никарагуа смогут участвовать в голосовании, за исключением бывших участников Национальной гвардии Сомосы и активных контрреволюционеров²⁶.

Никарагуанское руководство трезво оценивает отношение администрации Рейгана к их стране.

В минувшем году, заявил 24 января 1984 г. по Центральному телевидению Советского Союза координатор Руководящего совета правительства Национального возрождения Никарагуа Даниэль Ортега, контрреволюционеры предприняли несколько нападений на нашу страну. Все эти вторжения осуществлялись при поддержке американского империализма и под непосредственным руководством ЦРУ. Последнее массированное нападение контрреволюционеры предприняли в декабре, намечая вступить к концу минувшего года в Манагуа и захватить власть. Но и эта попытка потерпела провал. Действия контрреволюционных сил вновь натолкнулись на решительный отпор никарагуанского народа, защищающего интересы революции. Мы можем смело утверждать, что любое новое наступление контрреволюции будет также разгромлено.

С первых дней победы нашей революции США пытались запугать Никарагуа, продолжал Д. Ортега. Особую интенсивность такая политика приобрела с приходом к власти администрации Рейгана, которая во главу угла своей политики поставила оголтелый антикоммунизм, подавление национально-освободительного движения в Латинской Америке.

Одним из самых коварных и подлых преступлений империализма была, без всякого сомнения, агрессия против Гренады. И, конечно же, это вторжение ставило своей целью запугать латиноамериканские народы, запугать народ Никарагуа. Однако эффект, которого добились империалисты США, был прямо противоположным тому, которого они ожидали.

Характеризуя инициативы Никарагуа, направленные на нормализацию положения в Центральной Америке, никарагуанский руководитель отметил: наши предложения предусматривают создание систем взаимной безопасности в регионе, прекращение политики агрессии и обеспечение условий для подлинной разрядки в Центральной Америке. Принимая также во внимание, что в Сальвадоре ведется народная, патриотическая, революционная война, мы предлагаем путь политического решения положения, создавшегося в этой стране. Именно политического, а не военного решения сальвадорской проблемы.

Свои предложения Никарагуа направила и странам Контадорской группы. Эти предложения были сообщены непосредственно Соединенным Штатам в ходе двухсторонних контактов с представителями американского правительства. Однако никакой реакции на них со стороны Соединенных Штатов пока нет. Все это свидетельствует о том, что США выступают против мирных усилий стран Контадорской группы.

Говоря о трудностях, встающих перед никарагуанским народом в результате состояния необъявленной войны со стороны США, их экономических санкций, выступающий сообщил: ущерб, нанесенный Никарагуа Соединенными Штатами и направляемыми ими террористическими группировками, только в минувшем году составил 110 млн. долл. Он подчеркнул, что большое значение для Никарагуа имеют интернациональная помощь и проявление братской солидарности со стороны народов других стран. Это помогает противостоять террористической политике США.

Напомним, что советское руководство неоднократно высказывалось в поддержку защиты независимости Никарагуа.

Об этом, в частности, говорил в 1984 г. на встрече с Даниэлем Ортегой в Москве Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко.

На встречах в Москве было уделено значительное внимание обстановке в Центральной Америке, резко обострившейся в последнее время по вине администрации Рейгана. Конкретным проявлением интервенционистского курса Соединенных Штатов, направленного на ликвидацию национально-освободительных движений народов Центральной Америки и Карибского бассейна, стала новая фаза эскалации агрессивных действий сомосовских банд, за спиной которых стоит ЦРУ.

Орган Сандинистского фронта национального освобождения газета «Баррикада» писала о встрече в Москве в 1983 г., что она стала еще одним свидетельством поддержки и действенной солидарности братского советского народа с борьбой никарагуанского народа в защиту независимости, национального суверенитета и революционных завоеваний, которые подвергаются угрозе со стороны американского империализма и контрреволюционного отребья.

В условиях, когда американский империализм поддерживает самые оголтелые реакционные силы, Советский Союз демонстрирует солидарность со справедливой борьбой никарагуанского народа за ликвидацию экономической отсталости, обеспечение экономического и социального преобразования своей страны, достижение стабильного мира и безопасности в регионе, указывает «Баррикада»²⁷.

Оценивая советско-никарагуанские отношения, Д. Ортега подчеркнул, что они являются образцом отношений между великой, могущественной и развитой страной и государством, развивающимся, небольшим, каким является Никарагуа. Советско-никарагуанские экономические связи представляют собой разительный контраст с теми неравноправными отношениями в международной экономической системе, к которым Никарагуа была приучена прежде. Советско-никарагуанские отношения можно смело назвать братскими, основанными на взаимном уважении, они не ограничены какими бы то ни было условиями.

Это особенно заметно на фоне агрессивной политики Соединенных Штатов. «В то время как США лишают нас кредитов на приобретение продовольствия. Советский Союз стал первой страной, протянувшей нам руку помощи. Сейчас, когда империализм США наносит нам огромный экономический ущерб, отказывая в поставках необходимого сырья для пашей промышленности. Советский Союз проявляет братскую солидарность, оказывает всемерное содействие в развитии нашей экономики, предоставляет сырье, продовольствие, и это помогает нам преодолевать трудности, создаваемые империализмом.

Еще раз повторю, что во всех сферах — политической, экономической и других — отношения между СССР и Никарагуа являются по-настоящему образцовыми, равноправными, братскими»²⁸.

Следует ли удивляться, что в самих США подавляющее большинство населения выступает против проводимого Рейганом по отношению к Центральной Америке агрессивного курса. Согласно опросу общественного мнения, проведенного авторитетным Институтом Лео Харриса, 76% опрошенных высказались против увеличения военных расходов в Центральной Америке, запрошенных у конгресса администрацией Рейгана, и только 17% за. 60% осудили помощь контрреволюционерам в этом регионе и т. д.²⁹

Вооруженные силы США будут все больше втягиваться в военные действия в различных районах мира, и американцам придется дорого платить за это людьми и деньгами, без обиняков сообщает своим читателям еженедельник «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт».

Американский еженедельник приводит данные, свидетельствующие о резком росте за 1983 год численности военнослужащих США в «горячих» точках планеты.

Мощный военный кулак сосредоточен в районе Центральной Америки и Карибского бассейна. Сюда, помимо интервенционистских сил, участвовавших в гренадской авантюре (военные действия осуществляли 7400 человек), переброшены дополнительно 12 100 вояк, сосредоточенных главным образом в непосредственной близости от границ Никарагуа.

Вооруженное вмешательство Соединенных Штатов на Ближнем Востоке, констатирует цитируемый выше журнал, расширяется в масштабах, небывалых за последние десятилетия. 1800 морских пехотинцев в Ливане поддерживает стоящая у берегов армада кораблей. Кроме того, многотысячные «силы быстрого развертывания», базирующиеся в США, предназначены к действиям «на случай кризиса, угрожающего нефти Персидского залива».

При распределении военного бюджета на 1984 финансовый год, который начался в октябре 1983 г., администрация Рейгана, информирует названный журнал, придает особое значение программам наращивания военной мощи в «горячих» точках планеты.

Планируется создание специализированных «легких пехотных дивизий», предназначенных для выполнения интервенционистских операций в конкретных условиях, например в горах Ливана или джунглях Латинской Америки. Будет укрепляться и морская пехота.

Другая программа предусматривает дальнейшее формирование подразделений из «командос», натасканных на выполнение определенных заданий, по образцу тех, что орудовали на Гренаде.

Будут перестраиваться и создаваться новые группы по ведению тайных войн с целью поддержки марионеточных или дестабилизации неугодных режимов. В частности, численность «зеленых беретов», снискавших позорную славу во времена вьетнамской войны, увеличивается с 3600 до 5000 человек.

Наконец, краеугольный камень пентагоновских усилий — значительное расширение военно-морского флота. По меньшей мере 600 боевых кораблей видит Вашингтон патрулирующими Атлантический, Тихий, Индийский океаны и Карибское море в полной готовности к вторжению практически в любой точке земного шара.

Американская военщина делает ставку и на установление, по выражению журнала, «тесных связей с региональными режимами», т. е. на военные альянсы с реакционными правительствами, «США и Израиль, — читаем по этому поводу, — создали совместный военно-политический комитет, чтобы расширить сотрудничество по обороне (I) на Ближнем Востоке. Израиль, по мнению Рейгана, представляет собой большую ценность со стратегической точки зрения»³⁰.

В связи с агрессивным курсом Рейгана в Центральной Америке, на Кубе, кровавой акцией против маленькой Гренады и другими провокациями в мире в 1983 г. резко обострилось положение на этот раз во всей Латинской Америке.

Как уже отмечалось, решительно поднялся на борьбу против тирании Пиночета народ Чили. Он перестал бояться фашистского террора. Чилийцы смело вышли на улицу демонстрировать свою ненависть к режиму, за спиной которого стояли и стоят американцы.

Французская газета «Монд» опубликовала 17, 18 и 19 февраля 1983 г. серию статей Жака Депре о положении в Чили под заголовком «Дела в Чили идут все хуже и хуже».

«„Страна переживает в настоящее время экономический, социальный, культурный и политический кризис“, — эти слова принадлежат не представителю оппозиции, а правому политическому деятелю, недавнему стороннику Пиночета», — отмечает Ж. Депре. Слово «безработица» мелькает во всех разговорах. Такова многогранная и тягостная реальность, которая никогда не исчезала — даже во времена экономического бума. Военному правительству ни разу так и не удалось снизить безработицу ниже 14%.

Другое проявление кризиса — значительная задолженность частных предприятий и отдельных лиц. Большая часть производственного сектора не в состоянии сегодня расплатиться с этими долгами. По некоторым оценкам, убытки частных банков в полтора раза превышают их капитал.

В 1982 г. было зарегистрировано 810 банкротств — самый высокий показатель за последние 20 лет. Внешний долг — главный источник финансирования роста с 1975 г. — достиг теперь около 18 млрд. долл., и выплаты в счет его составили в 1982 г. 3,5 млрд. долл., т. е. 85% стоимости всего экспорта страны.

Сокращение с 1975 по 1982 г. посевных площадей и вызванный этим рост зависимости от заграницы угрожали Чили серьезным продовольственным кризисом в 1983 г.

Эта весьма мрачная картина иллюстрирует процесс деградации, начавшейся в середине 1981 г. Власти допустили немало ошибочных оценок и приняли немало неуместных мер. Прежде всего они утверждали, что экономический кризис — следствие мирового спада. Согласно концепции предводителя «чикагских ребят», бывшего министра финансов Серхио де Кастро, для решения проблемы было необходимо автоматическое приведение чилийской экономики в соответствие с международной конъюнктурой; иначе говоря, чилийцы должны были в ожидании выхода из циклического кризиса «потуже затянуть пояса».

Провал этой политики, которой так и не удалось снизить процентные ставки, вынудил правительство девальвировать песо.

Подобный социально-экономический кризис не мог не иметь крупных политических последствий. Социальная база, на которую до настоящего момента

опирался режим, рухнула. «Нас обманули, — говорит один из бывших министров экономики. — Земледельцы, а также мелкие и средние предприниматели были сметены политикой экономической либерализации, дешевым долларом и завышенными учетными ставками; коммерсанты и крупные предприятия пострадали от спада; а основные частные банки, оказавшиеся сейчас в руках государства, расплачивались за решения правительства».

Председатель Конфедерации промышленности и торговли Хорхе утверждает, что эти финансовые меры вызовут в ближайшее время «ненужное банкротство многих жизнеспособных предприятий» и «угрожают частному предпринимательству как таковому».

Безработица и падение покупательной способности болезненно сказались и на средних классах, которые в большинстве своем приветствовали свержение Сальвадора Альенде и немало поживились благодаря «чилийскому чуду».

Отрезвление было тяжелым. Обремененные долгами, а зачастую и потерявшие работу, эти люди, которых генерал Пиночет называл «добрыми гражданами», не хотят мириться со своей социальной деградацией.

Пиночет по-прежнему использует арсенал репрессивных средств в борьбе с оппозицией. Чили продолжает жить в условиях исключительного режима. В настоящее время там действуют одновременно «чрезвычайное положение» и «особое положение в связи с угрозой внутреннему миру», которые могут продлеваться каждые полгода. С трех часов ночи до пяти утра действует комендантский час. Национальный информационный центр (НИЦ), сменивший в августе 1977г. зловещую ДИНА, продолжает сеять ужас.

Чилийские и зарубежные организации говорят в один голос: положение с правами человека в Чили в 1982 г. ухудшилось.

Полиция часто устраивает массовые облавы в бедняцких районах на окраинах Сантьяго. Две шумевшие операции были проведены в конце года в поселках Ла-Систерна и Нуэво-Аманесер. Полторы тысячи мужчин — жителей этих поселков грубо схватили и 12 часов продержали на пустыре, превращенном в концлагерь. Власти пытались таким образом запугать население трущоб, где очень активно действуют коммунисты и МИР («Левое революционное движение»). «Викариат солидарности» и комитет по правам человека утверждают, что в 1982 г. возросло по сравнению с 1981 г. число лиц, подвергавшихся пыткам. Один из руководителей «Викариата» утверждает: «Пытки приняли систематический характер, а методы их были усовершенствованы. Агенты НИЦ используют специально оборудованные автомашины. НИЦ даже имеет в своем штате врачей для правильного «дозирования пыток, чтобы они не оставляли следов». По словам Максимо Пачеко, председателя Чилийского комитета по правам человека, пытки теперь не только обычный способ полицейского допроса, они все чаще используются как метод политических репрессий. 25 февраля 1982 г. ударами ножа был зверски убит председатель Национального объединения государственных служащих Тукапель Хименес. За несколько дней до этого он выступил с призывом к трудящимся о единстве и участвовал в подготовке всеобщей забастовки.

Признаки пробуждения налицо. В этом отношении 1982 г. стал поворотным в истории военного режима. В условиях экономического кризиса среди гражданского населения как в высших, так и в низших его слоях началось растущее брожение, хотя координация между двумя этими слоями по-прежнему еще очень слаба.

Люди говорят, критикуют, собираются вместе, внимательно изучают настоящее и пытаются подготовить будущее. Это не так-то легко при полицейском режиме и отступление здесь не редкость, но все же движение началось. Две главные цели — организовать и бороться. А поскольку время не ждет, оппозиция пришла к выводу, что то и другое следует делать одновременно.

Начался бой за «завоевание людей с улицы». В декабре 1983 г. военное правительство столкнулось с двумя самыми крупными с 1973 г. демонстрациями

оппозиции. 2 декабря Национальный координационный центр профсоюзов (НКЦП) призвал трудящихся собраться в центре Сантьяго в знак протеста против роста цен и безработицы. Нескольким сотням манифестантов удалось собраться, несмотря на наличие крупных полицейских сил и жестокие репрессии. 15 декабря того же года ряд левых организации устроили в Сантьяго, Вальпараисо и Консепсьоне марш с требованием «хлеба, работы, справедливости и свободы». Разгневанные чилийцы в течение нескольких часов давали отпор полиции, в то время как из-за произведенных актов саботажа без электричества остались несколько кварталов трех главных городов Чили.

Беспрецедентные волнения происходят в высших учебных заведениях, которые с 1973 г. находятся под властью военной администрации. Студенты протестуют против чрезмерно высокой платы за обучение и против притеснений, которые агенты службы безопасности практиковали в студенческих городках.

Пробуждаются и бедняцкие окраины, ибо они являются излюбленной мишенью полиции и больше, чем кто-либо, страдают от безработицы (в некоторых из них она превышает 70%). Полицейские эксцессы побуждают обитателей этих кварталов к действиям. Католическая церковь играет важную роль в «низовых общинах», которые помогают беднякам организоваться.

Все — от «демократических» правых до крайне левых — сходятся по двум вопросам: во-первых, для выхода из экономического кризиса необходимо восстановление демократии; во-вторых, выхода не будет до тех пор, пока генерал Пиночет остается во главе государства. Католическая церковь открыто поддерживает эту позицию. Епископская конференция решительно высказалась за возврат к подлинной

демократии.

В Уругвае, как заявил в интервью газете «Нойес Дойчланд» Первый секретарь ЦК Коммунистической партии Уругвая Родней Арисменди, все попытки военного режима увековечить свое господство в стране обречены на провал.

Новый подъем патриотической борьбы в стране наметился в 1983 г., сказал Р. Арисменди. Весь народ, в том числе представители буржуазных партии, выступили против правящего режима. После демонстрации 1 мая 1983 г. в Монтевидео борьба нарастала особенно быстро. Ее наивысшей точкой явилась манифестация около 400 тыс. человек в ноябре указанного года против планов установления так называемой «ограниченной демократии».

Всеобщая забастовка, проведенная в начале 1984 г., стала еще одной яркой победой. Она в очередной раз продемонстрировала, что уругвайский народ полон решимости добиться восстановления демократии в стране. Отменить запреты на деятельность всех политических партий и профсоюзов, отказаться от государственного устройства, навязанного военными, — вот чего требуют массы в настоящее время.

Наша партия, подчеркнул Р. Арисменди, всегда находилась на переднем крае борьбы за демократию. За это она заплатила дорогую цену — тысячи патриотов томятся в застенках, подвергаются пыткам, многие бесследно исчезли. Пройдя с честью через все испытания, партия и сегодня активно участвует в битвах, которые ведет рабочий класс, весь уругвайский народ³¹.

То же наблюдается и в других странах, где у власти находятся ультраправые режимы, ориентирующиеся на Вашингтон. Диктатуры фашистского типа в Латинской Америке, которые с таким старанием повсеместно насаждал Вашингтон, явно трещат по швам.

После восьми лет господства рухнула военная диктатура в Боливии. В конце 1982 г. военные решили вернуться в казармы, и власть перешла к Силесу Суасо, лидеру блока левых сил, одержавшего победу на выборах 1980 г., но недопущенного тогда к власти очередной хунтой.

В октябре 1982 г. Силес Суасо стал президентом Боливии. Впервые в истории

страны в правительство вошли два представителя компартии. На торжества по поводу вступления в должность нового президента прибыла по приглашению боливийских властей высокая кубинская делегация во главе с заместителем председателя Госсовета и Совета министров Республики Куба Карлосом Рафаэлем Родригесом. Ее встретили на аэродроме в Ла-Пасе трудящиеся с плакатами, на которых были начертаны лозунги в честь Эрнесто Че Гевары... Новое правительство Боливии установило дипломатические отношения с революционной Кубой и Новой Никарагуа.

«Лед тронулся» и в крупнейших странах Южной Америки — Бразилии, Аргентине.

В Бразилии военный режим «ослабил вожжи»: объявил амнистию политзаключенным, провел местные выборы и т. д. Людям стало легче дышать. Все ждут новых послаблений.

Но главные события произошли в Аргентине. Проиграв Мальвинскую (Фолклендскую) битву, аргентинские военные недолго удержались у власти. Их подвел главный союзник — Рейган, поддержавший Великобританию, вернее, консерваторов во главе с Маргарет Тэтчер. Разъедаемые внутренними противоречиями и раздорами, не умея справиться с пучиной экономических неурядиц, военные были вынуждены провести в 1983 г. выборы, на которых абсолютное большинство получили радикалы, а их кандидат Альфонсин стал президентом страны. Новый глава Аргентины всерьез взялся за наведение порядка в стране. Многие военные, ответственные за террор и связанные с ним преступления, были арестованы и отданы под суд. Ежедневно вскрываются «подпольные» кладбища, печать сообщает ужасающие подробности о пропавших, замученных «террористах», среди которых много женщин, детей, стариков. А ведь «пропавших» около 30 тыс.!

Успешно развиваются деловые отношения между СССР и Аргентиной, о чем, в частности, свидетельствует построенный при содействии советских специалистов гидроэнергокомплекс на реке Уругвай в районе города Конкордия. Об этом грандиозном сооружении говорит руководитель представительства «Энергомашэкспорта» в Аргентине Вячеслав Васильевич Теняков:

«Советское участие в строительстве Сальто-Гранде было выиграно на торгах. Советская сторона составила проект, поставила оборудование, вела шефнадзор за монтажом, пуско-наладочными работами и обеспечит гарантийную эксплуатацию.

После проекта Сальто-Гранде „Энергомашэкспорт“ заключил еще несколько контрактов на поставку энергетических блоков на этот раз для тепловых станций. Интересно отметить, что это были первые в латиноамериканских странах блоки с очень высокими экономическими показателями: имевшие меньший расход топлива и требовавшие меньше обслуживающего персонала. И еще одна особенность советского участия в строительстве тепловых станций: часть оборудования изготавливается аргентинскими предприятиями по нашей технической документации.

С каждым годом наблюдается углубление советско-аргентинского экономического сотрудничества... Один из примеров этому — новый проект строительства ГЭС в Пьедра-дель-Агила. Там устанавливаются четыре турбины. Две турбины поставляются из СССР, а две другие делаются силами аргентинцев под наблюдением советских специалистов по нашей технологии и с участием советских конструкторов. Естественно, что такое сотрудничество даст возможность аргентинским специалистам накопить достаточный опыт, чтобы один из очередных проектов начать и завершить собственными силами. В этом и заключается равноправное и взаимовыгодное сотрудничество»³²

Положительные перемены наблюдаются в Колумбии и Венесуэле, где к власти пришли президенты — Белисарио Бетанкур и Хайме Лусинчи, намеревающиеся всерьез бороться в первую очередь с последствиями мирового экономического кризиса, охватившего по вине Рейгана весь капиталистический мир. Президент Колумбии Бетанкур стремится заключить мир с партизанами, выступающими уже много лет против местных богачей.

В 1982 г. правительство Колумбии начало процесс переориентации политики страны на укрепление самостоятельности и национального суверенитета, отказ от слепого следования в кильватере «дипломатии авианосцев» США. Колумбия выступает против гегемонистских устремлений Вашингтона в Латинской Америке, осуждает его авантюристический курс на эскалацию военно-политического кризиса в Центральной Америке. Эта страна — активный член движения неприсоединения, один из учредителей Контадорской группы, в которой играет сейчас ведущую роль.

Стабильный характер имеет многостороннее советско-колумбийское экономическое сотрудничество. СССР поставит машины и оборудование для гидроэнергетического каскада «Альто Сину», в который войдут ГЭС «Урра» I и II. В столице Колумбии широко эксплуатируются советские троллейбусы. Высокой популярностью по всей стране пользуются автомобили «ВАЗ-2121».

Укрепляются двухсторонние контакты в политической области, в том числе по межпарламентской линии³³

В предвыборной программе, получившей название «Пакт ради социальной демократии», Х. Лусинчи выдвинул задачу проведения социально-экономических мероприятий по стабилизации экономики Венесуэлы на основе укрепления государственного сектора с участием частных предпринимателей и трудящихся. В области внешней политики венесуэльский президент выступает за развитие сотрудничества со всеми странами, независимо от их социального строя, против гонки вооружений, за разоружение; поддерживает усилия по мирному, политическому урегулированию проблем Центральной Америки и Карибского бассейна³⁴

В начале февраля 1984 г. на встрече с делегацией СССР, принимавшей участие в Каракасе в официальных мероприятиях по случаю передачи президентской власти, Х. Лусинчи заявил, что в Венесуэле разделяют тревогу советских людей за судьбы мира; Венесуэла и впредь будет содействовать ослаблению международной напряженности, достижению прочного мира на земле.

Х. Лусинчи положительно оценил состояние советско-венесуэльских отношений, высказался за дальнейшее развитие взаимовыгодных связей между двумя странами в различных областях жизни³⁵

Следует сказать, что новое правительство Мексики, возглавляемое президентом де ла Мадридом, пытается пойти по тому же пути, что Колумбия и Венесуэла...

Во всех событиях в Латинской Америке последнего времени можно проследить определенную закономерность — революционный процесс растет, ширится, резко обостряются противоречия между народами континента и империализмом США, происходят изменения в классовой структуре общества, в антиимпериалистическую борьбу включаются все новые и новые общественные слои.

Как мы уже частично отмечали, важную роль в этих событиях играет церковная иерархия, многие представители которой, в особенности в Чили, Бразилии, Боливии, выступают против реакции. Подобное положение дел не может не беспокоить Белый дом да и Ватикан. Они начинают проявлять активность. Агенты ЦРУ убили во время мессы в Сальвадоре прогрессивного архиепископа Оскара Ромеро, более тысячи других священников подверглись репрессиям за свое участие в национально-освободительном движении за последние 20 лет. Нынешний папа Иоанн Павел II за пять лет (с 1979 г.) пребывания на ватиканском престоле четырежды посетил Латинскую Америку, наведавшись в Мексику, Бразилию, Аргентину, страны Центральной Америки и пытаясь сдерживать прогрессивные настроения среди верующих. Однако события продолжают развиваться далеко не по планам реакции. С критикой действий Белого дома стала выступать в последнее время и церковная иерархия в самих США. Пьер де Шарантнэ, иезуит, заместитель директора Института социальных исследований при Католическом институте Парижа, пишет во Французском журнале «Монд дипломатия» в апрельском номере за 1983 г.; сенатор от штата Гавайи Дэниел Иноуэй заявил государственному секретарю США Г. Шульцу,

что «большинство сенаторов буквально захлестнул водоворот различных встреч, в особенности с религиозными лидерами», из которых почти никто «не поддерживает нашего курса в отношении Сальвадора». Эта фраза отражает позицию католической церкви США в отношении политики американской администрации в Центральной Америке. Католическая церковь США, начиная от Национальной конференции католических епископов и до самых скромных приходов, внимательно следит за политикой, проводимой Р. Рейганом в отношении Сальвадора и Гватемалы. Критика в адрес администрации США и поддержка оппозиционных движений вышеназванных стран достигли таких масштабов, что вице-президент Дж. Буш даже заявил, что он просто не понимает, каким образом священнослужители могут соединять свою веру с марксистскими идеями и методами. 28 февраля 1983 г., выступая в подкомиссии сената, Шульц также обрушился с нападка на «церковных деятелей, которым хотелось бы, чтобы в Сальвадоре усилилось советское влияние». Несколькими днями позже, 7 марта 1983 г., архиепископ Вашингтона Джеймс Хики от имени всего епископата выступил в комиссии конгресса с критикой заявлений вице-президента США и государственного секретаря Соединенных Штатов.

Католическая церковь в США сопротивляется внешнеполитическому курсу Рейгана.

Представители Конференции руководителей религиозных орденов посетили Никарагуа и соседние страны, чтобы на месте изучить деятельность своих миссионеров и политическое положение в каждой из стран. Между епископатами существуют прочные личные связи; часто осуществляются визиты и обмен посланиями.

Священники и монахини центральноамериканских стран также часто бывали в США с краткосрочными поездками или временно проживали там с целью получения образования. Это также содействовало поддержанию уз дружбы и солидарности.

Солидарность проявляется особенно ярко, когда какой-либо представитель католической церкви США оказывается причастным к драматическим событиям в Центральной Америке: в декабре 1980 г. четыре монахини были убиты в Сальвадоре, 28 июля 1981 г. священник из Оклахомы Стэнли Ротер был убит в Сантьяго-Атитлан в Гватемале, 13 февраля 1980 г. был убит Джеме Миллер, принадлежавший к братьям христианских школ. Подобные события каждый раз влекут за собой дальнейшее сближение католических церквей. «Дело» отца Пельесера и исчезновение в августе 1981 г. испанца-иезуита отца Карлоса Переса Алонсо в Гватемале вызвали глубокое возмущение американских иезуитов, которые вынесли эти события на рассмотрение комиссии ООН по правам человека.

Анализ многообразных связей показывает, что американская католическая церковь сделала свой выбор. К монсеньеру Ривера-и-Дамасу, единственному сальвадорскому епископу, который продолжает линию монсеньора О. Ромеро, повсюду прислушиваются. Уже в декабре 1980 г. он заявлял следующее: «Мы считаем силы безопасности и ультраправые группировки виновными в преследованиях церкви, и в особенности в убийствах священнослужителей и светского населения». Напротив, позиция консервативно настроенных епископов, таких, как монсеньор Апарисио или монсеньор Альварес в Сальвадоре, кардинал Касариго в Гватемале или даже монсеньор Обвандо-и-Браво в Никарагуа, почти не встречает поддержки, поскольку они представляют тенденции, близкие к американскому курсу в этом районе.

Американская католическая церковь пытается разъяснить как Р. Рейгану, так и всей нации, что применение силы и действия с позиции великой державы не помогут распутать клубок противоречий, сложившийся в Центральной Америке; что в этом районе нет никакого конфликта «Восток—Запад» и что военное решение не принесет успеха. Национальная конференция католических епископов подчеркивает, что в этих странах существуют прежде всего социальные и политические проблемы. Если там идет война или, вернее, многочисленные войны, то объясняется это социальной

несправедливостью и угнетением индейского и крестьянского населения на протяжении многих десятилетий:

«Главная проблема заключается в нищенских условиях жизни и отказе в элементарных правах человека во многих из этих стран», — заявили американские епископы в 1981 г. В этой несправедливости повинны общественные слои и правительства, близкие к США, либо попросту поставленные ими у власти.

Эрнесто Че Гевара даже не мог и мечтать, что церковные иерархи в самих США станут столь критически относиться к политике своего правительства к югу от Рио-Браво-дель-Норте.

Возвращаясь к анализу процессов, происходящих в Латинской Америке, следует иметь в виду, что некоторые деятели правящих классов, опасаясь худшего, вступают на путь верхушечных преобразований, другие примыкают к революции в надежде затормозить ее или сбить с пути, третьи выступают против империализма из патриотических соображений. Ибо всем становится очевидным, что революция неизбежна, что она на повестке дня, что она совершится, хотя бы того или нет ее противники.

Все это усложняет революционный процесс, придает ему иногда необычные формы, внешне расходящиеся с общепринятыми моделями, формулами и понятиями. Но суть дела не во внешней оболочке событий, а в их содержании, в реальных успехах революционного движения, а они, эти успехи, несомненны.

Основным завоеванием революционного движения на континенте после гибели Эрнесто Че Гевары следует считать тот факт, что ставшая ему родиной революционная Куба не только выдержала с успехом все враждебные наскоки Вашингтона, но и продвинулась значительно вперед в области как внутренней, так и внешней политики.

Приведем только отдельные высказывания из Доклада Центрального Комитета Коммунистической партии Кубы, зачитанного ее II съезду в конце 1980 г. Фиделем Кастро³⁶:

«Сила такой небольшой страны, как Куба, — не в ее военной или экономической мощи; ее сила морального свойства. Последней освободившись от испанского колониализма, Куба стала в этом полушарии первой страной, которая покончила с империалистическим господством янки. Она первой на нашем континенте пошла по пути создания новых, высших форм экономической и общественной жизни, по пути строительства социализма. В нашей жизни все ново. Мы прошли нелегкий путь. Нам пришлось столкнуться с самой могущественной империалистической державой, находящейся всего в 90 милях от наших берегов, вести борьбу против реакционных идей, распространявшихся в течение столетий и даже тысячелетий, против звериной ненависти эксплуататорских классов, противостоять блокаде, враждебности, угрозам, клевете, ожесточенной кампании, развязанной теми, кто монополизировал значительную часть средств массовой информации в мире. Чтобы продолжать идти вперед, нам необходимо было не бояться агрессий и даже риска полного уничтожения. Не все, что мы делали, было мудрым, не все наши решения были правильными, как и в любом другом революционном процессе. Но мы выстояли.

Нельзя ни в малейшей степени отрицать замечательные, героические усилия нашего трудового народа, членов нашей партии и их огромные успехи в трудные годы периода 1976—1980 гг. Необходимо иметь в виду, что многие капиталистические страны, даже высокоразвитые, обладающие большими ресурсами, чем мы, вынуждены были сократить темпы экономического роста, а в отдельные годы снижать уже достигнутый уровень производства; они столкнулись с тем, что инфляция, безработица, экономический и социальный кризис достигли впечатляющих размеров. Мы же, социалистическая страна со слаборазвитой экономикой, в течение этого пятилетия продвинулись вперед в материальном производстве и добились значительных успехов в социальной области.

За пятилетие 1976—1980 гг. общий объем капиталовложений составил 13,2 млрд.

песо. Это почти на 75% больше, чем в предыдущую пятилетку, и в 3 раза больше, чем в период 1966—1970 гг. Из них 35% было выделено на развитие промышленности, что составило около 4570 млн. песо — в 3 раза больше, чем в предыдущую пятилетку, и на 1 млрд. песо больше, чем общая сумма капиталовложений в области промышленности за 15 лет, предшествовавших 1975 г. В сельское хозяйство было направлено 19% капиталовложений. Это соотношение резко отличается от предыдущих пятилетий, когда около 40% всех капиталовложений предназначалось для сельского хозяйства, в то время как на промышленность приходилось 25—30%. Это соответствует решениям I съезда о необходимости ускорить процесс индустриализации в течение пятилетки 1976—1980 гг.»

Поразительные данные о развитии социалистической Кубы привел Фидель Кастро, выступая по случаю 25-летия Кубинской революции 1 января 1984 г. в Сантьяго-де-Куба. Речь его опубликована под символическим заглавием: «Куба не может экспортировать революцию, но и Соединенные Штаты не смогут ее остановить». В течение 12 лет на острове ежегодно работали 350 тыс. рубщиков сахара. Сегодня, когда сахара страна получает больше чем когда-либо в прошлом, ежегодно участвуют в рубке сахарного тростника только 100 тыс. человек, остальное делают машины. Социалистическая Куба приняла, подготовила и дала образование 20 тыс. молодых людей из стран Азии, Африки, Латинской Америки; Куба сотрудничает в этом плане более чем с 30 странами этих континентов. Когда речь шла о посылке в Никарагуа учителей, предложили свои услуги 30 тыс. добровольцев, когда убили некоторых из них, число добровольцев превысило 100 тыс. Одна социалистическая Куба располагает большим количеством добровольцев, готовых к выполнению любых заданий в любой части света, чем США и все церкви мира вместе взятые³⁷.

В докладе II съезду Компартии Кубы Ф. Кастро особо отметил деятельность Вооруженных Сил Республики, подчеркнув быстрое, решительное и образцовое выполнение ими поставленных партией задач по оказанию интернациональной помощи Анголе и Эфиопии. «Находясь за тысячи километров от родины, — говорил вождь революционной Кубы, — наши воины, значительную часть которых составляли призванные из резерва трудящиеся, решительно сражались вместе с героическими ангольскими и эфиопскими бойцами и победили агрессоров — наемников империализма, посягнувших на территориальную целостность, независимость и революцию в этих двух братских африканских странах.

Впервые в истории один из народов нашего полушария, в жилах сынов и дочерей которого течет кровь предков — сотен тысяч рабов, насильственно вывезенных из Африки алчными колонизаторами, послал тысячи своих сыновей бороться вместе с народами Африки за их свободу и достоинство.

Империализм и международная реакция злобно оклеветали нашу страну за это проявление солидарности. Напротив, народы Анголы и Эфиопии, все революционные и прогрессивные силы, к нашему удовлетворению, во всей полноте оценили этот благородный и бескорыстный поступок Кубы. Это блестящая, прекрасная страница проявления интернационализма, вписанная в историю революционного движения.

Мы, кубинские революционеры, не любим говорить о нашей солидарности с другими народами и революционными движениями и если делаем это, то с большим нежеланием, ибо считаем, что эта солидарность — всего лишь долг, который мы выполняем в соответствии с нашей интернациональной совестью. Однако было бы неправильным не воспользоваться таким случаем, как этот, и не почтить память тех, кто пожертвовал собой, отдал свою жизнь вдали от родины за благородное дело свободы, справедливости и человеческого достоинства, а также не выразить нашу самую большую признательность и добрые чувства десяткам тысяч соотечественников, которые за тысячи миль от Кубы вместе с нашими братьями — ангольцами и эфиопами — находятся на переднем крае борьбы на юге Анголы, в Огадене и в других местах, тем, кто в других странах помогает укреплению обороны и

обучению личного состава вооруженных сил.

Социалистическая Куба несказанно укрепила за истекшие годы свой международный авторитет.

VI конференция глав государств и правительств неприсоединившихся стран, состоявшаяся в Гаване в сентябре 1979 г., стала ярким свидетельством силы движения, его влияния на международной арене. Вопреки усилиям американского империализма, пытавшегося умалить значение конференции, выхолостить основную, антиимпериалистическую направленность движения, оно подтвердило в своих документах, в подходе к анализу конкретных международных проблем свой независимый, антиимпериалистический характер и внесло важный вклад в дело мира, в неустанную борьбу против несправедливости, неравенства, угнетения, расизма, за подлинный социально-экономический прогресс развивающихся стран.

В период, прошедший после проведения конференции, движение неприсоединившихся стран было вынуждено противостоять клеветнической кампании, систематически ведущейся врагами наших народов, которые, пытаясь воспользоваться сложностью международной обстановки, прилагают все усилия для того, чтобы посеять раздор между нашими странами, затруднить и ослабить их совместные действия. Несмотря на все препятствия, неприсоединившиеся страны продолжали усилия по претворению в жизнь решений VI конференции и сохранили свое единство.

Куба стала председателем движения неприсоединившихся стран в момент обострения обстановки на международной арене, когда нарастают многочисленные конфликты, возникают новые очаги напряженности в различных регионах, выявляются противоречия, сталкивающие одни страны движения неприсоединения с другими...

Стремление Рейгана и его советников добиться военного превосходства и разговаривать с социалистическими странами с позиции силы просто абсурдно. Это привело бы лишь к безудержной гонке вооружений в обстановке самого острого за последнее время мирового экономического кризиса. Это равносильно тому, чтобы требовать от народов непростительного и фатального самоуничтожения. Такое можно было бы понять в эпоху мушкетов и арбалетов, но не в эпоху термоядерного оружия. Кому дано право так играть судьбой всего человечества?

Рейган, по нашему мнению, не сможет решить ни одной из основных проблем Соединенных Штатов: проблемы инфляции, безработицы, энергетического кризиса, экономического спада, пороков, наркомании, преступности, коррупции. А между тем его внешнеполитические планы несут угрозу миру во всем мире...

Угнетение не вечно. Ужас и страх не будут царить всегда. Наступил момент, когда пробуждающиеся народы стали сильнее всего того, что придумано угнетателями для удержания их в повиновении. Нужно быть слепым, чтобы не видеть этого. Чем жестче внутренняя тирания, чем страшнее империалистическое угнетение, тем упорнее борьба! Эту борьбу ничем не остановить!»³⁸.

Сегодня в Латинской Америке повсеместно стреляют. Здесь это не новость. Новое заключается в том, что до недавнего времени этим занимались реакционеры, буржуазные слои, а теперь за оружие берутся народные массы, интеллигенция, студенты, рабочие, крестьяне. Реакционный террор приобретает размеры геноцида. К примеру, в Сальвадоре только за 1981—1982 гг. убито хунтой, поддерживаемой США, свыше 100 тыс. человек. Реакционеры, как уже упоминалось, не пощадили даже сальвадорского архиепископа Ромеро, застреленного «неизвестными» во время мессы.

По сравнению с этими событиями, партизанские действия Эрнесто Че Гевары, особенно в Боливии, сегодня могут показаться всего лишь эпизодом. В чем же заслуга Че? Принесла ли его смерть пользу? Или его решение начать партизанские действия в Боливии, где до сих пор перевороты следуют один за другим, было просчетом, роковой ошибкой?

Эрнесто Че Гевара был убежден, что изменить существовавшую в его время обстановку в странах Латинской Америки можно было только оказывая вооруженное

сопротивление американскому империализму и его креатурам, державшимся у власти благодаря массовому террору. Если США считают себя вправе вмешиваться в дела своих соседей, то и любой латиноамериканец вправе оказывать им сопротивление где бы то ни было, предпочтительно же там, где они этого меньше всего ожидают. Так поступали латиноамериканские патриоты со времен Войны за независимость.

Венесуэльские войска во главе с Симоном Боливаром прошли всю Южную Америку до вершин Горного Перу, аргентинцы во главе с Сан-Мартинем сражались в Чили и том же Перу. В войнах за освобождение от испанского господства Кубы принимали участие мексиканцы, доминиканцы и представители других республик. Более того, главнокомандующим Освободительной армии Кубы в войне 1893—1898 гг. был доминиканец Максимо Гомес. В годы мексиканской революции (1910—1917 гг.) в ее рядах сражались такие славные американцы, как Джон Рид. В войсках генерала Аугусто Сесара Сандино в Никарагуа бились против американских интервентов мексиканцы, венесуэльцы, сальвадорцы и др. Сам Эрнесто Че Гевара, аргентинец, сражался в рядах повстанцев Фиделя Кастро.

Таких примеров можно было бы привести десятки. Ведь латиноамериканцев объединяет общность исторических судеб, у всех них общее индо-испанское прошлое, один и тот же язык и, главное, один и тот же враг — империализм. Между прочим все подлинные революции всегда привлекали людей доброй воли самых разных национальностей. Так было в годы американской революции во главе с Дж. Вашингтоном, так было и во время Великой Французской революции, и Великой Октябрьской социалистической революции, и многих других. Так что напрасно нынешние властители США сетуют на участие чужестранцев в революционных движениях современности. Если говорить о чужестранцах без кавычек, то такими являются только американские империалисты, одержимые имперским комплексом и сующие в последние годы свой нос во все уголки земного шара...

Можно сказать одно: хозяином положения в той или другой стране является народ, трудящиеся. От них во многом зависит успех или поражение того или другого движения. В этом убедился на собственном опыте и Эрнесто Че Гевара, сражаясь в Боливии.

Мужество Эрнесто Че Гевары, его беззаветная преданность революционному долгу, бескорыстие и честность, скромность и дисциплинированность, готовность в любой момент и в любом месте пожертвовать собой во имя идеалов социализма останутся навсегда ярким примером для революционеров всех стран и народов.

Нет, кровь Че Гевары, кровь его сподвижников, как и кровь их предшественников, как кровь всех революционеров, коммунистов, не была пролита даром. Революция побеждает в том числе и потому, что ей прокладывают путь, сражаются за ее благородные, бессмертные идеалы такие кристальной чистоты революционеры, каким был Эрнесто Че Гевара. «Не просчеты и заблуждения, — пишет советский историк К. А. Хачатуров, — оставил нам как свое главное наследство Эрнесто Че Гевара. Он оставил нам нетленную и светлую память о пылающем сердце латиноамериканского Данко, закаленное, как сталь, мужество революционера, незапятнанную совесть и честь коммуниста. Нам — это народу Кубы, ставшей для Че второй родиной, революционным силам Латинской Америки, патриотам Анголы, всем борцам за народное дело. Нам — это и советским людям, которым, как никому, близок и понятен жизненный подвиг Че»³⁹.

Любое социальное явление многосложно, противоречиво, видится лучше на расстоянии. Так произошло и с действиями Че в Боливии. В их основе — борьба против империалистической политики США, политики, которая не только не снизила свою агрессивность при новых хозяевах Белого дома, но и всемерно наращивает ее.

Необъявленная война против Сандинистской Никарагуа и революционной Кубы, вооруженный захват маленькой Гренады, другие агрессивные акты Рейгана в мире в конечном счете преследуют одну цель — поставить на колени СССР. С этой целью

Рейган раздувает всемирную гонку вооружений, провоцирует всякого рода инциденты, вмешивается в дела Ближнего Востока, других регионов, объявляет Советский Союз «империей зла» и т. д. и т. п. Советский Союз — главный враг и потенциальный противник империализма. Это хорошо понимал Эрнесто Че Гевара и поэтому всегда стремился к укреплению союза с нашей страной.

Нынешние успехи латиноамериканской революции существенно ослабляют позиции империализма в мире. «В целом подъем революционного движения на Латиноамериканском континенте имеет огромное значение для мирового революционного процесса. Еще совсем недавно, казалось бы, надежные тылы американского империализма превращаются в гигантский очаг антиимпериалистической революции. Под боком у главной цитадели империализма — США разворачивается революционное движение огромной мощи. Эти сдвиги оказывают и, несомненно, будут оказывать сильное влияние на дальнейшее изменение соотношения мировых сил в пользу международного рабочего класса, в пользу социализма»⁴⁰.

Этот анализ более чем десятилетней давности нашел свое подтверждение и в заявлении Совещания коммунистических партий Южной Америки, состоявшегося в Буэнос-Айресе (Аргентина) в июле 1984 г. В Совещании принимали участие компартии Аргентины, Боливии, Бразилии, Венесуэлы, Гайаны, Колумбии, Панамы, Парагвая, Перу, Уругвая, Чили и Эквадора. Представители Коммунистической партии Кубы присутствовали на нем в качестве наблюдателей.

В заявлении компартий отмечается, что за последние годы важные позитивные сдвиги произошли в развитии демократического процесса в Южной Америке. Все больше авангардную роль в нем играет рабочий класс.

Положение в регионе характеризуется в последнее время упрочением позиций социалистической революции на Кубе и победой патриотической, народной и антиимпериалистической революции в Никарагуа. К этому надо добавить активизацию повстанческого движения в Сальвадоре, крах фашистских и авторитарных диктатур, подъем выступлений трудящихся и народных масс за демократические права и свои конкретные требования, повышение роли коммунистических партий, а также растущее влияние революционных идей.

Освободительная борьба народов Центральной Америки и Карибского бассейна развивается в сложной обстановке, в обстановке агрессий, заговоров и угроз со стороны правительства США.

Вчера империализм США пытался задушить Кубу. Сегодня его попытки уничтожить никарагуанскую революцию стали частью общего курса по подавлению освободительного движения в Латинской Америке. Следуя этим курсом, он обучает и руководит армией убийц в Сальвадоре, осуществляет неприкрытую агрессию против сальвадорского народа, который ведет героическую борьбу.

Совещание коммунистических партий стран Южной Америки заявило о своей полной поддержке социалистической Кубы и призвало народы встать на защиту этого высшего на современном историческом этапе завоевания революционного движения в Латинской Америке. Совещание выразило решительную солидарность с Никарагуа и обратилось к демократическим силам континента с призывом объединиться, чтобы дать отпор интервенционистским устремлениям Пентагона, ЦРУ и их наемников из числа бывших сомосовцев, которых вооружает и финансирует правительство Рейгана. Совещание подтвердило самую твердую поддержку героической борьбы сальвадорского народа.

Варварская интервенция против Гренады, отмечается в заявлении, — это составная часть политики эскалации прямого вооруженного вмешательства в дела других государств, призванного упрочить власть олигархических и милитаристских клик.

В заявлении Совещания компартий в Буэнос-Айресе указывается, что еще в 1975 г. в Гаване компартии стран Латинской Америки и Карибского бассейна подчеркивали:

«... наши партии являются активно действующей составной частью мирового

коммунистического движения. Они твердо стоят на принципах марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. Мы — часть мощного потока, который изменяет ход истории и создает новое общество без эксплуататоров и эксплуатируемых.

Здесь, на земле Южной Америки, единством своих действий и своей повседневной борьбой мы вносим вклад в ликвидацию зависимости, отсталости, социальной несправедливости, безработицы и неграмотности миллионов людей, содействуем созданию более справедливого и более гуманного мира, нового мира, который не может быть не чем иным, кроме как миром социализма, идущим к своему высшему этапу развития — созданию коммунистического общества»⁴¹.

Вождь Кубинской революции Фидель Кастро, выступая в Сьенфуэгосе по поводу 31-й годовщины штурма казармы Монкада⁴², противопоставил успехи, достигнутые его страной в области народного хозяйства, тому упадку, который наблюдался в капиталистических странах. В то время как за последние три года промышленное производство Латинской Америки сократилось на 3,2%, указал Ф. Кастро, в США прирост промышленного производства составил 3,5%, а в Западной Европе—1,3%. За тот же период прирост общественного продукта на Кубе составил 21%, и об этом нужно говорить, ибо буржуазная пропаганда пытается всячески замолчать, приуменьшить успехи Кубы, которых она добилась лишь благодаря своим тесным связям со странами социалистического содружества.

Ф. Кастро отметил далее, что Соединенные Штаты пытаются вывести свою экономику из кризиса за счет остального мира. С этой целью они поднимают таможенные тарифы, ограничивают импорт продуктов, которые могут конкурировать с их собственными, повышают банковские учетные ставки, извлекая большие прибыли даже за счет собственных союзников. Однако эти средства расходуются не на улучшение положения народа, не на решение проблем здравоохранения или охраны окружающей среды, а на развязывание гонки вооружений, цель которой — сломать существующее военно-стратегическое равновесие в мире и добиться военного превосходства в ядерном и в обычных вооружениях. С этой целью США создают «силы быстрого развертывания», способные совершать вторжения в любой район земного шара в считанные часы, разрабатывают новые смертоносные виды оружия, в том числе космическое для ведения «звездных войн».

Социалистические страны не виноваты в усиливающейся международной напряженности, сказал Ф. Кастро. Государства социализма не хотят гонки вооружений, совершенно не заинтересованы в наращивании производства оружия. Социалистической системе это не нужно, имеющиеся ресурсы она хотела бы вкладывать только для решения социально-экономических задач. В милитаризации заинтересованы прежде всего крупные монополии Запада, занимающиеся производством оружия. Именно они получают от этого огромные барыши.

Советский Союз неоднократно подчеркивал настоятельную необходимость сдерживания тонки вооружений. Тем не менее напряженность в мире растет. Особенно резко она усилилась после размещения ядерного оружия средней дальности на границах стран социалистического содружества. Напряженность усиливается на Ближнем Востоке, в Центральной Америке и Южной Африке.

Советский Союз со всей ясностью предложил начать переговоры по вопросу о космическом оружии, чтобы избежать неконтролируемой гонки этого вида вооружений. Он выразил готовность возобновить переговоры по ограничению ядерного оружия, как только будут отменены меры НАТО, приведшие к срыву этих переговоров.

Силой никто никогда ничего не добьется от нашего народа, заявил Ф. Кастро.

Навязывание силой социальных перемен другой стороне никогда не было целью социалистических стран. Что бы ни говорили невежды, интриганы и клеветники, В. И. Ленин, который был всегда реалистом, человеком глубоких убеждений и сторонником мира, стал первым, кто провозгласил важнейшим принципом необходимость мирного

существования государств с различными социальными системами. В то же время исторической реальностью философии империализма и всех реакционных систем, существовавших в истории, была мысль об уничтожении революции силой. Это показала Французская революция, ставшая объектом вторжения соседних реакционных государств, которые выступали против идеи республики и буржуазной демократии. Это показала Великая Октябрьская социалистическая революция, когда Россия подверглась интервенции капиталистических стран. Это показало нападение фашистской Германии на СССР во время второй мировой войны, когда была предпринята бредовая попытка уничтожить социализм. Это показал пример Китая, когда западные державы тоже попытались уничтожить революцию, оказывая поддержку феодальному чанкайшистскому режиму. Это показали вьетнамская и кубинская революции. Это продемонстрировали трагические события в Гватемале и Санто-Доминго, гренадская революция. Это же происходит сегодня в Никарагуа с сандинистской революцией и с революционным движением в Сальвадоре, которые пытаются уничтожить силой.

Однако ошибаются те, подчеркнул Ф. Кастро, кто полагает, что социалистическое содружество может быть сломлено и капитулирует. Ошибаются те, кто полагает, что любое истинно революционное движение, что революционный народ можно заставить сдаться и капитулировать. Наша страна имеет в этом большой опыт. С самого начала мы подвергались блокаде, угрозам, агрессиям, саботажу, вылазкам контрреволюционных банд, а как можно забыть о попытках покушений на руководителей кубинской революции, предпринимавшихся в нарушение элементарных норм международного права и морали? Однако все эти попытки тщетны, хотя такой небольшой стране, как наша, нелегко противостоять столь мощному и столь агрессивному соседу. Однако и ему при всей его силе также непросто бороться против небольшого, но смелого, умного, достойного и сплоченного народа. Грубая политика Соединенных Штатов должна быть прекращена. К такому мнению сегодня приходят многие сознательные американцы.

Мы не можем недооценивать опасность, которой подвергается наша страна, сказал Ф. Кастро. Поэтому нам пришлось предпринять немалые усилия для укрепления нашей обороны, особенно в последние годы, когда агрессивность противника резко возросла. Мы не милитаристы и не можем ими быть, мы не хотим войны, но мы будем вести войну, если нам ее навязжут. Мы—революционеры с твердыми убеждениями. Мы никогда не откажемся от наших идеалов и убеждений. Наши независимость и суверенитет, революционные принципы, социально-политическая система священны и неотъемлемы, и тому, кто попытается уничтожить их, придется воевать с нами. Мы не угрожаем, да и не можем никому угрожать. Смешно слушать, когда некоторые пытаются утверждать, будто Куба, Никарагуа и Сальвадор представляют собой угрозу для империализма.

Свершения революции сами по себе настолько прекрасны и привлекательны, что мы отдаем ей весь наш энтузиазм и всю нашу энергию. Мы отнюдь не недооцениваем опасность и не переоцениваем свои силы. Перед лицом угроз и агрессий мы укрепляем нашу оборону. И сегодня мы, несомненно, значительно сильнее, чем были три года назад. Наши Революционные вооруженные силы за это время значительно повысили свою боеспособность, улучшили подготовку кадров, овладели новыми видами оружия.

Сегодня наша страна располагает не только хорошо подготовленными Революционными вооруженными силами, готовыми к защите Родины. Она имеет 482 тыс. членов и кандидатов в члены партии, 588 тыс. членов Союза молодых коммунистов, 2666 тыс. человек, объединенных в Профцентр трудящихся Кубы. Весь наш парод организован и представляет собой одну большую силу, заявил Ф. Кастро.

За годы, прошедшие после гибели Че Гевары, силы революции в Латинской Америке умножились и укрепились. Как неприступный утес высится революционная

Куба. О том, как велик ее международный авторитет, говорит тот факт, что Фидель Кастро в течение ряда лет возглавлял влиятельный блок неприсоединившихся стран. А ведь еще недавно Эрнесто Че Гевара первым «открывал» для революционной Кубы страны Азии и Африки, вступившие на путь самостоятельного развития. Революционный процесс в Латинской Америке продолжает успешно развиваться, и в этом немалая заслуга и Эрнесто Че Гевары, отдавшего свою жизнь за счастье и независимость народов этого поистине огненного континента.

¹ Альбису Кампос (1894—1974), лидер пуэрториканских патриотов, выступавший за независимость своего острова. Провел много лет в каторжных тюрьмах СГОА.

² *Tribuna Popular*, 1958, 13 dic.

³ *Правда*, 1983, 11 сент.

⁴ Там же. Генри Киссинджер, госсекретарь при президенте Никсоне, опубликовал Мемуары, в которых цинично признает наглое участие США в свержении и гибели президента Альенде.

⁷ В 1971 г. правительство Хуана Хосе Торреса возбудило дело против генерала Альфредо Овандо по обвинению в убийстве Баррьентоса (организация авиационной катастрофы). Однако суд не состоялся, так как Овандо, находившийся в то время в Испании, отказался вернуться в Боливию.

⁸ Вернувшись во Францию, Р. Дебре вступил по Французскую социалистическую партию (ФСП), стал членом ее руководства (*Лат. Америка*, 1981, № 9, с. 82).

⁹ *L'Unita*, 1969, 17 nov.

¹⁰ *Проблемы мира и социализма*, 1976, № 9, с. 36; *Правда*, 1976, 5 апр.

¹¹ *Правда*, 1977, 11 янв.

¹² *Новое время*, 1982, № 3, с. 26—27.

¹³ Свыше 40 лет в Никарагуа господствовало семейство Сомосы. При активной поддержке Вашингтона оно беззастенчиво грабило страну и убивало своих противников.

Там фактически не было коммунистической партии. Во всяком случае, не коммунисты возглавили борьбу против сомосистского клана, а просто патриоты, которые стремились освободить страну от позорной зависимости и от тирании Сомосы. Их знаменем стало имя Сапдино, никарагуанского борца против американских оккупантов, предательски убитого в 1934 г. по их распоряжению основателем тиранической династии Анастасио Сомосой Гарсией.

¹⁴ *Che Guevara E. Obras, 1957—1967. La Habana*, 1970, t. 2, p. 473; *Лат. Америка*, 1977, № 6, с. 137.

¹⁵ См.: *Лат. Америка*, 1981, № 7, с. 108.

¹⁶ *Известия*, 1983, 23 апр.

¹⁸ *Известия*, 1984, 24 янв.

¹⁹ *За рубежом*, 1982, № 38, с. 10.

²⁰ *За рубежом*, 1983, № 16, с. 6.

²¹ Цит. по: *За рубежом*, 1984, № 4, с. 4.

²² *Правда*, 1984, 25 янв.

²³ См.: *Правда*, 1984, 6 фев.

²⁴ *Правда*, 1984, 29 янв.

²⁵ См.: *Комсомольская правда*, 1984, 24 янв.

²⁶ *L'Unita*, 1984, 16 genn.

²⁷ См.: *Правда*, 1983, 27 марта.

²⁸ *Известия*, 1984, 21 янв.

²⁹ *Granma*, 1984, 21 en.

³⁰ Цит. по: *Правда*, 1984, 24 янв.

³¹ *Правда*, 1984, 6 февр.

³² Правда, 1984, 6 февр.

⁸³ Известия, 1984, 6 февр.

³⁴ Новое время, 1984, № 5, с. 26,

³⁵ См.: Правда, 1984, 6 февр.

³⁶ См.: II съезд Коммунистической партии Кубы, Гавана, 17—20 декабря 1980 г. М., 1982.

³⁷ См.: *Кастро Ф.* Куба не может экспортировать революцию, но и Соединенные Штаты не смогут ее остановить. Гавана, 1984, с. 24—29.

³⁸ II съезд Коммунистической партии Кубы.

³⁹ Комсомольская правда, 1978, 14 июня.

⁴⁰ *Пономарев Б. П.* Актуальные проблемы теории мирового революционного процесса.—Коммунист, 1971, № 15, с. 62.

⁴¹ Правда, 1984, 8 авг.

⁴² См.: Правда, 1984, 31 июля.

Содержание

Предисловие	3
Че — аргентинец	10
Его университеты	17
Гватемальские события	28
Выбор пути	45
Сьерра-Маэстра	60
Рассвет близок	75
Последний решительный	89
Трудное начало	108
Социализм — надежда угнетенных	126
Мирное строительство	142
Тревога	151
Таинственное интермеццо	165
В горах Боливии	178
Западня	201
«Гориллы» и их черные дела	225
Бессмертие	237
Ветры революции	246
Указатель имен	296

Иосиф Ромуальдович Григулевич
ЭРНЕСТО ЧЕ ГЕВАРА
И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ
1984 г
